

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Основан в 2006 г.
Выходит 4 раза в год

№ 4 (71) 2024

JOURNAL

OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Founded in 2006
Published 4 times a year

ВОЛГОГРАД — 2024

ISSN 2074-8183

Вестник Волгоградской
академии МВД России /
Journal of the Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia. —
Волгоград :
ВА МВД России, 2024. —
№ 4 (71). — 160 с.

**Учредитель
и издатель —
Волгоградская
академия МВД России**

Журнал основан
в 2006 г.
Выходит 4 раза в год
тиражом
250 экземпляров

Журнал включен
в Перечень
рецензируемых
научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные
научные результаты
диссертаций
на соискание
ученой степени
кандидата наук,
на соискание
ученой степени
доктора наук

Журнал включен
в систему
Российского индекса
научного цитирования.
Полнотекстовые
версии статей
и пристатейные
библиографические
списки помещаются
на сайте Научной
электронной библиотеки
(www.elibrary.ru)

Журнал
зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору
в сфере связи,
информационных
технологий
и массовых
коммуникаций
23 мая 2019 г.
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-75804

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

№ 4 (71)
2024

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

М. С. Колосович, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

А. П. Алексеев, заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Ю. С. Сафонова, доцент кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Н. С. Сысолина, старший преподаватель кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России.

Состав редакционного совета

А. П. Алексеева, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. В. Артюхов, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

А. А. Аубакирова, начальник кафедры профессионально-психологической подготовки и управления ОВД Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени М. Есбулатова, старший научный сотрудник кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

М. Т. Аширбекова, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

М. В. Бавсун, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

М. В. Бобовкин, профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

В. Г. Глебов, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор.

О. П. Грибунов, директор Иркутского юридического института — филиала Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

И. С. Дикарев, директор института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

О. Б. Дронова, профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Подписной индекс
в каталоге «Пресса
России» — **22761**.

Сайт журнала:
www.va-mvd.ru/vestnik/

Редакторы
Т. В. Рассказова
М. В. Остертак

Компьютерная верстка
Н. А. Доненко

Адрес редакции
и издателя:
400075, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Историческая, д. 130.

Подписано в печать:
18.12.2024.

Дата выхода в свет:
23.12.2024.

Формат 60х84/8.
Гарнитура Arial.
Физ. печ. л. 20,0.
Усл. печ. л. 18,6.
Тираж 250 экз.
Заказ 71.

Цена по подписке
на 2024 г.
по каталогу
«Пресса России»
1544 руб. 00 коп.
(2 номера)

Отпечатано
в ОПиОП РИО
ВА МВД России.
400005, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Коммунистическая, д. 36.

© Волгоградская
академия
МВД России, 2024

Н. А. Егорова, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

С. Г. Еремин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. А. Зайцева, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. И. Замылин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

С. В. Катков, главный эксперт-специалист отдела организации деятельности временных формирований МВД России, сформированных для решения задач в особых условиях, управления организационного обеспечения комплексного применения сил и средств ОВД, функционирующих в особых условиях, Главного управления оперативного реагирования МВД России, доктор юридических наук, доцент.

В. Л. Кубышко, заместитель Министра внутренних дел Российской Федерации, кандидат педагогических наук.

Л. В. Лобанова, заведующий кафедрой уголовного права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

В. Ф. Луговик, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Ненад Милич, проректор по учебной работе Криминалистического полицейского университета (Сербия), доктор юридических наук, профессор.

Д. М. Миразов, начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета общественной безопасности Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор.

А. Л. Осипенко, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор.

Н. В. Павличенко, главный научный сотрудник по изучению проблем истории МВД России научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Г. А. Печников, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. В. Победкин, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

В. А. Ручкин, профессор кафедры судебной экспертизы и физического материаловедения Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

А. С. Самоделкин, начальник НИЦ № 2 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридических наук, доцент.

К. К. Сейтенов, профессор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор.

Б. П. Смагоринский, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

О. В. Стрилец, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

М. А. Шматов, профессор кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

С. А. Янин, профессор кафедры организации следственной работы учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ISSN 2074-8183

Вестник Волгоградской
академии МВД России /
Journal of the Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia. —
Volgograd :
VA MVD Rossii, 2024. —
No 4 (71). — 160 p.

**Founder
and publisher —
Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia**

Journal founded in 2006
Published 4 times a year
circulation
250 copies

The journal is included
in the list of peer-reviewed
scientific journals
and publications,
where main research results
of doctoral dissertations
should be published

The journal is included
into the system Russian
index scientific citation.
Full-text versions of articles
and bibliographic lists
are placed on the Scientific
electronic library
(www.elibrary.ru)

The Journal is registered
at the Federal Service
for Supervision
of Communications,
Information Technology
and Mass Media.
Certificate number
PI № FS77-75804
as of May 23, 2019

Subscription
at the catalogue
"Pressa Rossii" — **22761**

Site of journal:
www.va-mvd.ru/vestnik/

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

**No 4 (71)
2024**

EDITOR-IN-CHIEF

M. S. Kolosovich, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

DEPUTY CHIEF EDITOR

A. P. Alekseev, Deputy Head of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia for Scientific Work, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

SCIENCE EDITOR

Yu. S. Safonova, Associate Professor at the Department of Preliminary Investigation of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

EXECUTIVE SECRETARY

N. S. Sysolina, Senior Lecturer at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The editorial council

A. P. Alekseeva, Professor at the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of Kaliningrad Branch of Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. V. Artyukhov, Associate Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

M. T. Ashirbekova, Professor at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

A. A. Aubakirova, Head of the Department of Professional and Psychological Training and Management of Internal Affairs Bodies of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Esbulatov, Senior Researcher of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Examination of the South Ural State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

M. V. Bavsun, Deputy Head of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia for Scientific Work, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

M. V. Bobovkin, Professor at the Document Examination Department of the Training and Scientific Complex of Forensic Examination of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. G. Glebov, Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

O. P. Gribunov, Head of the Irkutsk Law Institute (Branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

I. S. Dikarev, Head of the Law Institute of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

O. B. Dronova, Professor at the Department of Criminalistic Techniques of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

Editors
T. V. Rasskazova,
M. V. Ostertak

DTP
N. A. Donenko

Address of the editorial
and publishing office:
400075, Volgograd region,
Volgograd,
Istoricheskaya street, 130.

Signed to print:
18.12.2024.

Date of publication:
23.12.2024.

Format 60x84/8.
Font Arial.
Physical print sheets 20,0.
Conventional print sheets 18,6.
250 copies.
Order 71.

Subscription price
for the 2024
according by catalogue
"Pressa Rossii"
1544 rub. 00 kop.
(2 numbers).

Printed at the printing
section of Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia.
400005, Volgograd region,
Volgograd,
Kommunisticheskaya street, 36.

© Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
2024

N. A. Egorova, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

S. G. Eremin, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. A. Zaitseva, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. I. Zamylin, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

S. V. Katkov, Chief Expert-Specialist of the Department for Organizing the Activities of Temporary Formations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Formed to Solve Problems in Special Conditions, Department of Organizational Support for the Integrated Use of Forces and Means of Internal Affairs Bodies Operating in Special Conditions, Main Directorate of Rapid Response of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

V. L. Kubyshko, Deputy Minister of the Interior of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences.

L. V. Lobanova, Head of the Criminal Law Department of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. F. Lugovik, Professor at the Operational-Investigative Activity Department of the Interior Bodies of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Nenad Milić, Vice-Rector for teaching of the University of Criminal Investigation and Police Studies (Serbia), Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

D. M. Mirazov, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of University of Public Safety of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. L. Osipenko, Deputy Head of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia for Scientific Work, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

N. V. Pavlichenko, Chief Researcher for the Study of Problems of the History of the Ministry of the Interior of Russia of the Research Center of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

G. A. Pechnikov, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. V. Pobedkin, Head of the Department of Criminal Policy of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. A. Ruchkin, Professor at the Department of Forensic Examination and Physical Materials Science of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. S. Samodelkin, Head of the Research Center No. 2 of the National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

K. K. Seitenov, Professor at the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

B. P. Smagorinsky, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Senior Researcher of Research Institute of Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation.

O. V. Strilets, Professor at the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

M. A. Shmatov, Professor at the Department of Preliminary Investigation of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

S. A. Yanin, Professor at the Investigation Work Organization Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬЯ НОМЕРА

Бахта А. С., Нуриев И. Н.
Использование средств видео-конференц-связи при проведении следственных действий органами предварительного расследования: проблемы правоприменения

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Намнясева В. В.
Проблемные вопросы конструирования и применения нормы, предусмотренной статьей 150 Уголовного кодекса Российской Федерации

Сысолина Н. С.
Опыт уголовно-правового противодействия лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, в странах романо-германской правовой семьи

Сычева А. В.
О некоторых аспектах предупреждения дистанционного мошенничества

Хомякова М. А.
Преступное транснациональное перемещение биологического материала человека для проведения процедуры сурrogатного материнства и иных методов вспомогательных репродуктивных технологий

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Колосович О. С.
Роль наднациональных органов в международном сотрудничестве по уголовным делам

Ламтева А. В.
Ординарные и экстраординарные судебные стадии как индикатор отечественного типа уголовного судопроизводства

Мухаметшин Т. Р.
Как реализовать идею предъявления для опознания на стадии возбуждения уголовного дела в условиях, исключающих визуальный контакт с опознаваемым

CONTENTS

RELEASE ARTICLE

Bakhta A. S., Nuriyev I. N.
Application of video conference communication means while conducting investigative actions by preliminary investigation bodies: law enforcement problems

CRIMINAL LAW, CRIMINOLOGY, PENAL LAW

Namnyaseva V. V.
Issues related to constructing and applying the rule provided for by article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation

Sysolina N. S.
Experience in criminal legal counteraction to persons holding the highest position in the criminal hierarchy in countries of the roman-german legal family

Sycheva A. V.
On some aspects to prevent remote fraud

Khomyakova M. A.
Criminal transnational movement of human biological material for procedure of surrogacy and other methods of support reproductive technologies

CRIMINAL PROCEDURE

Kolosovich O. S.
The role of supranational institutions in crime international cooperation

Lamteva A. V.
Ordinary and extraordinary court stages as an indication of the national type of criminal proceedings

Mukhametshin T. R.
How to realise line-ups without suspect's visual contact at the stage of initiation of criminal proceedings

Поляков М. П.
Принцип транспарентности
в уголовном процессе: мнения и сомнения

Чеботарева Т. В.
Способы нивелирования
негативного влияния следственных действий
на несовершеннолетних потерпевших
в уголовном процессе

Чистилина Д. О.
Правовые и практические несовершенства
функционирования суда
с участием присяжных заседателей

КРИМИНАЛИСТИКА

Вихарев Д. Д.
Проблемные аспекты возбуждения
уголовного дела о преступлениях,
связанных с незаконным сбытом
лекарственных средств, содержащих
в своем составе сильнодействующие вещества

Ким К. В.
Объект криминалистики:
понятие и методологическое значение

Климова Я. А.
Цифровая конвергенция в криминалистике

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Дубаков Д. В.
Современные технические средства
и технологии, используемые для розыска лиц,
без вести пропавших

Контемирова Ю. В.
Противодействие преступности
в сфере незаконного оборота наркотиков
в современных условиях

Корнаухова Н. Г., Солонникова Н. В.
Противодействие преступлениям,
совершаемым в сфере оборота
электронных платежных средств

Тарасова М. Ю.
Некоторые дискуссионные проблемы
взаимодействия следственных и оперативных
подразделений органов внутренних дел

69 Polyakov M. P.
Transparency principle in criminal proceedings:
opinions and doubts

77 Chebotareva T. V.
Ways of levelling negative influence
of investigative actions on minor victims
in criminal proceedings

84 Chistilina D. O.
Legal and practical flaws
within jury trial procedure

CRIMINALISTICS

91 Vikharev D. D.
Problem aspects
to bring a criminal case concerning crimes
related to illegal sales of medicines
containing drastic substances

98 Kim C. V.
The object of forensic science:
the notion and its methodological significance

105 Klimova Ya. A.
Digital convergence in the forensic science

OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES

111 Dubakov D. V.
Modern technical means and technologies
to search for missing persons

119 Kontemirova Yu. V.
To counteract crime in the sphere
of illicit drug trafficking in modern conditions

126 Kornaukhova N. G., Solonnikova N. V.
Counteraction to crimes committed
in the sphere of circulation
of electronic payment means

133 Tarasova M. Yu.
Some discussable issues of interactions
among investigative and detective departments
of the internal affairs bodies

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ

Глебов В. Г.
Современное уголовное судопроизводство
Российской Федерации —
путь переустройства или модернизации?

Трибуна молодого ученого

Закен С. С.
Негласные следственные действия
в уголовном процессе Республики Казахстан:
понятие, правовая природа,
проблемы регулирования

SCIENTIFIC DISCUSSION

139 *Glebov V. G.*
Modern criminal proceedings
of the Russian Federation —
the path of redevelopment or modernisation?

WORD TO A YOUNG SCIENTIST

147 *Zaken S. S.*
Covert investigative actions
in the criminal procedure
of the Republic of Kazakhstan:
concept, legal nature, problems of regulation

УДК 343.132

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ:
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**

Андрей Сергеевич Бахта*, Ибиамин Нуруевич Нуриев**

* Омский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Омск, Россия, post_e_mail@mail.ru

** Дальневосточный юридический институт МВД России, Хабаровск, Россия, amin-nuriev@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы нормативной регламентации новеллы (ст. 189.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), предусматривающей возможность производства следственных действий при помощи средств видео-конференц-связи в ходе осуществления предварительного расследования. Особое внимание в процессе исследования уделяется соблюдению прав участников следственного действия, проводимого при помощи современных информационно-телекоммуникационных технологий в целях исключения случаев признания недопустимым полученного органами предварительного расследования доказательства. Обосновывается позиция, согласно которой производство очной ставки и опознания с использованием средств видео-конференц-связи необходимо свести к минимуму, а в случаях, когда при их выполнении требуется участие подозреваемого (обвиняемого), целесообразно проведение данных следственных действий в традиционной, «классической» форме.

Авторы дают рекомендации правоохранным органам для разрешения спорных вопросов, возникающих в практической деятельности при применении данной нормы закона. Предлагаются законодательные меры, направленные на эффективное использование средств видеотехнологий при производстве следственных действий органами следствия и дознания.

Ключевые слова: органы предварительного расследования, следственные действия в дистанционном режиме, видео-конференц-связь, разумный срок, информационно-телекоммуникационные технологии

Для цитирования: Бахта А. С., Нуриев И. Н. Использование средств видео-конференц-связи при проведении следственных действий органами предварительного расследования: проблемы правоприменения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 4 (71). С. 9—16.

**APPLICATION OF VIDEO CONFERENCE COMMUNICATION MEANS
WHILE CONDUCTING INVESTIGATIVE ACTIONS
BY PRELIMINARY INVESTIGATION BODIES:
LAW ENFORCEMENT PROBLEMS**

Andrey Sergeyevich Bakhta*, Ibiamin Nuruyevich Nuriyev**

* Omsk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Omsk, Russia, post_e_mail@mail.ru

** Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Khabarovsk, Russia, amin-nuriev@mail.ru

Abstract. The article deals with the problems of normative regulation of the new law (Article 189.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation), which provides the possibility to conduct investigative actions by applying video conference communication means within the preliminary investigation. Special attention while studying is paid to observing the rights of participants of the investigative action conducted by means of modern information and telecommunication technologies in order to avoid inadmissibility of evidence obtained by the preliminary investigation bodies in court. The standpoint is backed up with facts that when conducting confrontation and identification the application of videoconferencing should be minimized, and in cases when these investigative actions require the participation of the suspect (accused), it is advisable to conduct them in a traditional, "classical" form.

The authors give recommendations to law enforcement agencies for resolving matters of dispute arising in practical activities when applying this norm of the law. Legislative measures are proposed aimed at the effective use of video technology means while conducting investigative actions by investigative and inquiry bodies.

Keywords: preliminary investigation bodies, remote investigative actions, videoconferencing, reasonable term, information and telecommunication technologies

For citation: Bakhta A. S., Nuriyev I. N. Application of video conference communication means while conducting investigative actions by preliminary investigation bodies: law enforcement problems. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 9—16, 2024. (In Russ.).

В доктрине уголовного процесса на протяжении длительного времени велись дискуссии о необходимости предоставления законодателем возможности проведения следственных действий при помощи средств видео-конференц-связи в рамках осуществления досудебного производства [1; 2].

Невзирая на существенные разногласия ученых-правоведов в данном вопросе [3; 4], Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ в уголовно-процессуальное законодательство была включена новая норма — ст. 189.1, допускающая проведение допроса, очной ставки, а также предъявления для опознания путем использования систем видео-конференц-связи в рамках осуществления предварительного расследования.

Несмотря на благие намерения законодателя, закрепившего производство следственных действий при помощи современных средств видеотехнологий, к сожалению, новелла не смогла избежать существенных проблем, влияющих на полноценное применение данной нормы закона сотрудниками органов следствия и дознания. Основную суть данных проблем мы постараемся раскрыть в рамках настоящей статьи.

Первая проблема. Согласно ч. 1 ст. 189.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) при производстве допроса, очной ставки и опознания следователь (дознатель) вправе использовать систему видео-конференц-связи государственных органов, осуществляющих предварительное расследование.

Исходя из положений данной нормы закона, следует строгий запрет на использование современных программ видеоконференций, например TrueConf, Zoom, Skype, BigBlueButton и др., позволяющих организовывать качественные видеоконференции, так как указанные программы не состоят на обеспечении органов предварительного расследования.

Именно поэтому представляется сомнительным утверждение профессора А. П. Рыжакова, полагающего, что следственные действия с использованием видеосвязи можно производить при

помощи бытовых мессенджеров, и именно следователь (дознатель) вправе выбирать необходимую для этого программу видео-конференц-связи [5].

Напротив, ряд органов предварительного расследования указывает на необходимость производства следственных действий при помощи видео-конференц-связи исключительно по внутриведомственному программному обеспечению. В подразделениях следствия и дознания ОВД РФ данной программой видеосвязи является единая система информационно-аналитического обеспечения деятельности (ИСОД) МВД России¹.

Рассматриваемое положение уголовно-процессуального законодательства, заключающееся в использовании исключительно внутриведомственной системы видеосвязи, вполне логично и обоснованно для сохранения тайны предварительного расследования, однако данное требование закона, а именно его чрезмерная «заурегулированность», значительно сужает возможности производства следственных действий в дистанционном формате.

Из-за фактической необходимости привязки к территориальному органу предварительного расследования, где есть указанная программа с видео-конференц-связью, следователь (дознатель) сталкивается с определенными препонами, заключающимися в невозможности производства следственных действий в дистанционном формате с участниками уголовного судопроизводства, которые находятся на значительном удалении от места дислокации органа предварительного расследования.

Указанными причинами могут стать прохождение лицом стационарного лечения, отбывание наказания в местах лишения свободы, нахождение лица в дальней командировке, действия непреодолимой силы и ряд других объективных обстоятельств.

¹ Информационное письмо Следственного департамента МВД России «Алгоритм обеспечения и проведения следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи». Москва: Следственный департамент МВД России, 2022.

В связи с этим профессор Н. Г. Шурухнов справедливо отмечает, что в отличие от органов предварительного расследования судебные органы для производства допроса лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях ФСИН России и являющихся свидетелями по уголовному делу, используют неурегулированную видеосвязь, так как в ст. 278.1 УПК РФ, которая предусматривает производство допроса в суде при помощи видеосвязи, не конкретизировано, по какой программе необходимо производить дистанционный допрос [6].

Аналогичные правила проведения видеоконференции предусмотрены для производства судебного разбирательства в отношении подсудимого, даже в случае, когда он находится под стражей в пенитенциарном учреждении, что следует из недавно введенной ст. 241.1 УПК РФ.

Однако современные реалии практической деятельности демонстрируют, что из-за недостаточной технической оснащенности органов предварительного расследования государственными программами, позволяющими осуществить видеоконференц-связь, ряд правоохранительных органов, например следователи СК РФ, вынуждены производить следственные действия вопреки правилам, установленным уголовно-процессуальным законом, руководствуясь принципом волюнтаризма, предполагающего выбор следователем любой программы видео-конференц-связи по его личному усмотрению.

Так, в ходе социологического опроса следователей СК РФ из различных регионов страны, проходящих повышение квалификации в Хабаровском филиале Московской академии СК РФ, было установлено, что в данных следственных подразделениях не существует официальной программы, посредством которой можно организовывать видеоконференц-связь¹. В результате следователи невольно производят следственные действия при помощи средств видеотехнологий, не состоящих на балансе данного ведомства, что, на наш взгляд, в дальнейшем может привести к признанию недопустимым доказательства, полученного таким образом.

Именно поэтому считаем, что для более полноценного применения средств видеотехнологий в ходе предварительного расследования законо-

дателю необходимо снять ограничение, выраженное в возможности производства следственных действий исключительно внутриведомственной связью. Стоит отметить, что при таком производстве не будет нарушена тайна предварительного расследования, так как за ее соблюдением будут следить следователь (дознатель), расследующий уголовное дело, и должностное лицо, исполняющее поручение о проведении следственного действия в дистанционном режиме.

Указанные изменения позволят правоохранительным органам организовать следственное действие в режиме видео-конференц-связи практически в любом месте на территории Российской Федерации, что положительным образом отразится на процессе расследования уголовных дел в разумный срок [7].

Вторая проблема заключается в определении времени следственного действия, производимого при помощи средств видео-конференц-связи.

Исходя из положения закона, содержащегося в ч. 3 ст. 189.1 УПК РФ, следует, что при производстве допроса, очной ставки или опознания путем использования средств видео-конференц-связи в протоколе следственного действия необходимо указывать два времени. Первое время фиксируется непосредственно на месте составления протокола, которое указывается следователем или дознавателем, расследующим уголовное дело, а второе — по месту нахождения лица, чье участие в следственном действии признано необходимым.

Подчеркнем, что проведение допроса, очной ставки и опознания при помощи средств видео-конференц-связи основывается на общих правилах производства следственных действий, закрепленных в ст. 164 УПК РФ. Согласно ч. 3 ст. 164 УПК РФ производство следственных действий в ночное время запрещено, за исключением случаев, не терпящих отлагательств.

Таким образом, учитывая существенные различия между часовыми поясами ряда субъектов Российской Федерации, органы предварительного расследования не всегда смогут соблюсти требование закона о недопустимости производства следственных действий при помощи средств видео-конференц-связи в ночное время.

Следует отметить, что данная проблема в большей степени затрагивает такие следственные действия, как очная ставка и опознание, поскольку при проведении допроса в большинстве случаев в первую очередь будет учитываться время по месту нахождения допрашиваемого лица. А вот при

¹ Было опрошено 103 респондента из числа следователей, старших следователей и руководителей следственного органа следственных подразделений Следственного комитета Российской Федерации.

проведении очной ставки или опознании участники следственного действия находятся в противоположных местах органов предварительного расследования, и здесь может возникнуть ряд сложностей с определением времени их производства.

Согласно нашей позиции, если в ходе проведения следственных действий при помощи видеоконференции участвуют несколько участников уголовного судопроизводства, следователю (дознавателю) необходимо соблюдать требование закона о недопустимости производства следственных действий в ночное время в отношении всех участников уголовного процесса, т. е. с учетом всех часовых поясов.

Именно поэтому не согласимся с утверждением С. А. Грачева, полагающего, что временем производства следственных действий в дистанционном режиме необходимо считать время, зафиксированное на месте, где находится большинство участников уголовного процесса [8]. По нашему мнению, права участников уголовного судопроизводства, в том числе право на отдых, должны быть обеспечены всем участникам следственного действия в равной степени.

В связи с этим Х. Х. Рамалданов справедливо отмечает, что в целях устранения дальнейших споров о легитимности проведенного следственного действия в ночное время посредством использования видео-конференц-связи следует получить согласие на такое производство от участвующих лиц [9].

Безусловно, указанное правило, а именно производство следственных действий при помощи видеоконференции в ночное время, может быть нарушено только в случаях, не терпящих отлагательства.

Верховный Суд Российской Федерации не раз указывал на обстоятельства, при которых допустимо производство следственных действий в ночное время. Такими случаями могут считаться необходимость проведения большого количества первоначальных следственных действий, направленных на сбор и закрепление доказательств, обнаружение следов преступления; обстоятельства, при которых промедление с производством следственного действия может привести к тому, что подозреваемый (обвиняемый) скроется или возникнет реальная угроза уничтожения предметов, орудий преступления, что в совокупности может привести к утрате доказательств¹.

¹ См., напр.: Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2004 г.

Как справедливо отмечает И. С. Трубчик, производство следственного действия в случаях, не терпящих отлагательства, в основном подразумевает незамедлительное реагирование органов предварительного расследования для раскрытия совершенного преступления [10].

Именно указанными обстоятельствами и необходимо руководствоваться следователям (дознавателям), производя следственные действия при помощи средств видео-конференц-связи в ночное время, в целях недопущения нарушения прав участников уголовного процесса.

Третья проблема связана с необходимостью видеофиксации хода результатов следственного действия, проводимого с использованием средств видео-конференц-связи.

Так, исходя из положений ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ, применение видеозаписи при производстве допроса, очной ставки или опознания обязательно. Материалы такой видеозаписи должны приобщаться к протоколу произведенного следственного действия.

Возникает резонный вопрос: а если следователь (дознаватель) при помощи программы, которую он применяет для производства допроса, организует внутреннюю запись видеоконференции, используя функцию видеозахвата экрана компьютера, на которой видно всех участников уголовного судопроизводства, нужно ли ему дополнительно производить видеозапись хода следственного действия? Полагаем, что в приведенном примере в этом нет необходимости.

Стоит подчеркнуть, что в случае производства очной ставки и опознания при помощи видео-конференц-связи осуществление видеозаписи хода следственного действия обязательно. Это обусловлено, в первую очередь, необходимостью устранения в дальнейшем сомнений в нарушении процессуального порядка производства очной ставки и опознания, а также признания в дальнейшем произведенного следственного действия в качестве допустимого доказательства.

Как верно замечает профессор А. В. Победин, по своей сути вся ответственность за организацию и непосредственное производство следственного действия, производимого при помощи средств

по делу № 46-004-70 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.09.2024); Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10 апреля 2018 г. № 3-АПУ18-3 // Там же.

видеотехнологий, возложена именно на следователя (дознателя), расследующего уголовное дело. Однако именно данному должностному лицу, учитывая, что оно находится на значительном удалении от некоторых участников видеоконференции, затруднительно проконтролировать все требования законности проводимого следственного действия. Например, допускались ли подсказки опознающему в ходе опознания или участнику очной ставки вне зоны охвата видеокамеры. Автор объективно указывает, что при таких обстоятельствах производства следственного действия вопрос обеспечения процессуальных гарантий участников уголовного процесса попросту нивелируется [11].

По этому поводу профессор О. А. Малышева подчеркивает, что отсутствие в законе уточнения о конкретном объекте видеозаписи может привести к систематическим злоупотреблениям со стороны сотрудников органов расследования, выражающимся в выборе ракурса охвата видеосъемки по своему личному усмотрению. В итоге указанные действия должностных лиц могут повлечь большой поток жалоб от участников досудебного разбирательства, заключающихся в нарушении их прав при производстве данного следственного действия в режиме видеоконференции [12].

Именно поэтому полагаем, что законодатель поторопился с решением о возможности производства очной ставки и опознания при помощи средств видео-конференц-связи. Данный тезис подтверждается анализом специальной юридической литературы, на страницах которой ученые-процессуалисты активно подвергают критике возможность, предоставленную законодателем в проведении очной ставки и опознания при помощи средств видеотехнологий [13; 14].

Указанное обстоятельство прямо связано с тем, что перечисленные следственные действия в обычных условиях достаточно трудоемки и требуют непосредственного контакта с лицом, демонстрации профессиональных знаний, переходящих в ярко выраженное противостояние, а также больших сил и средств органов предварительного расследования, направленных на их организацию.

Кроме этого, по мнению профессора О. В. Химичева, законодателем не учтена определенная специфика проведения очной ставки и опознания. Автор обращает внимание на то, что нормативная регламентация производства указанных следственных действий при помощи средств видеоконференции допускает нахождение участников досудебного разбирательства в разных местах, что негативным образом может сказаться на защите их прав [15], с чем мы полностью солидарны.

Например, защитник не сможет присутствовать в двух местах одновременно в целях воспрепятствования незаконным действиям и нарушениям, допускаемым сотрудниками следствия или дознания по отношению к его доверителю, а реализовать право на конфиденциальную беседу в таком дистанционном формате практически невозможно.

Очевидно, что в условиях видео-конференц-связи производство перечисленных следственных действий становится более затруднительным. В связи с этим, по нашему мнению, производство очной ставки и опознания с использованием средств видео-конференц-связи необходимо свести к минимуму, а в случаях, когда при их выполнении требуется участие подозреваемого или обвиняемого, целесообразно проведение данных следственных действий в традиционной, «классической» форме [16].

В ситуациях, когда следователю или дознавателю все-таки необходимо производство очной ставки или опознания посредством использования видеоконференции, представляется верным, кроме осуществления видеозаписи при помощи функции видеозахвата экрана компьютера, дополнительно производить видеозапись видеокамерами, установленными в обоих местах проводимого следственного действия и захватывающими разный ракурс видеосъемки. Указанные меры направлены на устранение сомнений в нарушении прав участников досудебного разбирательства при производстве опознания и очной ставки в дистанционном режиме.

Последним, наиболее проблемным аспектом проведения допроса, очной ставки, опознания при помощи средств видео-конференц-связи, на наш взгляд, является упущение законодателем в предоставлении права на проведение указанных следственных действий в отношении «засекреченных» участников уголовного судопроизводства с возможностью изменения их внешности и голоса в целях исключения узнавания данных лиц.

Нередко в практической деятельности органов предварительного расследования приходится прибегать к засекречиванию и сохранению в тайне данных свидетеля, потерпевшего или лица, в отношении которого заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, для обеспечения их безопасности в порядке, установленном ч. 9 ст. 166 УПК РФ. В большинстве случаев без этих мер участники уголовного судопроизводства отказываются давать показания, так как опасаются за свою жизнь и здоровье.

К сожалению, в ст. 189.1 УПК РФ не предусмотрена возможность изменения голоса и внешности при производстве допроса, очной ставки и предъявления для опознания в режиме видеоконференции, что является явным упущением законодателя.

Совершенно очевидно, что проведение перечисленных следственных действий, например, с засекреченным свидетелем требует изменения не только его внешности, что часто происходит при классическом «скрытом» опознании лица [17], но и голоса, так как подозреваемый или обвиняемый могут с легкостью разоблачить, «рассекретить» лицо, участвующее в видеоконференции.

Более того, данный пробел фактически запрещает участие засекреченных лиц в производстве следственных действий в дистанционном режиме, так как существует угроза раскрытия их личности, что следует из предписаний закона, установленных в ч. 8 ст. 189.1 УПК РФ.

Весьма примечательно, что в ходе судебного разбирательства нередко допрос свидетеля или потерпевшего происходит в специально отведенном месте (помещении) с изменением голоса и внешности допрашиваемого лица при помощи специальных компьютерных программ, что в свою очередь положительно сказывается на сохранении тайны данных о личности и безопасности участников уголовного судопроизводства [18].

Учитывая тот факт, что первоначально уголовное дело формируется и проходит именно через стадию предварительного расследования (за исключением дел частного обвинения), проведение допроса, очной ставки и опознания в режиме видеоконференции с изменением внешности и голоса целесообразно предусмотреть и в рамках производства предварительного следствия или дознания, что будет являться серьезной гарантией обеспечения безопасности лиц, участвующих в данных следственных действиях.

Стоит отметить, что в современном интернет-пространстве существует достаточное количество программ, при помощи которых можно изменить голос и внешность человека во время видеосвязи, например Deepfake, Scramby, Voicemod и др., которые успешно используются различными слоями

населения в культурных, образовательных и развлекательных целях. Применение данных программ или их аналогов послужит серьезным подспорьем для изменения голоса и внешности засекреченного участника следственного действия при производстве допроса, очной ставки или опознания в режиме видео-конференц-связи.

Кроме того, предложенный механизм проведения следственных действий в дистанционном формате положительным образом отразится на исследовании доказательств в суде, так как факт осуществления видеозаписи следственного действия может служить основанием для отсутствия необходимости вызова в судебный орган засекреченного лица в целях соблюдения его безопасности, по примеру депонирования показаний несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего, полученных в ходе видеодопроса [19].

В связи с изложенным полагаем необходимым дополнить ст. 189.1 УПК РФ частью 8.1 следующего содержания: «В целях обеспечения безопасности по ходатайству участников уголовного судопроизводства следственные действия при помощи систем видео-конференц-связи производятся с изменением их внешности и голоса».

Резюмируя все сказанное, стоит отметить, что возможность производства следственных действий при помощи использования информационно-телекоммуникационных технологий является серьезным шагом законодателя в предоставлении правоприменителю оптимального процессуального инструмента для сбора и закрепления доказательств в дистанционном формате, что положительным образом должно сказаться на сокращении сроков досудебного разбирательства.

Однако для более эффективного производства следственных действий путем использования средств видео-конференц-связи необходимо совершенствование уголовно-процессуального законодательства с учетом проблем, освещенных в рамках проведенного исследования, а также своевременное оснащение сотрудников правоохранительных органов современными компьютерными технологиями.

1. Архипова Е. А. Применение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран (сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2013. 198 с.

1. Arkhipova Ye. A. Videoconferencing application in criminal procedure of Russia and abroad (comparative legal research). Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2013: 198. (In Russ.).

2. Родивилина В. А. Процессуальные особенности использования технических средств в стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2016. 218 с.

3. Кузнецова С. М. Использование систем видеоконференцсвязи в досудебном производстве как мера противодействия распространению коронавирусной инфекции // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2020. № 4. С. 14—18.

4. Головки Л. В. Пандемию нельзя предусмотреть в какой-то главе УПК // Уголовный процесс. 2021. № 2. С. 24—32.

5. Рыжаков А. П. Следственные действия по ВКС. Вопросы и ответы // Уголовный процесс. 2022. № 3. С. 75—79.

6. Шурухнов Н. Г. Правовые и информационно-технические процедуры производства допроса посредством систем видео-конференцсвязи (Анализ отдельных положений ст. 189.1 УПК РФ) // Российский следователь. 2022. № 7. С. 26—30.

7. Бахта А. С., Нуриев И. Н. Расследование уголовного дела при истечении сроков давности уголовного преследования // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 2. 60—67.

8. Грачев С. А. Проведение следственных действий с применением видео-конференцсвязи: поправки внесены, эффективность под вопросом // Российский следователь. 2022. № 9. С. 18—22.

9. Рамалданов Х. Х. Цифровые доказательства, полученные путем использования систем видео-конференцсвязи // Актуальные проблемы права. 2022. № 11. С. 124—131.

10. Трубочик И. С. Некоторые аспекты допроса в ночное время // Российский следователь. 2020. № 4. С. 45—47.

11. Победин А. В. Производство следственных действий с использованием систем видео-конференцсвязи на досудебном производстве: рамочность процессуальных гарантий // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 77—84.

12. Малышева О. А. Процессуальные гарантии прав участников следственных действий, производимых с применением системы видео-конференцсвязи // Lex russica. 2022. № 6. С. 77—84.

13. Белкин А. Р. Использование видео-конференцсвязи в следственных действиях: технические преимущества и процессуальные проблемы // Уголовное судопроизводство. 2022. № 4. С. 12—16.

2. Rodivilina V. A. Procedural peculiarities of technology device use at the stage of preliminary investigation. Dissertation of candidate of juridical sciences. Volgograd; 2016: 218. (In Russ.).

3. Kuznetsova S. M. The use of videoconferencing systems in pretrial procedure as means of COVID-19 prevention. Journal of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, 14—18, 2020. (In Russ.).

4. Golovko L. V. A pandemic cannot be envisaged in a certain article of the Criminal Procedure Code. Criminal procedure, 24—32, 2021. (In Russ.).

5. Ryzhakov A. P. Investigative activities via VC. Questions and answers. Criminal procedure, 75—79, 2022. (In Russ.).

6. Shurukhnov N. G. Legal and information technology procedures of conducting an interrogation via videoconferencing systems (the analysis of certain provisions of Art.189.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). Russian investigator, 26—30, 2022. (In Russ.).

7. Bakhta A. S., Nuriyev I. N. Criminal case investigation after the lapse of time for prosecution. The Works of Administration Academy of the Internal Affairs Ministry of Russia, 60—67, 2023. (In Russ.).

8. Grachev S. A. Conducting investigation by means of videoconferencing: the amendments included, hence the efficacy is questioned. Russian investigator, 18—22, 2022. (In Russ.).

9. Ramaldanov Kh. Kh. Digital evidence retrieved by means of videoconferencing. Current law issues, 124—131, 2022. (In Russ.).

10. Trubchik I. S. Some aspects of night interrogation. Russian investigator, 45—47, 2020. (In Russ.).

11. Pobedkin A. V. Conducting investigation via videoconferencing systems at pretrial procedure: procedural guarantee framework. Journal of Ufa Law Institute of the Internal Affairs Ministry of Russia, 77—84, 2022. (In Russ.).

12. Malysheva O. A. Procedural guarantees of rights to the investigative activity participants in terms of videoconferencing system application. Lex Russica, 77—84, 2022. (In Russ.).

13. Belkin A. R. Videoconferencing systems application in investigation: technical advantages and procedural issues. Criminal procedure, 12—16, 2022. (In Russ.).

14. Azarenok N. V. Some issues of practical interpretation for the provisions of Art.189 of the

14. Азаренок Н. В. Вопросы практической реализации положений ст. 189¹ УПК РФ // Уголовное право. 2022. № 8. С. 75—80.

15. Химичева О. В. Следственные действия: о цифровой трансформации их производства // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 170—174.

16. Нуриев И. Н. Производство следственных действий при помощи средств видео-конференц-связи в ходе предварительного расследования: вопросы теории и практики // Законодательство и практика. 2022. № 1. С. 25—27.

17. Попова О. А. Тактические аспекты предъявления для опознания лиц в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 2. С. 106—109.

18. Осодоева Н. В. Допрос свидетеля «под псевдонимом» посредством видео-конференц-связи // Уголовный процесс. 2022. № 8. С. 80—95.

19. Николук В. В., Судницын А. Б. Внесудебное депонирование показаний несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля) как одно из процессуальных средств охраны его психического и физического здоровья (часть вторая) // Общество и право. 2022. № 1. С. 40—46.

Бахта Андрей Сергеевич,

директор Омского филиала
Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор;
post_e_mail@mail.ru

Нуриев Ибиамин Нуруевич,

доцент кафедры уголовного процесса
Дальневосточного юридического института
МВД России,
кандидат юридических наук;
amin-nuriev@mail.ru

Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Criminal law, 75—80, 2022. (In Russ.).

15. Khimicheva O. V. Investigative activities: to the question of their digital transformation. Criminal journal, 170—174, 2023. (In Russ.).

16. Nuriyev I. N. Preliminary investigative activities via videoconferencing systems: theoretical and practical issues. Legislation and practice, 25—27, 2022. (In Russ.).

17. Popova O. A. Tactical aspects of identification parade amid the lack of the identifying person's visual control by the people being identified. Journal of Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 106—109, 2016. (In Russ.).

18. Osodoeva N. V. Questioning an "aliased" witness via videoconferencing. Criminal procedure, 80—95, 2022. (In Russ.).

19. Nikolyuk V. V., Sudnitsyn A. B. Extrajudicial underage victim (witness) testimony depositing as means of their mental and bodily health protection (part two). Society and law, 40—46, 2022. (In Russ.).

Bakhta Andrey Sergeyevich,

director of the Omsk branch
of the Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
doctor of juridical sciences, full professor;
post_e_mail@mail.ru

Nuriyev Ibiamin Nuruyevich,

associate professor at the department
of criminal procedure
of the Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russia,
candidate of juridical sciences;
amin-nuriev@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.10.2024; одобрена после рецензирования 24.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.

The article was submitted 16.10.2024; approved after reviewing 24.10.2024; accepted for publication 14.11.2024.

* * *

УДК 343.54

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ НОРМЫ, ПРЕДУСМОТРЕННОЙ СТАТЬЕЙ 150 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Виктория Вячеславовна Намнясева

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,
namn.viktoriya@yandex.ru

Аннотация. Изучив статистику применения нормы, содержащейся в ст. 150 Уголовного кодекса Российской Федерации, можно сделать вывод о повышенном уровне латентности преступлений, предусмотренных данной статьей. Автор отмечает, что отсутствие разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и единообразного подхода в доктрине уголовного права по вопросу определения признаков специального потерпевшего в указанных преступлениях, негативно сказывается на эффективности борьбы с ними. Анализ правоприменительной практики показал, что ситуация, при которой лица, совершившие сходные общественно опасные деяния, в одних случаях привлекаются, а в других — не привлекаются к уголовной ответственности, не соответствует принципу справедливости, предусмотренному ст. 6 Уголовного кодекса Российской Федерации. В статье также исследуются проблемные вопросы дифференциации уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 150 Уголовного кодекса Российской Федерации, и предлагается внесение изменений в данную статью и в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике применения законодательства, регламентирующее особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» от 1 февраля 2011 г. № 1.

Ключевые слова: уголовно-правовая норма, латентность, вовлечение в совершение преступления, несовершеннолетний, уголовная ответственность, предупреждение преступлений, исполнитель преступления

Для цитирования: Намнясева В. В. Проблемные вопросы конструирования и применения нормы, предусмотренной статьей 150 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 4 (71). С. 17—25.

ISSUES RELATED TO CONSTRUCTING AND APPLYING THE RULE PROVIDED FOR BY ARTICLE 150 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Victoriya Vyacheslavovna Namnyaseva

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, namn.viktoriya@yandex.ru

Abstract. Having studied the statistics of application of the rule provided for by Art. 150 of the Criminal Code of the Russian Federation, one can conclude that the level of latency of the crimes provided for by this article is quite great. The author of the article notes that the lack of explanations from the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation as well as a unique approach in the doctrine of criminal law on the issue of determining the characteristics of a special victim in the mentioned crimes negatively affects the effectiveness of fighting them. The analysis of law enforcement practice has shown that the situation in which persons to have committed similar socially dangerous acts are in some cases brought to criminal responsibility, and in others are not brought to criminal responsibility, does not comply with the principle of justice provided for in Art. 6 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article also deals with the issues of differentiation of criminal liability for the crime provided for in Art. 150 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author of the given article offers the amendments to this article and to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On the judicial practice of applying the legislation regulating the specifics of criminal liability and punishment of minors" dated 1 February 2011, № 1.

Keywords: criminal and legal norm, latency, involvement in committing a crime, a minor, criminal liability, crime prevention, a criminal

For citation: Namnyaseva V. V. Issues related to constructing and applying the rule provided for by Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 17—25, 2024. (In Russ.).

Уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность лиц, вовлекших несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ)), является одним из традиционных уголовно-правовых запретов. Она сформировалась в российском законодательстве в середине XIX в. и при неоднократном изменении всегда сохраняла свою социальную значимость — не только защищать интересы детей и подростков, но и дисциплинировать лиц, которые ответственны за их воспитание, а также препятствовать увеличению уровня преступности среди несовершеннолетних. В соответствии со статистическими данными МВД России в 2023 г. общее количество преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, уменьшилось на 10,3 % и составило 27 325 (каждое 37-е преступление). Однако при этом возросло на 8,9 % количество преступлений, совершенных несовершеннолетними в составе организованной группы либо преступного сообщества (преступной организации)¹. В Волгоградской области в 2022 г. наблюдался рост преступности несовершеннолетних: по итогам 2022 г. зарегистрировано 699 преступлений, совершенных несовершеннолетними (2021 г. — 592, +18,1 %). Удельный вес подростковой преступности составил 4,1 % (2021 г. — 3,5 %). В 2023 г. ситуация несколько улучшилась, и удельный вес подростковой преступности составил 3,4 %. Исходя из анализа структуры преступлений, совершенных несовершеннолетними, комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав по Волгоградской области фиксирует, что в 2023 г. увеличилось количество случаев причинения тяжкого вреда здоровью, изнасилований, грабежей, преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, хулиганства².

¹ Состояние преступности в России за январь — декабрь 2022 г. // Официальный сайт МВД России. URL: <http://мвд.рф/> (дата обращения: 24.05.2024).

² О состоянии безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на территории Волгоградской области по итогам 2023 года. Профилактика преступлений в отношении несовершеннолетних, в том числе против половой неприкосновенности несовершеннолетних: по-

Основной причиной сохранения числа преступлений среди несовершеннолетних является влияние взрослых. Именно они, используя свой негативный жизненный опыт, авторитет и отрицательное влияние, вовлекают несовершеннолетних в совершение преступления. Необходимо учитывать прямую зависимость между поведением несовершеннолетнего и действиями взрослого, желающего вовлечь подростка в совершение преступления. В силу этой взаимосвязи методы предупреждения направлены не только на несовершеннолетних, но и на непосредственных исполнителей рассматриваемых преступных деяний. В связи с этим проведение исследований, направленных на повышение эффективности применения нормы, предусматривающей уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, представляется особенно актуальным.

К сожалению, в настоящее время сложилась ситуация, при которой анализируемая норма при наличии юридически тождественных признаков совершенного преступления применяется по-разному. В первую очередь это касается совершения общественно опасного посягательства лицом, обладающим признаками специального субъекта преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, совместно с несовершеннолетним, не достигшим возраста привлечения к уголовной ответственности. Пленум Верховного Суда Российской Федерации, указав, что в данном случае вовлекающий подлежит уголовной ответственности как исполнитель преступления³, оставил без рассмотрения вопрос о том, следует ли в данном случае оценивать содеянное по совокупности преступлений, квалифицируя содеянное еще и по ст. 150 УК РФ.

становление комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Волгоградской области от 28 марта 2024 г. № 2/1 // Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав Волгоградской области. URL: <http://kdnizp.volganet.ru/> (дата обращения: 24.05.2024).

³ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.07.2024).

В доктрине уголовного права также отсутствуют однозначные рекомендации по данной проблеме. Ряд авторов полагает, что при определении признаков специального потерпевшего в преступлении, предусмотренном ст. 150 УК РФ, следует руководствоваться ч. 1 ст. 87 УК РФ¹, и, следовательно, речь идет только о тех несовершеннолетних, которые достигли возраста уголовной ответственности, предусмотренного для преступления, в которое они были вовлечены [1—3].

Однако высказывается и противоположная точка зрения. Так, О. Н. Иванова считает, что специальным потерпевшим в анализируемом преступлении являются и малолетние, поскольку «вовлечением в совершение преступления малолетнего причиняется вред интересам его нормального воспитания и развития» [4, с. 93]. Аналогичной точки зрения придерживаются и другие авторы [5; 6].

В результате проведенного анализа приговоров судов различных субъектов Российской Федерации установлено, что правоприменительная практика по данному вопросу также кардинально отличается. В ряде случаев анализируемая ситуация оценивается судами как совокупность преступлений. В то же время ст. 150 УК РФ вменяется и в тех случаях, когда достигшее 18-летнего возраста лицо не принимало непосредственного участия в выполнении объективной стороны преступления, и когда объективная сторона выполнялась совершеннолетним совместно с лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности.

Так, Уренский районный суд Нижегородской области приговорил признать Короткову виновной в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 158, ч. 2 ст. 150 УК РФ. Преступления были совершены при следующих обстоятельствах. Короткова находилась на территории детского сада «Ромашка» совместно со своими несовершеннолетними детьми. Путем обещаний, связанных с благоприятными последствиями для их семьи (в том числе для младшей дочери 2017 г. р., которую старшая сестра — К.В.Д. — сможет катать на велосипеде), Короткова склонила свою малолетнюю дочь К.В.Д. к совершению общественно опасного деяния — краже детского трехколесного велосипеда марки BORN BRAVE, находящегося на улице около здания детского сада. Короткова велела своей малолетней дочери К.В.Д. совершить хище-

ние указанного велосипеда и бежать к ней, а сама осталась ждать ее на территории детского сада «Ромашка». Малолетняя К.В.Д., действуя по указанию своей матери, подошла к зданию детского сада «Ромашка», тайно похитила находящийся на улице трехколесный велосипед марки BORN BRAVE стоимостью 4 200 рублей, принадлежащий А. Р. Менчиковой, и передала его своей матери².

Смоленский областной суд приговорил признать Венидиктова виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ч. 4 ст. 150 УК РФ. Преступления были совершены при следующих обстоятельствах. Венидиктов С. Д. совместно с малолетним К.1, не достигшим возраста уголовной ответственности, проникли через оконный проем в дом К., где Венидиктов приискал и приготовил к краже микроволновую печь и 41 электролампочку R+C, 15 Ватт каждая, которые решил перенести к себе домой. Продолжая противоправные действия, Венидиктов вовлек в совершение тяжкого преступления К.2 и К.1, которые, будучи заинтересованными в выполнении достигнутой между ними договоренности, находясь под влиянием Венидиктова, не понимая до конца всех последствий совершаемых действий, согласились принести из дома К. приготовленные ранее Венидиктовым микроволновую печь и электролампочки. С этой целью, действуя по указанию Венидиктова, К.2 и К.1 через оконный проем незаконно проникли в дом К., откуда в интересах Венидиктова С. Д. совершили кражу микроволновой печи стоимостью 1 000 рублей и 41 электролампочки R+C, 15 Ватт, по цене 120 рублей за 1 штуку, на сумму 4 920 рублей. Похищенное К.2 и К.1 передали Венидиктову³.

Однако в ряде регионов при вовлечении в совершение преступления лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, данное лицо привлекается к уголовной ответственности только как исполнитель совершенного преступления. Например, Семилукский районный суд Воронежской области приговорил признать Оглы виновной в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ. Преступление было со-

¹ В соответствии с ч. 1 ст. 87 УК РФ несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет.

² Приговор Уренского районного суда Нижегородской области от 21 мая 2020 г. по делу № 1-34/2020 // База данных судебных решений «Sudact.ru». URL: <http://sudact.ru/regular/doc/1ADIZRCSuF51/> (дата обращения: 15.03.2024).

³ Апелляционный приговор Смоленского областного суда от 16 января 2020 г. по делу № 22-54/2020 // База данных судебных решений «Sudact.ru». URL: <http://sudact.ru/regular/doc/q4ukhL36V5xT/> (дата обращения: 15.03.2024).

вершено при следующих обстоятельствах. Оглы решила создать организованную преступную группу для совершения разбойных нападений. Она предложила Гусакову, а также состоящему с ней в родственных отношениях лицу, не достигшему возраста привлечения к уголовной ответственности, вступить в создаваемую ею преступную группу в качестве участников. Гусаков согласился. Не достигший возраста привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетний, осознавая общественно опасный характер предстоящих преступных действий, также согласился принять участие в хищении денежных средств указанным способом и вошел в состав организованной группы. Допуская тот факт, что в распоряжении пожилых граждан пенсионного возраста могут храниться значительные наличные денежные суммы, в том числе собранные последними из получаемых ими пенсий, Оглы, Гусаков и не достигший возраста привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетний определили направлением своей деятельности совершение неограниченного количества разбойных нападений на данную категорию граждан, проживающих в сельских населенных пунктах, расположенных на территории ряда районов Воронежской и Липецкой областей. Так, указанным выше способом было совершено разбойное нападение в отношении Б. Гусаков обратил внимание на старое домовладение, расположенное по адресу: <адрес>, принадлежащее Б. Осмотрев указанный дом и убедившись в том, что в нем проживает одинокий пожилой мужчина, Гусаков сообщил об этом Оглы. Последняя приняла решение о совершении в ночное время преступления в указанном домовладении, определив, кроме себя, других его участников — Гусакова и не достигшего возраста привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетнего лица. Обозначив каждому из них роли при совершении преступления и установив, что для передвижения ими будет использоваться принадлежащий Гусакову автомобиль, Оглы указала, что в целях конспирации всем следует одеваться в неприметную одежду темного цвета и называть друг друга вымышленными именами. Осуществляя свои преступные намерения, около 23 ч 00 мин Оглы, Гусаков и не достигший возраста привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетний, осознавая общественно опасный характер предстоящих действий, из корыстных побуждений, одевшись в неприметную одежду темного цвета, прибыли на автомобиле под управлением Гусакова к дому <адрес> Воронежской области, в котором проживал

Б., являющийся пенсионером по старости. После этого Оглы убедилась в том, что Б. находится в доме один. Реализуя задуманное и заранее спланированное особо тяжкое преступление — разбойное нападение в целях завладения денежными средствами, во исполнение преступного умысла Гусаков около 23 ч 30 мин, надев заранее приготовленные ими для совершения преступления трикотажные перчатки, просунул руку, открыл установленное на калитке домовладения запорное устройство и вместе с Оглы и не достигшим возраста привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетним лицом прошел во двор вышеуказанного домовладения. Затем Гусаков открыл не запертую на запоры входную дверь указанного строения и совместно с Оглы и не достигшим возраста привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетним лицом прошел внутрь данного дома, являющегося жилищем, тем самым незаконно проникнув в него. Не достигшее возраста привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетнее лицо осталось у входной двери указанного жилища и стало наблюдать за окружающей обстановкой. Оглы и Гусаков около 23 ч 30 мин прошли в помещение комнаты дома <адрес>, где увидели Б., который сидел на стуле и смотрел телевизор. Гусаков, реализуя совместный преступный умысел, внезапно напал на Б. и, применяя насилие, обхватив его голову руками, повернул ее в сторону, наклонив Б. вниз. Затем, высказывая угрозу убийством и применением к нему насилия, потребовал от потерпевшего передать ему денежные средства, обещая в противном случае избить и убить, после чего, применив насилие, Гусаков повалил Б. на пол и, обхватив руками, начал удерживать его в таком положении, не давая возможности оказать сопротивление. Оглы стала обыскивать дом Б. в поисках денежных средств и иных материальных ценностей. Не найдя их, Оглы потребовала от Б. сообщить ей о месте хранения денег и ценностей, при этом Оглы и Гусаков начали угрожать потерпевшему убийством. Для реализации задуманного Оглы, применив насилие к Б., приставила к его туловищу прииспанную в доме одну из частей ножниц для стрижки овец и, воспользовавшись ею, высказала угрозу убийством, обещая причинить смерть указанной частью ножниц. Демонстрируя серьезность своих намерений, Оглы, требуя от Б. передачи имеющихся у него денежных средств и ценностей, 05.07.2013 около 23 ч 30 мин, применив насилие, приставила к жизненно важной части тела Б. — шее — лезвие полотна одной из частей ножниц для стрижки овец

и продолжила угрожать ему убийством. Реально воспринимая опасность угроз и действий, совершаемых Оглы и Гусаковым, зная о нахождении в указанном доме у входной двери не достигшего возраста привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетнего лица, периодически переговаривавшегося с соучастниками преступления, Б., испытывая физические страдания и боль, не имея возможности оказать сопротивление, подчинился требованиям нападавших, сообщил им о месте хранения денежных средств в доме, которые находились в стеклянной банке под деревянным полом в помещении коридора. Гусаков и Оглы, доводя до конца задуманное особо тяжкое преступление, около 23 ч 30 мин, применяя насилие, подняли на ноги Б., провели его в коридор дома, где последний указал на одну из досок деревянного пола, под которой имелось свободное пространство, показав место хранения своих денег. Гусаков, исполняя отведенную ему роль в организованной преступной группе, достав из потайного места в полу коридора стеклянную банку, извлек оттуда находившиеся в ней денежные сбережения Б. в сумме 30 000 рублей, которые похитил, передав Оглы. Доводя до конца задуманное особо тяжкое преступление в составе организованной преступной группы, Гусаков и Оглы заранее приготовленными предметами одежды, приисканными в жилище Б., применив к нему насилие, связали ему руки и ноги, зафиксировав их в положении, не позволяющем производить какие-либо активные действия, тем самым лишив возможности оказания сопротивления, обратиться за помощью.

Оставив одинокого пожилого Б. в его жилище со связанными руками и ногами, полученными телесными повреждениями в беспомощном состоянии, участники организованной преступной группы Оглы, Гусаков и не достигшее возраста привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетнее лицо с похищенными денежными средствами в сумме 30 000 рублей с места преступления скрылись¹.

По результатам проведенного анализа судебной практики можно сделать следующий вывод. Квалификация содеянного в случае совершения преступления с использованием лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, в раз-

личных регионах Российской Федерации осуществляется по-разному. В одних случаях совершенное несовершеннолетним, совершившим преступление посредством использования лица, не подлежащего уголовной ответственности в силу недостижения им возраста уголовной ответственности, несет ответственность за совокупность преступлений: и как исполнитель основного преступления, и как лицо, совершившее преступление, предусмотренное ст. 150 УК РФ. В других случаях преступление, предусмотренное ст. 150 УК РФ, не вменяется, и уголовная ответственность наступает лишь за преступление, совершенное путем посредственного причинения.

На принятие того или иного судебного решения по вопросу вменения вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления не влияет, имело ли место непосредственное участие совершеннолетнего субъекта в выполнении объективной стороны преступления совместно с лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, или налицо посредственное причинение — совершеннолетний даже частично не выполняет объективную сторону и преступление совершалось посредством использования лица, не подлежащего уголовной ответственности в силу возраста. И в том, и в другом случае суды различных регионов (а порой одного и того же региона) принимают прямо противоположные решения. Полагаем, что ситуация, при которой лица, совершившие сходные общественно опасные деяния, в одних случаях привлекаются, а в других не привлекаются к уголовной ответственности, не соответствует принципу справедливости, предусмотренному ст. 6 УК РФ.

Особенно наглядны данные нарушения в тех случаях, когда субъект вовлечения освобождается от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям (например, в связи с примирением с потерпевшим) за преступление, к совершению которого было привлечено лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности. Если при этом ст. 150 УК РФ не вменялась, для такого лица реализация уголовной ответственности прекращается с момента вступления в законную силу постановления о прекращении уголовного дела — лицу не назначается наказание, оно считается несудимым. Например, Ефремов совершил кражу велосипеда посредством использования малолетнего ФИО1. Органами предварительного расследования его действия были квалифицированы только по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Ефремов возместил потерпевшему причиненный вред, принес извинения и примирился с ним. Суд принял решение: уголовное преследование в отношении Еф-

¹ Приговор Семилукского районного суда Воронежской области от 28 октября 2014 г. по делу № 1-178/2014 // База данных судебных решений «Sudact.ru». URL: <http://sudact.ru/regular/doc/4NjF7lmyNQJj/> (дата обращения: 15.03.2024).

ремова по обвинению по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ прекратить на основании ст. 25 УПК РФ в связи с примирением с потерпевшим¹. Таким образом, в этом случае виновный был полностью освобожден от уголовной ответственности.

Если же в аналогичной ситуации вменяется преступление, предусмотренное ст. 150 УК РФ, то лицо, будучи освобожденным от уголовной ответственности за основное преступление, осуждается за вовлечение в совершение преступления со всеми вытекающими уголовно-правовыми последствиями. Так, Н., совершив кражу продуктов из магазина «Пятерочка» с помощью своей знакомой малолетней ФИО4, была освобождена от уголовной ответственности за данное преступление в связи с возмещением ущерба. Однако поскольку Н. привлекалась к уголовной ответственности и за вовлечение несовершеннолетней в совершение преступления, то суд, признав ее виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 150 УК РФ, назначил наказание в виде лишения свободы на срок один год².

Считаем, что в рассматриваемой ситуации содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений: как исполнительство путем посредственного причинения и по ст. 150 УК РФ. Такая позиция обуславливается несколькими обстоятельствами. Во-первых, логикой объекта рассматриваемого преступления, которое посягает на нормальное нравственное и духовное развитие подростка. Полагаем, что совершение лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законодательством, негативно сказывается на его развитии, несмотря на то что лицо не было привлечено к уголовной ответственности в связи с отсутствием признака субъекта преступления — достижения установленного УК РФ возраста. Во-вторых, авторы, которые ссылаются на положения ч. 1 ст. 87 УК РФ, не учитывают того обстоятельства, что она характеризует признаки субъекта преступления, а не потерпевшего от преступления.

¹ Постановление Гусь-Хрустального городского суда Владимирской области от 2 ноября 2015 г. по делу № 1-476/2015 // База данных судебных решений «Sudact.ru». URL: <http://sudact.ru/regular/doc/XE0TtS908nxa/> (дата обращения: 15.03.2024).

² Приговор Шарангского районного суда Нижегородской области от 22 февраля 2022 г. по делу № 1-1/2022 // База данных судебных решений «Sudact.ru». URL: <http://sudact.ru/regular/doc/oy3YdoVoghNO/?ysclid=ly8kfoc3ix735878737> (дата обращения: 15.03.2024).

Возможно, такая позиция обуславливалась тем фактом, что до недавнего времени несовершеннолетние, вовлеченные взрослым в совершение преступления, достаточно часто при принятии процессуальных решений не признавались потерпевшими в преступлении, предусмотренном ст. 150 УК РФ. Однако Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 25 мая 2023 г. № 26-П четко сформулировал необходимость признания вовлекаемого несовершеннолетнего потерпевшим именно с учетом объекта преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ³. Следует также отметить, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации по вопросам квалификации некоторых преступлений против собственности четко сформулировал свою позицию о необходимости вменения в рассматриваемой ситуации деяния, предусмотренного ст. 150 УК РФ⁴. По нашему мнению, такое разъяснение должно быть сделано Верховным Судом Российской Федерации в постановлении, разъясняющем вопросы применения ст. 150 УК РФ.

³ «Несовершеннолетний, вовлекаемый в совершение преступления любым способом... становится жертвой (потерпевшим в уголовно-правовом смысле) самостоятельного преступного посягательства со стороны взрослого, оказываясь под его пагубным влиянием, способным сформировать (упрочить) ложное представление о допустимости противозаконного поведения, пренебрежительного или негативного отношения к правам и свободам других лиц, к ценностям общества и государства» (см.: По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан М. В. Золотарева и В. В. Фроловой: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 мая 2023 г. № 26-П // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.07.2024).

⁴ «Лицо, организовавшее преступление либо склонившее к совершению кражи, грабежа или разбоя заведомо не подлежащего уголовной ответственности участника преступления, в соответствии с частью второй статьи 33 УК РФ несет уголовную ответственность как исполнитель содеянного. При наличии к тому оснований, предусмотренных законом, действия указанного лица должны дополнительно квалифицироваться по статье 150 УК РФ» (см.: О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.07.2024).

Еще одна проблема, на которой хотелось бы остановиться, — возраст субъекта анализируемого преступления. Единого мнения в доктрине уголовного права по данному вопросу нет. Некоторые авторы предлагают понизить возраст лица, вовлекшего другого в совершение преступления. Так, О. М. Дементьев и О. П. Копылов констатируют, что законодатель закрепил признаки специального субъекта данного преступления в связи с тем, что только при достижении 18-летнего возраста лицо осознает общественную опасность содеянного. В то же время авторы указывают, что с этими выводами они не согласны, аргументируя свою позицию имеющейся практикой — тем, что старшие школьники заставляют детей под какой-либо угрозой приносить и отдавать им деньги. И первым все равно, каким способом они будут добыты, а если ребенок утверждает, что ему неоткуда взять, то ему указывается иной способ — кража. Учитывая изложенное, авторы делают вывод, что субъектом ст. 150 УК РФ должно быть лицо, достигшее 16 лет, так как оно прекрасно осознает, что заставляет другого совершить преступление [7]. С ними согласны и другие ученые, отмечающие, что вовлекатель — это не тот, который достиг определенного возраста, а тот, кто втянул несовершеннолетнего в совершение преступления, в данном случае возраст необходим общеуголовный. Большинство авторов поддерживают позицию законодателя, полагая, что достижение совершеннолетия предполагает осознание виновным не только совершения преступления, но и осознание им объекта посягательства.

На наш взгляд, законодатель установил данную возрастную планку, полагая, что к моменту достижения указанного возраста несовершеннолетние также достигают социальной и психологической зрелости, которая позволяет не только осознать общественную опасность своих действий, но и предвидеть их последствия. Законодатель при этом взял усредненный возрастной ценз психологического развития. Однако не у каждого уровень развития совпадает с достижением совершеннолетия. В данном возрасте лица стремятся показать свою самостоятельность, найти «приключения», не осознавая в полной мере общественной опасности вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления. Учитывая изложенное, полагаем, что нецелесообразно привлекать к уголовной ответственности лиц, которым исполнилось 18 лет, в силу их возрастной близости с несовершеннолетним. В отличие от подростка, взрослому, как правило, намного легче оказать воздей-

ствие на нравственно и физически несформировавшуюся личность, чем лицу, которому недавно исполнилось 18 лет, так как и он сам, и несовершеннолетний еще не в полной мере окрепшие личности.

На наш взгляд, было бы разумно повысить возраст субъекта анализируемого преступления до 21 года. Высказанное предложение обусловлено тем, что на данном этапе жизни сформировались и закрепились те моральные и нравственные убеждения, которые указывают, что лицо не только осознает все последствия своего воздействия, оказываемого на несовершеннолетнего, но и желает их наступления.

Кроме того, возникают проблемы при привлечении к ответственности лица, вовлекшего в совершение преступления двух или более несовершеннолетних. В данном случае практика в различных регионах Российской Федерации отличается. Так, на Байконуре был задержан местный житель, который тайно похитил скутер марки Vogue MLR. Во избежание уголовной ответственности он вовлек в совершение преступления двух несовершеннолетних, обещая подарить взамен свой старый скутер. По данному факту возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 150 УК РФ и пп. «а», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ¹. В то же время в Ульяновской области в отношении С. П. Безрукова возбуждено уголовное дело в соответствии с ч. 4 ст. 150 УК РФ и пп. «а», «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Майнский районный суд Ульяновской области признал С. П. Безрукова виновным в совершении тайного хищения имущества с незаконным проникновением в иное помещение, а также в вовлечении двух несовершеннолетних в совершение данного преступления путем обещаний и иным способом². Во втором случае квалифицировать вовлечение двух несовершеннолетних в совершение преступления по ч. 4 ст. 150 УК РФ необходимо тогда, когда подростков вовлекли в уже сформированную преступную группу, которая будет существовать и без их участия.

¹ На Байконуре задержан похититель скутера, который вовлек несовершеннолетних в совершение преступления // Новости МВД России. URL: <http://mvdprus.ru/news/123764-na-baykonure-zaderjan-pohititel.html> (дата обращения: 20.10.2023).

² Кассационное определение Ульяновского областного суда № 22/2010 от 7 апреля 2010 г. // Ульяновский областной суд: сайт. URL: <http://www.uloblsud.ru/> (дата обращения: 24.10.2023).

В настоящее время нет единого мнения о квалификации данного деяния, но, как правило, содеянное квалифицируется в соответствии с ч. 1 ст. 150 УК РФ. Мы считаем, что сложившаяся практика не соответствует принципу справедливости, так как вовлечение двух и более несовершеннолетних характеризуется повышенной степенью

общественной опасности и, следовательно, санкция за совершение данного преступления должна быть выше. Учитывая изложенное, предлагаем добавить в ч. 2 ст. 150 УК РФ квалифицирующий признак «то же деяние, совершенное в отношении двух или более несовершеннолетних».

1. Коровин Е. П. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий: учеб. пособие. Ставрополь: Ставропольский филиал Краснодар. ун-та МВД России, 2013. 94 с.

2. Кузнецова И. А., Тимко С. А. Вопросы квалификации преступлений, связанных с посягательствами на несовершеннолетних (в контексте определения минимального возраста потерпевшего) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 4 (51). С. 51—59.

3. Поликашина О. В. Расследование вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004. 161 с.

4. Иванова О. Н. Уголовно-правовая характеристика потерпевшего от преступлений, предусмотренных ст. 150, 151 УК РФ // Человек: преступление и наказание. 2007. № 1. С. 93—94.

5. Харламова А. А., Щетинина Н. В., Макеева И. С. Особенности квалификации преступлений против семьи и несовершеннолетних: учеб. пособие. Екатеринбург: Урал. юрид. ин-т МВД России, 2023. 140 с.

6. Трапайдзе К. З. Несовершеннолетний как виновный и как потерпевший: к вопросу о формулировках в Уголовном кодексе Российской Федерации // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1 (53). С. 173—178.

7. Дементьев О. М., Копылов О. П. Проблемы возраста уголовной ответственности. Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. техн. ун-та, 2010. 80 с.

Намнясева Виктория Вячеславовна,
профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
namn.viktoriya@yandex.ru

1. Korovin Ye. P. Criminal liability for involving a minor in committing a crime or for antisocial acts. Textbook. Stavropol: Stavropol branch of Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; 2013: 94. (In Russ.).

2. Kuznetsova I. A., Timko S. A. Issues of qualification of crimes related to attacks on minors (in the context of determining the minimum age of the victim). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 51—59, 2019. (In Russ.).

3. Polikashina O. V. Investigation of involvement of minors in committing crimes and antisocial actions. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2004: 161. (In Russ.).

4. Ivanova O. N. Criminal and legal characteristics of the victim of crimes under Article 150, 151 of the Criminal Code of the Russian Federation. Man: crime and punishment, 93—94, 2007. (In Russ.).

5. Kharlamova A. A., Shchetinina N. V., Makeeva I. S. Features of qualification of crimes against family and minors. Textbook. Yekaterinburg: Ural law institute of the Ministry of the Interior of Russia; 2023: 140. (In Russ.).

6. Trapaidze K. Z. A minor as a culprit and as a victim: on the issue of wording in the Criminal Code of the Russian Federation. Legal science and practice: journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 173—178, 2021. (In Russ.).

7. Dementyev O. M., Kopylov O. P. Problems of age of criminal responsibility. Tambov: Publishing house of Tambov state technical university; 2010: 80. (In Russ.).

Namnyaseva Victoriya Vyacheslavovna,
professor at the department of criminal law
of the educational and scientific complex
for the preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
candidate of juridical sciences, docent;
namn.viktoriya@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 30.08.2024; одобрена после рецензирования 10.09.2024; принята к публикации 14.11.2024.

The article was submitted 30.08.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 14.11.2024.

* * *

УДК 343.34

**ОПЫТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ЛИЦАМ, ЗАНИМАЮЩИМ ВЫСШЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ
В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ,
В СТРАНАХ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ**

Наталья Сергеевна Сысолина

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, sns.va-mvd@mail.ru

Аннотация. Преступное лидерство — одно из наиболее опасных проявлений криминальной среды, способствующее воспроизводству организованной преступности. Деятельность и статус лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, как наиболее опасных криминальных лидеров не является историческим новшеством в отличие от норм, устанавливающих уголовную ответственность данных субъектов. Феномен преступной иерархии законодательно признается далеко не всеми государствами, хотя лица, занимающие высшее положение в ней, нередко распространяют свой криминальный авторитет за границами одной страны. В статье проанализированы нормы специальных законов и уголовных кодексов государств романо-германской правовой семьи, устанавливающих ответственность идеологических лидеров преступной среды, в частности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. Обращено внимание на положительные стороны законодательных подходов к регулированию данного вопроса, однако сделан вывод, что формулировка диспозиций соответствующих статей вызывает сложности в толковании и затрудняет четкое отграничение указанных лиц от иных криминальных лидеров, несмотря на положительный опыт применения данных норм в зарубежных странах.

Ключевые слова: лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии; криминальная среда; преступный лидер; уголовная ответственность; романо-германская правовая семья

Для цитирования: Сысолина Н. С. Опыт уголовно-правового противодействия лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, в странах романо-германской правовой семьи // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 4 (71). С. 26—32.

**EXPERIENCE IN CRIMINAL LEGAL COUNTERACTION
TO PERSONS HOLDING THE HIGHEST POSITION
IN THE CRIMINAL HIERARCHY
IN COUNTRIES OF THE ROMAN-GERMAN LEGAL FAMILY**

Natalia Sergeyevna Sysolina

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, sns.va-mvd@mail.ru

Abstract. Criminal leadership is one of the most dangerous manifestations of the criminal sphere, contributing to the reproduction of organized crime. Activities and status of persons holding the highest position in the criminal hierarchy, as the most dangerous criminal leaders, is not a historical innovation, in contrast to the norms establishing the criminal responsibility of these subjects. The phenomenon of the criminal hierarchy is recognized by not all states at the legal level, although persons holding the highest positions in it often spread their criminal authority beyond the borders of one country. The article analyzes norms of special laws and criminal codes of the states of the Roman-German legal family, establishing the responsibility of the ideological leaders of the criminal sphere, in particular those ones occupying the highest position in the criminal hierarchy. Attention is paid to the positive aspects of legislative approaches to regulate this issue, but it is concluded that the formulation of the dispositions of the analyzed articles makes it difficult to interpret them as well as to clearly identify these individuals among other criminal leaders, despite the positive experience to apply these norms in foreign countries.

Keywords: person holding the highest position in the criminal hierarchy; criminal sphere; criminal leader; criminal responsibility; Roman-German legal family

For citation: Sysolina N. S. Experience in criminal legal counteraction to persons holding the highest position in the criminal hierarchy in countries of the roman-german legal family. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 26—32, 2024. (In Russ.).

Преступность представляет собой негативное социальное явление, связанное с нарушением уголовного закона и способное воспроизводиться в разных формах. В развитии преступности, повышении степени ее организованности особенно заинтересованы лидеры преступной среды. Для этого в отношениях с другими членами криминального мира они устанавливают и используют помимо организационно-функциональных связей идеологические, основанные не просто на умении устраивать совместную преступную деятельность других лиц, но и распространять на иных членов преступной среды свое преступное влияние и авторитет. С этой позиции лидеров преступной среды условно можно разделить на функциональных (организаторы преступления) и идеологических (способные оказывать авторитетное влияние на криминальную обстановку без участия в конкретных преступлениях), причем указанные роли могут быть совмещены одним лицом [1].

Лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, — наиболее опасная категория идеологических криминальных лидеров, играющая в развитии преступности особую роль. Указанные субъекты определяют приоритетные направления противоправной деятельности в преступной среде, выступают идеологами и авторитетными представителями данной системы. Часто их деятельность не ограничивается рамками одного государства: организованная преступность давно вышла за его пределы и стремится к консолидации криминальных усилий на территории нескольких стран, приобретая транснациональный характер. В связи с этим изучение зарубежного опыта уголовно-правового противодействия идеологическим лидерам преступной среды, в том числе лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, приобретает особенное значение.

При исследовании зарубежных подходов к установлению уголовно-правового запрета тех или иных аспектов идеологического преступного лидерства наиболее характерными особенностями обладают положения законодательства государств романо-германской правовой семьи. Приоритет законов над прецедентным правом, их кодифицированный характер, деление права на отрасли позволяют системно подойти к формулированию общественной опасности деятельности рассматриваемых субъектов и установить уголовную ответственность.

Кроме того, специфика преступности на территории государств, входящих в романо-германскую правовую семью, обуславливает наличие подобных норм в их законодательстве.

Так, по Уголовному кодексу (далее — УК) Республики Албания 1995 г. преступных лидеров можно привлечь к ответственности за любое преступление, поскольку организатор, согласно ст. 26, является видом соучастника в преступлении. Ответственность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, законом не установлена, однако примечательной является норма ст. 221, предусматривающая наказание в виде пожизненного заключения или смертной казни для лиц, участвующих в восстании в целях свержения конституционного строя в качестве лидера или организатора. Предположительно в указанной норме уголовный закон четко называет два типа преступного лидера, хотя и не предусматривает критериев такой дифференциации¹.

В УК Аргентины 1984 г., помимо характерной для романо-германской правовой системы нормы об ответственности за организацию и участие в преступном сообществе или преступной группе, в ст. 213-бис гл. V содержится специальная норма об ответственности, в том числе, организатора группы, основной или вспомогательной целью которой является навязывание своих идей или борьба с чужими идеями с помощью силы или страха². Особенность нормы заключается в том, что организатор, как и иной член группы, подлежит наказанию лишь за сам факт принадлежности к ней, а не за действия по ее организации. С учетом перечисленных законом идеологических целей группы, норму указанной статьи можно условно обозначить как родственную уголовно-правовому запрету занятия высшего положения в преступной иерархии, предусмотренному ст. 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ).

¹ Уголовный кодекс Республики Албания // Интернет-архив. URL: https://web.archive.org/web/20070816111736/http://pbosnia.kentlaw.edu/resources/legal/albania/crim_code.htm (дата обращения: 13.08.2024).

² Código penal de la Nación Argentina. Ley 11.179 (T.O. 1984 Actualizado) // Ministerio de Justicia de la Nación. URL: <https://servicios.infoleg.gob.ar/infolegInternet/anexos/15000-19999/16546/texact.htm#22> (дата обращения: 13.08.2024).

Часть 3 статьи 260ter УК Швейцарии содержит норму об ответственности за идеологический аспект преступного лидерства в террористической организации, в частности, «если правонарушитель оказывает решающее влияние в организации, он или она подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок не менее трех лет»¹. Об иерархии, присущей указанной организации, в статье не упоминается, но и ответственность за организацию данного криминального объединения исключительно с точки зрения функционального аспекта преступного лидерства также не предусмотрена.

В УК Италии 1930 г. (с поправками) в ст. 416-бис содержится норма об ответственности лиц, которые продвигают, руководят или организуют преступную деятельность объединений мафиозного типа, члены которых используют устрашающую силу связей, существующих внутри таких объединений, отношения подчинения и вытекающий из них кодекс молчания (омерту). Норма указанной статьи применяется в отношении Каморры, Ндрангеты и других преступных объединений, как бы они ни назывались на местном уровне, а также в отношении зарубежных организаций, которые, используя устрашающую силу имеющихся внутренних связей и отношений, преследуют цели объединений мафиозного типа:

- совершение преступлений;
- прямое или косвенное получение управления или иного контроля над экономической деятельностью, концессиями, разрешениями, контрактами и государственными услугами;
- получение несправедливых прибыли или преимуществ для себя и иных лиц; воспрепятствование свободному осуществлению права голоса или обеспечению голоса для себя или других во время избирательных консультаций².

Отметим, что в широком значении под омертой понимается обет молчания, в узком — своеобразный «кодекс чести» итальянской мафии, сложившийся на острове Сицилия в XVIII—XIX вв. во время французской оккупации Италии и предпола-

гающий полный отказ от сотрудничества с властями, запрет предоставления правоохранным органам любой информации о членах преступной мафиозной организации, а также содержащий свод принципов и правил поведения внутри организации, в том числе правила подчинения вышестоящим членам мафии, т. е. фактически лицам, находящимся на более высоких ступенях преступной иерархии [2—4]. За роль лидера в такой мафиозной организации санкция нормы ст. 416-бис предусматривает от 12 до 18 лет лишения свободы, в то время как пределы такого же вида наказания для остальных участников ниже — от 10 до 15 лет.

С учетом того что за участие и организацию преступного объединения немафиозного типа предусмотрена отдельная норма ст. 416 с более низкими пределами наказания в виде лишения свободы, можно сделать вывод, что итальянское уголовное законодательство давно признало повышенную общественную опасность тех преступных объединений, члены которых попали под влияние криминальной субкультуры, в том числе их лидеров, занимающих высокие ступени преступной иерархии. Исследователи отмечают, что ст. 416-бис позволяет «привлекать к уголовной ответственности за сам доказанный факт принадлежности к мафии даже в случае, если не удастся доказать из-за недостатка улик факт участия в совершении того или иного преступления» [5, с. 96].

Подобная логика также прослеживается в пояснительной записке к проекту федерального закона № 46-ФЗ, которым в УК РФ 1 апреля 2019 г. была введена ст. 210.1, устанавливающая ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии³. К слову, за участие в преступном объединении мафиозного типа пытались привлечь к ответственности и российских криминальных авторитетов (так называемых воров в законе)⁴, что доказывает сходство в природе уголовной ответственности за занятие высшего положения в пре-

¹ Swiss Criminal Code. SHERLOC: Database of legislation // United Nations Office on Drugs and Crime. URL: https://sherloc.unodc.org/cld/en/legislation/che/swiss_criminal_code/book_2-_title_12/article_260ter/article_260ter.html?lng=en&tmpl=sherloc (дата обращения: 17.08.2024).

² Codice penale — Edizione 2022. SHERLOC: Database of legislation // United Nations Office on Drugs and Crime. URL: https://sherloc.unodc.org/cld/uploads/res/document/ita/1930/codice_penale_html/Codice_Penale_-_edizione_aprile_2022.pdf (дата обращения: 17.08.2024).

³ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7> (дата обращения: 17.08.2024).

⁴ Воры в законе это не мафия — решила Италия // Информационный портал www.mzk1.ru. URL: <https://www.mzk2.ru/2014/06/vory-v-zakone-eto-ne-mafiya-reshila-italiya/> (дата обращения: 17.08.2024).

ступной иерархии по законодательству Италии и России. Вместе с тем отдельного уголовно-правового запрета занятия высшего положения в преступной иерархии УК Италии не содержит, ограничиваясь положениями ст. 416-бис.

В вопросе привлечения к уголовной ответственности криминальных лидеров интересен опыт Грузии, где после распада СССР обосновалось более половины так называемых воров в законе [6]. Так, в ст. 3 Закона «Об организованной преступности и рэкете» содержатся легальные определения понятий «рэкет», «воровское сообщество», «член „воровского сообщества“», «деятельность „воровского сообщества“», «вор в законе», «воровская разборка» и др. Особенностью дефиниций указанных терминов является упор на их организационную сущность. Так, «вором в законе» признается «лицо, которое в любой форме осуществляет управление или (и) организацию „воровского сообщества“ или с использованием методов деятельности „воровского сообщества“ осуществляет управление или (и) организацию определенной группы лиц».

Вместе с тем в данном определении отсутствует прямое указание на идеологический аспект лидерства «вора в законе», по сути являющегося лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, связанной с распространением криминальной «воровской» субкультуры. Имеется лишь отсылка к методам деятельности «воровского сообщества», среди которых закон называет использование собственного криминального влияния¹. Такой подход представляется несовершенным ввиду того, что, несмотря на обилие специальных терминов, связанных с криминальной субкультурой, «вор в законе» уравнивается с иными лидерами преступной среды (как функциональными, так и идеологическими), потому что критерии их различия не раскрываются.

Во исполнение указанного закона в УК Грузии введены нормы, предусматривающие ответственность за членство в «воровском сообществе» и пребывание лица в положении «вора в законе» (чч. 1 и 2 ст. 223.1 соответственно), участие в «воровском сходе» (ст. 223.2), поддержку деятельности «воровского сообщества» (ст. 223.3), обращение к члену «воровского сообщества» или «вору в за-

коне» или получение материальной выгоды или преимущества в результате такого обращения (ст. 223.4)². С одной стороны, норма ч. 2 ст. 223.1 УК Грузии является родственной аналогичной норме, предусмотренной ст. 210.1 УК РФ: обе устанавливают уголовную ответственность за наличие высшего криминального статуса. С другой стороны, УК Грузии не содержит общих норм о создании либо участии в преступном сообществе (не «воровском»), как это предусмотрено отечественным уголовным законом в ст. 210. По этой причине, несмотря на общую оценку практики применения грузинского уголовного закона в отношении «воров в законе» как эффективную [7], назвать его нормы совершенными с точки зрения юридической техники не представляется возможным.

На функциональном аспекте лидерства акцентирует внимание и УК Республики Казахстан, который в ст. 263, предусматривающей уголовную ответственность за создание, руководство преступным сообществом и участие в нем, называет в ч. 5 в качестве специального субъекта указанного преступления лицо, занимающее лидирующее положение среди руководителей организованных групп (преступных организаций). Таковым, согласно п. 32 ст. 3, признается лицо, наделенное руководителями организованных групп (преступных организаций) полномочиями по координации преступных действий, либо тот, за кем члены группы признают право брать на себя наиболее ответственные решения, затрагивающие их интересы и определяющие направление и характер их преступной деятельности³.

Буквальное толкование приведенной дефиниции позволяет заключить, что лицо, занимающее лидирующее положение среди руководителей организованных групп (преступных организаций), оценивается в уголовно-правовом значении только с точки зрения организаторских и управленческих функций в данных криминальных объединениях без признания повышенной опасности идеологического аспекта криминального лидерства. Полагаем, такой подход также затрудняет четкое отграничение указанного субъекта от организатора уголовного

¹ Об организованной преступности и рэкете: закон Грузии от 18 апреля 2018 г. № 2150 // Законодательный Вестник Грузии: офиц. сайт. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/27814?publication=1> (дата обращения: 15.09.2024).

² Уголовный кодекс Грузии от 22 июля 1999 г. № 2287 // Законодательный Вестник Грузии: офиц. сайт. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=262> (дата обращения: 15.09.2024).

³ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗПК // Эділет: информ.-правовой портал. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 19.09.2024).

правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 28 УК Республики Казахстан, и руководителей организованных групп (преступных организаций), которые наделяют его лидирующим статусом.

Иной подход используется в Республике Армения. Так, УК 2021 г. в ст. 318—325 вводит специального субъекта предусмотренных в них преступлений, а именно лицо, имеющее высший статус в криминальной иерархии. В статье 322 лицо наказывается лишением свободы на срок от 6 до 12 лет за сам факт присвоения, или получения, или сохранения указанного статуса, в остальных же составах совершение преступления данным субъектом выступает квалифицирующим признаком, влекущим более строгую уголовную ответственность. В то же время, согласно указанной статье, лицом, имеющим высший статус в криминальной иерархии (вором в законе или криминальным авторитетом), признается лицо, которое считается авторитетом согласно правилам поведения, установленным и признанным группировкой, являющейся носителем криминальной субкультуры, и дающее инструкции по осуществлению целей, преследуемых такой группировкой, а также организующее собрания такой группировки или участвующее в них либо организующее или осуществляющее сбор денежных средств (в том числе посредством азартных игр), или распоряжающееся незаконной выгодой, полученной при посредстве такой группировки, или совершающее иные действия, направленные на осуществление целей, преследуемых группировкой, являющейся носителем криминальной субкультуры, и которое с получением этого статуса имело реальную возможность совершения указанных действий¹.

Как следует из данного определения, лицо, имеющее высший статус в криминальной иерархии, в отличие от иных лидеров преступной среды, связано с деятельностью группировки, которая придерживается норм криминальной субкультуры. Таким образом, не все преступные объединения являются носителями указанной субкультуры, соответственно, не любое из них иерархично. Подобный уголовно-правовой подход представляется наиболее верным, поскольку позволяет отграничить лицо, имеющее высший статус в криминальной иерархии, от иных организаторов преступлений. Полагаем, что основным критерием такого разграничения слу-

жит именно приверженность данного лидера преступной среды и подчиненных ему по иерархии членов к определенной криминальной субкультуре.

Кроме того, из положительных сторон законодательного противодействия лицам, имеющим высший статус в преступной иерархии, в Республике Армения отметим целесообразность выделения этих лиц в качестве специальных субъектов не только в составе преступления, связанного с созданием или участием в преступном сообществе, но и в ряде смежных составов, связанных с деятельностью группировки, являющейся носителем криминальной субкультуры.

В Кыргызской Республике основным нормативным правовым актом в сфере противодействия лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, является Закон «О противодействии организованной преступности» 2023 г.² Его отличительной особенностью является законодательное закрепление определений таких понятий, как «криминальная идеология», «криминальная субкультура», «криминальная иерархия», «криминальный статус», «лидер организованной преступной группы, преступного сообщества (преступной организации), вооруженной группы (банды)». Таким образом, названный закон вкладывает в содержание организованной преступности в том числе идеологическую составляющую и называет в качестве одного из направлений противодействия данному явлению противодействие использованию объединений граждан или средств массовой информации в целях распространения криминальной идеологии (ст. 6). При таком подходе лидер организованной преступной группы, преступного сообщества (преступной организации), вооруженной группы (банды) по смыслу закона обособляется от организатора преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 41 УК Кыргызской Республики 2021 г.:

— ввиду наличия признанного авторитета в криминальной иерархии, представляющей собой систему взглядов и оценок о положении (статусе или роли) лица в организованных преступных группах (бандах);

— использования такого авторитета;

— обладания более высоким положением и влиянием на координацию и организацию деятельности преступных объединений, обеспечивающим их формирование и структурное построение.

¹ Уголовный кодекс Республики Армения от 5 мая 2021 г. // Законодательство: Национальное Собрание Республики Армения: офиц. сайт. URL: http://parliament.am/law_docs_8/27052021HO199_rus.pdf (дата обращения: 25.09.2024).

² О противодействии организованной преступности: закон Кыргызской Республики от 29 мая 2013 г. № 82 // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики: офиц. сайт. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/203890> (дата обращения: 25.09.2024).

В свою очередь, УК Кыргызской Республики в ч. 3 ст. 261 устанавливает уголовную ответственность за признание, подтверждение или отрицание занятия положения (статуса) в криминальной иерархии либо организованной группе¹. Достоинством формулировки объективной стороны данного состава преступления являются перечисление конкретных деяний, за которые лицо подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от семи до десяти лет с конфискацией имущества (в отличие от диспозиции нормы ст. 210.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии без раскрытия значения термина «занятие»), а также закрепление дефиниций понятий, используемых в диспозиции нормы ст. 261 в указанном выше Законе «О противодействии организованной преступности».

Вместе с тем специфика формулировки диспозиции указанной статьи УК Кыргызской Республики позволяет заключить, что законодательство данного государства не выделяет лицо, занимающее именно высшее положение в преступной иерархии в качестве специального субъекта данного преступления. По сути, привлечению к уголовной ответственности в данном случае подлежит любой член организованной преступной группировки (не только лидер), который причисляет себя к той или иной ступени криминальной иерархии и обладает в ней любым положением (статусом).

Кроме того, наблюдается некоторая несогласованность в построении диспозиции ст. 261. Так, уголовная ответственность предусмотрена относительно положения (статуса) в криминальной иерархии или организованной группе. Во-первых, криминальной иерархией в соответствии со ст. 1 Закона «О противодействии организованной преступности» признается система взглядов и оценок о статусе лица, в то время как организованная

группа является формой соучастия в преступлении. Таким образом, это разнопорядковые категории, которые некорректно использовать в одном ряду при формулировании объективной стороны состава преступления.

Более того, согласно ч. 4 ст. 42 УК Кыргызской Республики такой признак, как иерархичность объединения, присущ не организованной группе, а преступному сообществу. Однако ответственности за признание, подтверждение или отрицание занятия положения (статуса) в преступном сообществе данный закон не содержит.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. Лишь некоторые из зарубежных стран романо-германской правовой семьи рассматривают идеологических преступных лидеров в целом и лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, в частности как специальных субъектов преступления.

2. Уголовное законодательство государств, признавших повышенную общественную опасность лиц, которые занимают высшее положение в преступной иерархии, характеризуется несовершенством формулировок диспозиций норм, предусматривающих ответственность указанных субъектов как за сам факт обладания данным статусом, так и за совершение иных преступлений.

3. Наиболее верным при разграничении лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, и иных криминальных лидеров представляется подход, закрепленный в УК Республики Армения, согласно которому указанные субъекты должны являться носителями криминальной субкультуры. Считаем обоснованным использовать данный критерий при дифференциации лидеров преступной среды в отечественном уголовном законодательстве.

¹ Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики: офиц. сайт. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309?cl=ru-ru> (дата обращения: 15.05.2023).

1. Сысолина Н. С. Тенденции развития отечественного уголовного законодательства об ответственности лидеров преступной среды периода X—XVI веков // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 45—52.

1. Sysolina N. S. Trends in the development of domestic criminal legislation on the responsibility of leaders of the criminal environment of the period X—XVI centuries. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 45—52, 2023. (In Russ.).

2. Catino M. How do mafias organize? Conflict and violence in three mafia organizations // European Journal of Sociology. 2014 № 55 (2). URL: https://www.researchgate.net/publication/267270472_How_Do_Mafias_Organize_Conflict_and_Violence_in_Three_Mafia_Organizations (дата обращения: 17.08.2024).

3. Мацкевич И. М. Транснациональная организованная преступность: понятие и признаки // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 2017. № 4. С. 69—77.

4. Кузнецов К. В. Особенности формирования и реализации криминальной деятельности организованных этнических преступных формирований в зарубежных странах (на примере наиболее влиятельных этнических преступных сообществ и группировок) // Общество и право. 2017. № 3 (61). С. 61—66.

5. Савченко Н. М. Антимафиозная политика и опыт борьбы с мафией в Италии // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2011. № 5 (68). С. 95—102.

6. Глonti Г., Лобжанидзе Г. Профессиональная преступность в Грузии (воры в законе). Тбилиси: Полиграф, 2004. 132 с.

7. Стукалова Т. В., Сухаренко А. Н. Уголовное преследование лидеров преступной среды в России: состояние и проблемы: науч.-практ. пособие. Москва: Проспект, 2022. 216 с.

2. Catino M. How do mafias organize? Conflict and violence in three mafia organizations. European Journal of Sociology, 2014. Available from: https://www.researchgate.net/publication/267270472_How_Do_Mafias_Organize_Conflict_and_Violence_in_Three_Mafia_Organizations. Accessed: 17 August 2024. (In Eng.).

3. Matskevich I. M. Transnational organized crime: concept and specifics. Moscow University Bulletin. Series 11. Law, 69—77, 2017. (In Russ.).

4. Kuznetsov K. V. Specifics to form and implement criminal activities of organized ethnic criminal groups in foreign countries (the most influential ethnic criminal communities and groups are analyzed as an example). Society and Law, 61—66, 2017. (In Russ.).

5. Savchenko N. M. Anti-mafia policy and experience in the fight against mafia in Italy. News of the Gomel State University named after F. Skorina, 95—102, 2011. (In Russ.).

6. Glonti G., Lobzhanidze G. Professional crime in Georgia (thieves in law). Tbilisi: Polygraph; 2004: 132. (In Russ.).

7. Stukalova T. V., Sukharenko A. N. Criminal prosecution of leaders of the criminal environment in Russia: state and problems. Scientific and practical textbook. Moscow: Prospekt; 2022: 216. (In Russ.).

Сысолина Наталья Сергеевна,

старший преподаватель кафедры
уголовного права учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России;
sns.va-mvd@mail.ru

Sysolina Natalia Sergeyevna,

senior lecturer at the department of criminal law
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
sns.va-mvd@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.10.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.

The article was submitted 13.10.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 14.11.2024.

* * *

УДК 343.9

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ДИСТАНЦИОННОГО МОШЕННИЧЕСТВА

Анна Викторовна Сычева

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,
anna002@yandex.ru

Аннотация. Научно-технический прогресс не только способствует росту уровня жизни граждан, но и оказывает влияние на совершение преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в частности дистанционных мошенничеств. В статье проанализировано состояние преступности, связанной с указанным видом преступлений, и перечислены способы совершения дистанционного мошенничества в современных условиях. Автор обращает внимание, что мошенники, опираясь на актуальные новостные повестки, постоянно изменяют и совершенствуют свои преступные схемы. Рассмотрение мер предупреждения дистанционного мошенничества происходит на примерах из судебно-следственной практики: случаи мошенничества на фоне выборов Президента России, теракт в Крокус Сити Холле (различные виды сообщений в мессенджерах с информацией о сборе денежных средств для помощи пострадавшим в теракте и др.). Предложены рекомендации по предупреждению совершения рассматриваемой категории мошенничеств и проанализировано законодательство в этой части.

Ключевые слова: мошенничество, способы предупреждения дистанционного мошенничества, выборы Президента РФ, теракт в Крокус Сити Холле, мессенджеры

Для цитирования: Сычева А. В. О некоторых аспектах предупреждения дистанционного мошенничества // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 4 (71). С. 33—38.

ON SOME ASPECTS TO PREVENT REMOTE FRAUD

Anna Victorovna Sycheva

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, anna002@yandex.ru

Abstract. Scientific and technological progress contributes not only to an increase in the standard of living of citizens, but also has an impact on the commission of crimes by using information and telecommunication technologies, remote fraud, in particular. The article analyzes crime conditions associated with this type of crime and lists ways to commit remote fraud in modern conditions. The author pays attention to the fact that on the basis of topical news agendas scammers constantly change and improve their criminal schemes. An analysis of measures to prevent remote fraud is made by using examples from forensic investigative practice: cases of fraud, while elections of the President of the Russian Federation took place, or the terrorism-related attack in Crocus City Hall happened (various types of messages in instant messengers containing information to collect money to help victims of the terrorism-related attack, etc.). The author proposes recommendations to prevent the commission of this category of frauds and analyzes legislation in this part.

Keywords: fraud, ways to prevent remote fraud, elections of the President of the Russian Federation, terrorist attack in Crocus City Hall, instant messengers

For citation: Sycheva A. V. On some aspects to prevent remote fraud. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 33—38, 2024. (In Russ.)

Проблема совершения дистанционных мошенничеств в отношении граждан России по-прежнему стоит остро. Кибератаки на компании, факты дистанционного хищения денежных средств у граждан путем обмана или злоупотребления доверием фиксируются все чаще, при этом криминальные схемы, в том числе по выводу незаконно полученных доходов, постоянно изменяются.

Об актуальности рассматриваемой темы свидетельствуют и слова Министра внутренних дел Российской Федерации В. Колокольцева, который 20 декабря 2023 г. в ходе заседания Правительственной комиссии по профилактике правонарушений отметил: «За последние пять лет количество преступлений, совершенных с помощью информационных технологий, в целом по России возросло в два раза и сейчас составляет треть от всех зарегистрированных преступлений. Больше половины из них относится к категории тяжких и особо тяжких. Основной массив приходится на кражи и мошенничества»¹.

Известно, что мошенники четко отслеживают все новостные ленты, и, безусловно, они не могли не воспользоваться ситуацией с выборами Президента России, которые проходили 15—17 марта 2024 г., и терактом в концертном зале «Крокус Сити Холл» в г. Красногорске Московской области.

В последнее время получили распространение случаи, когда изъятие денежных средств у граждан в результате совершенного мошенничества выступает и целью, и способом дальнейшей манипуляции поведением жертвы, способом ее подстрекательства к совершению преступлений.

Так, Н. в Подмоскovie облила зеленкой урну для голосования на избирательном участке. Допрошенная в качестве подозреваемой Н. показала, что мошенники обманым путем уговорили ее перевести им крупную сумму денег и пообещали вернуть их, если Н. исполнит задание по заливке урны зеленкой во время выборов Президента России².

Аналогичная ситуация произошла в г. Моздоке. С. облила урну для голосования йодом. Допрошенная в качестве подозреваемой С. пояснила,

что мошенники похитили у нее большую сумму денег, и для того, чтобы вернуть похищенное, ей необходимо было приобрести йод и залить бюллетени, расположенные в урне для голосования³.

В Москве 70-летняя П. подожгла кабинку для голосования на избирательном участке. Она пояснила сотрудникам полиции, что стала жертвой мошенничества, и впоследствии преступники дали ей задание поджечь кабинку для голосования, снять видео, прислать его так называемым кураторам, и тогда мошенники вернут ей похищенные денежные средства⁴.

Доктор химических наук из Свердловска Н. собиралась совершить аналогичные действия, так как ранее мошенники обманым путем похитили у нее 15 миллионов рублей. Но свои действия Н. не смогла завершить, так как была остановлена сотрудниками полиции⁵.

В других регионах граждане России бросали «коктейли Молотова»⁶ в здания, где располагались избирательные участки⁷. И подобных случаев в период выборов Президента России было достаточное количество.

На видео все указанные лица, совершавшие преступления якобы для возврата своих денег, похищенных мошенниками, выглядят явно неадекватно. Но мошенники обращаются именно к легко внушаемым людям, к людям, оказавшимся в состоянии паники. Паника отключает какие-либо ло-

³ Мастер маникюра попыталась залить бюллетени йодом на участке в Северной Осетии. URL: <https://life.ru/p/1646173> (дата обращения: 26.03.2024).

⁴ В Марьино женщина подожгла будку для голосования. URL: <https://moskvichmag.ru/gorod/v-marino-zhen-shhina-podozhgla-budku-dlya-golosovaniya/> (дата обращения: 26.03.2024).

⁵ Поверила аферистам дважды. Профессор отдала 15 млн и пришла на выборы с зеленкой, чтобы их вернуть. URL: https://tsargrad.tv/news/poverila-afelistam-dvazhdy-professor-otdala-15-mln-i-prishla-na-vybory-s-zeljonkoj-chtoby-ih-vernut_974943 (дата обращения: 25.03.2024).

⁶ «Коктейль Молотова» (от англ. Molotov cocktail) — общее название простейших жидкостных зажигательных гранат. Обычно их конструкция состоит из стеклянной бутылки с горючей жидкостью. URL: <https://postnews.ru/a/17410> (дата обращения: 25.03.2024).

⁷ Трех новосибирцев арестовали за попытку поджечь избирательный штаб в Барнауле. URL: <https://ngs.ru/text/criminal/2024/03/25/73379435/> (дата обращения: 20.03.2024); Зеленка, йод и «коктейль Молотова»: как пытались сорвать выборы в России. URL: https://tsargrad.tv/articles/zeljonka-jod-i-koktejli-molotova-kak-pytalis-sorvat-vybory-v-rossii_976997 (дата обращения: 20.03.2024).

¹ Владимир Колокольцев провел заседание Правительственной комиссии по профилактике правонарушений. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/vladimir-kolokolcev-provel-zasedanie-pravitelstvennoy-komissii-po-profilaktike-pravonarusheniy/> (дата обращения: 19.03.2024).

² Анатомия мошенничества. Как доверчивые россияне стали диверсантами и что сделать, чтобы этого избежать. URL: <https://dzen.ru/a/Zfe3ZtUUiZwxaS> (дата обращения: 26.03.2024).

гические доводы, в этом состоянии человек может не до конца понимать характер и степень опасности своих действий и последствий, которые могут наступить в результате совершения этих поступков. Буквально вчера это были законопослушные люди (профессор кафедры химии известного университета), а сегодня они умышленно нарушают закон.

В связи с терактом, произошедшим в подмосковном Красногорске 22 марта 2024 г., потенциальные жертвы практически сразу же после совершения преступления стали получать сообщения в мессенджерах о сборе денежных средств для пострадавших. Мошенники представлялись сотрудниками «Крокус Сити Холла»¹.

Кроме того, в мессенджере Telegram гражданам стали поступать сообщения с последними данными о количестве погибших и пострадавших в результате теракта, при этом в данном сообщении находилась ссылка, которая якобы направляла на обновленный список погибших людей и адреса для сдачи донорской крови. На самом деле эта ссылка способствовала получению мошенниками удаленного доступа к личным данным абонента и возможности хищения принадлежащих жертве денежных средств.

Мошенники посредством мессенджеров также начали запугивать граждан России якобы предстоящими терактами, сведения о которых можно узнать, если перейти по ссылке, указанной в сообщении (рис. 1). Данная фишинговая ссылка приводит к установке на телефон потенциальной жертвы вредоносного программного обеспечения.

Не секрет, что среди жертв мошенников есть и преподаватели вузов, и родственники губернаторов, и директор департамента Министерства финансов Российской Федерации, и даже космонавт. И это только те случаи, которые широко описаны в средствах массовой информации. Специалисты по кибербезопасности указывают, что в среднем ущерб, который телефонные мошенники наносят гражда-

нам России с 2020 г., составляет не менее 15 млрд рублей ежегодно, и с каждым годом это число увеличивается. Примерно 90 % всех киберпреступлений совершается посредством метода социальной инженерии.

«Теракт в крокусе — только начало. Нас ждет череда других потрясений»

Американская разведка уже предупредила, что в Москве планируется новый теракт. Поэтому запаситесь надежными источниками с быстрыми новостями без фейков и паники. Например, [Первый Московский](#). Это один из самых старых московских каналов в ТГ.

Там предупреждали о теракте в Крокусе за день до, а сейчас выложили список мест, где может быть новый теракт и подробно освещают все актуальные события.

Подписывайтесь и будьте аккуратны. Эти знания могут спасти вам жизнь: <https://t.me/+hM4LBhs4byc2Zjk6>

Рис. 1. Сообщение, содержащее фишинговую ссылку

В феврале 2024 г. зампредправления Сбербанка Станислав Кузнецов сообщил, что до 95 % всех звонков от мошенников поступает с территории Украины, а «столицей» телефонного мошенничества он второй год подряд назвал город Днепр. Раньше в нем было более 1 100 call-центров, сейчас осталось около 150, всего на Украине существует около 800—900 call-центров².

Раскрываемость таких преступлений, к сожалению, остается низкой. Это происходит в связи с тем, что с 2014 г. сотрудничество правоохранительных органов России и Украины было прервано. Поэтому мошенники, располагающиеся на территории Украины, чувствуют себя в полной безопасности. Кроме этого, представители власти Украины не скрывают, что украинские мошенники являются «кибервойсками» службы безопасности этого государства.

¹ В «Крокус Сити Холле» предупредили о рисках мошенничества. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/660073aa9a794713eef48cad> (дата обращения: 25.03.2024).

В целях предотвращения совершения дистанционных мошенничеств Государственная Дума РФ одобрила законопроект «О внесении изменений в Федеральный закон «О кредитных историях» и Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)». Согласно данному законопроекту с 1 марта 2025 г. граждане РФ смогут устанавливать самозапрет на выдачу им кредитов. Запрет будет касаться договоров потребительского займа с микрофинансовыми организациями.

² В Сбербанке назвали «столицу» телефонного мошенничества. URL: <https://www.rbc.ru/finances/16/02/2023/63ede5459a7947d94d2953f2> (дата обращения: 26.03.2024).

Известно, что на территории Украины на постоянной основе работают огромные промышленные киберхолдинги. В группы таких преступных сообществ входят профессиональные психологи, программисты, специалисты, обученные манипулировать сознанием людей. Всеми этими мошенниками руководит служба безопасности Украины. Об этом сообщил помощник секретаря Совета безопасности Российской Федерации Дмитрий Грибков: «На Украине, а также на территории балтийских стран проводится обучение специалистов-хакеров для осуществления компьютерных атак в отношении информационной инфраструктуры Российской Федерации. Это международное сообщество хакеров называется „ИТ-армия Украины“. Задачей данной структуры является нарушение работоспособности российских государственных и частных социально значимых информационных ресурсов и похищение „чувствительных“ данных»¹.

Подчинение поведения жертвы манипулятором происходит поэтапно.

Так, сначала манипуляторы входят в доверие. Потенциальной жертве присылают скриншоты документов, подтверждающих законность действий лица, с которым разговаривает жертва. Мошенник под видом начальника охранной службы, главного менеджера, офицера полиции, «следователя по делу об утечке ваших данных» предоставляет жертве договоры с банком, удостоверения, поручения и др.

Естественно, потенциальной жертве затруднительно установить подлинность или идентифицировать подделку документов, посмотрев на них на экране смартфона. На данных документах имеются все необходимые реквизиты: оттиски печатей, штампов, подписи, даты, фотографии якобы сотрудников и др.

Если бы жертва вовремя прервала разговор и обратилась лично в отделение банка или в полицию, возможно, ее денежные средства не были бы похищены. Но мошенники именно этого и не позволяют ей сделать: сначала сообщают о взломе личного кабинета на портале «Госуслуг» или взломе личного кабинета банка, вызывая таким образом панику. Далее преступники сообщают, что денежные средства жертвы срочно необходимо перевести на якобы «безопасный счет».

Или другой популярный сценарий: «На Ваше имя оформили кредит на крупную сумму. Для того

чтобы его аннулировать, Вы должны взять другой кредит». В таком взволнованном состоянии жертвы часто действительно оформляют кредиты в банке и переводят кредитные денежные средства мошенникам.

На законодательном уровне государством приняты определенные меры в целях предупреждения совершения дистанционных мошенничеств, совершаемых вышеуказанным способом. Так, 26 февраля 2024 г. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации приняла Федеральный закон № 31-ФЗ, которым внесены изменения в федеральные законы «О кредитных историях» и «О потребительском кредите (займе)». Поправки вступят в силу с 1 марта 2025 г. Закон дает право гражданину подать заявку на включение информации о запрете (или об отмене такого запрета) на оформление потребительских кредитных соглашений (заимствований) в его кредитной истории.

Преступники, кроме чувства паники, стараются вызвать у потенциальных жертв ощущение возможной «упущенной выгоды». Нередко мошенники сообщают, что на том якобы «безопасном счете» и проценты накопительные значительно больше, и вообще одни сплошные выгодные предложения.

В ходе такой «психологической обработки» потенциальной жертвы мошенники стараются не выпускать из виду последнюю. Один преступник под видом сотрудника банка сменяется другим, при этом один требует что-то подписать, другой — отсканировать. Все указанные действия происходят максимально оперативно, чтобы не дать лицу возможности обдумать свои действия.

Далее преступники уговаривают потенциального потерпевшего оформить на себя кредит в банке, а если кредит уже оформлен, то совершить еще какие-либо невыгодные для него действия — например, продать квартиру и т. д. А тем жертвам, которые пошли на избирательные участки с зеленой, йодом, «коктейлем Молотова», мошенники даже обещали вернуть похищенные денежные средства.

В ходе допроса потерпевшие от такого мошенничества все как один утверждают, что в отношении них был применен какой-то невероятный супергипноз. На самом деле обман мошенников основан на самых примитивных человеческих свойствах: жадность, подверженность панике, склонность принимать поспешные, необдуманные решения.

Готовясь к совершению дистанционного мошенничества, преступники тщательно изучают личность потенциальной жертвы. Безусловно, в рас-

¹ Кто стоит за «ИТ-армией Украины»? Совбез России сообщает. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2024/03/05/kto-stoit-za-it-armiey-ukrainy-sovbez-rossii-dal-rasklad> (дата обращения: 25.04.2024).

поряжении мошенников есть базы данных: списки клиентов операторов мобильной связи, банков, онлайн-магазинов.

Мошенники также анализируют социальные сети, где можно получить информацию о друзьях, родственниках, марке автомобиля, сведения о том, где человек провел свой отпуск, чем болеет, как зовут его детей и т. д. Помимо этого, анализу подлежат покупки, совершенные посредством онлайн-сервисов. Например, склонен ли человек к приобретению ненужных товаров по бросовым ценам? Такой легкомысленный и неустойчивый человек — уже практически готовая потенциальная жертва мошенников.

Допрошенная в качестве потерпевшей В. пояснила, что голос в телефоне был полностью идентичен голосу ее сына. Она рассказывала про то-нальность, идентификационные признаки голоса. И только позже она вспомнила, что у нее вообще нет сына, а есть только дочь¹. Таким образом, можно говорить о том, что жертвы сами впадают в состояние какого-то поразительного самонаведенного гипноза.

После освобождения Вооруженными силами России города Бердянска Запорожской области в нем был обнаружен колл-центр, брошенный со всем оборудованием при поспешном бегстве преступников. Специалисты смогли разблокировать компьютеры, на которых работали мошенники. В памяти компьютеров были обнаружены базы данных клиентов сервиса «ЯндексЕда», торговой сети «Красное&Белое», почтовой службы СДЭК², а также нескольких российских банков³. Именно этим и объясняется та «поразительная осведомленность», «удивительная прозорливость» операторов, о которой все потерпевшие впоследствии говорят на допросе следователю.

Так, потерпевшая К. пояснила, что мошенник «даже знал, как зовут моего сына и какой у него государственный номер автомобиля». На самом

деле К. в одной из социальных сетей на своей странице сама разместила фотографию ее сына вместе с его автомобилем⁴.

В ходе обзвона потенциальных жертв преступники демонстрируют свою осведомленность о номере их банковских карт, остатке денежных средств на счетах. Эти сведения становятся известны мошенникам, так как они применяют шпионские программы, подмену телефонных номеров, что позволяет им получать автоматические отчеты из банков потенциальных жертв.

Анализируя работу колл-центра в Бердянске, можно сделать вывод, что в России все-таки подавляющее большинство граждан являются здравомыслящими людьми, способными не поддаваться панике и контролировать свои действия. Этот факт подтверждается данными статистики. Мошенниками было осуществлено 365 тыс. звонков: 49 тыс. разговоров длились более одной минуты, и только 3,8 тыс. разговоров длились более 10 минут — это и есть те, кто стал жертвой дистанционного мошенничества (примерно 1 % от общего числа вызовов)⁵.

Учитывая специфику новых форм дистанционного мошенничества, большое внимание следует уделять и виктимологической профилактике.

Оперативным сотрудникам, участковым уполномоченным полиции, как нам представляется, нужно в целях профилактики дистанционных мошенничеств, учитывая современные реалии, распространять листовки, иными способами доводить до граждан определенный алгоритм действий, а именно:

- не отвечать на телефонные звонки с незнакомых номеров;

- при звонке мошенников целесообразно лично посетить банк или дождаться, пока родственник вернется домой. Психологи советуют просто взять паузу и обдумать свои действия и полученную информацию;

- не передавать по телефону и в мессенджерах никаких личных данных;

- заблокировать банковские операции для доверчивых пожилых родственников и родителей, чтобы они могли осуществлять их только до определенного лимита;

- обращать внимание на электронные письма и сообщения; не открывать подозрительные вложения, не переходить по подозрительным ссылкам;

¹ Материалы следственной практики СЧ ГСУ ГУ МВД России по Волгоградской области.

² СДЭК (СДЕК) — это крупная транспортная компания, которая занимается логистикой, а название расшифровывается как «Служба Доставки Экспресс Курьером». Основным ее преимуществом является возможность быстрой доставки посылок, грузов и документов по всей России. URL: <https://cdek.me/chto-takoe-cdek> (дата обращения: 26.03.2024).

³ Российские военные обнаружили колл-центр мошенников в Бердянске. URL: https://herson.tsargrad.tv/news/rossijskie-voennye-obnaruzhili-koll-centr-moshennikov-v-berdjanske_531258 (дата обращения: 26.03.2024).

⁴ Анатомия мошенничества...

⁵ Там же.

— использовать надежные пароли и двухфакторную аутентификацию. Кроме этого, пароли для каждого аккаунта необходимо периодически изменять;

— проявлять осторожность на публичных Wi-Fi-точках доступа. Кибермошенники могут перехватить передаваемую информацию на незащищенных сетях. В целях шифрования трафика и надежной передачи данных целесообразно использовать VPN-подключения;

— обновлять программное обеспечение на всех имеющихся устройствах — обновления часто содержат исправления уязвимостей в системе безопасности;

— не распространять персональные данные в онлайн-формах и на социальных платформах. Установить ограничения для доступа к личной информации, всегда проверять настройки конфиденциальности;

— внимательно проверять платежные письма и выписки по банковским счетам. В случае обнаружения подозрительных операций немедленно связаться с банком или сервисом платежей для блокирования доступа.

Представляется, что предупреждение дистанционных мошенничеств будет более результативным, если профилактические мероприятия будут проводить не только сотрудники полиции, но и иные государственные и общественные организации, средства массовой информации. В то же время граждане, имеющие пожилых родителей, иных родственников, могут самостоятельно информиро-

вать о вышеуказанном алгоритме действий для того, чтобы их родственники не стали жертвой мошенничества.

Рассматривая профилактическую работу, проводимую средствами массовой информации, необходимо отметить, что, например, департаментом средств массовой информации Москвы и Правительством Вологодской области во взаимодействии с Управлением по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий запущена масштабная профилактическая кампания, направленная на информирование граждан о правилах поведения при попытках совершения в отношении них мошенничества¹. В этих целях в указанных городах устанавливают информационные баннеры, на которых до сведения граждан доводится информация о том, как нужно себя вести, чтобы не стать жертвой мошенничества. К данной кампании планируют присоединиться и другие города Российской Федерации.

Подводя итог сказанному, подчеркнем, что обозначенные в статье вопросы в сфере предупреждения дистанционных мошенничеств не являются исчерпывающими. Но оперативные меры виктимологического предупреждения указанной категории преступлений, направленные на все слои населения, могут оказать помощь в предупреждении, а впоследствии и в сокращении числа совершаемых дистанционных мошенничеств.

¹ Вестник киберполиции России. Официальный телеграм-канал Управления по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий МВД России. URL: <https://мвд.рф/mvd/structure1/Upravlenija/yubk> (дата обращения: 12.04.2024).

Сычева Анна Викторовна,

доцент кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
anna002@yandex.ru

Sycheva Anna Victorovna,

associate professor at the department
of criminalistics of the educational
and scientific complex for preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
anna002@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 07.09.2024; одобрена после рецензирования 17.09.2024; принята к публикации 14.11.2024.

The article was submitted 07.09.2024; approved after reviewing 17.09.2024; accepted for publication 14.11.2024.

* * *

УДК 341.4

**ПРЕСТУПНОЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ
БИОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ЧЕЛОВЕКА
ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ
СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА И ИНЫХ МЕТОДОВ
ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Маргарита Александровна Хомякова

Уральский государственный аграрный университет, Оренбургский государственный университет,
Екатеринбург, Россия, homyakovama@mail.ru

Аннотация. Автор исследования акцентирует внимание на том, что в настоящее время особую актуальность приобрели отношения, предметом которых выступает биологический материал человека. Это касается и отношений в сфере вспомогательных репродуктивных технологий в целом и суррогатного материнства в частности. В статье говорится о том, что такие отношения нуждаются в правовом регулировании, в том числе в рамках уголовного закона.

Приводятся примеры из практики, анализ которой показал, что с 2020 г. в Российской Федерации возбуждаются уголовные дела относительно незаконного криминального материнства, и такие дела часто носят международный характер. Несмотря на то что сегодня подобные преступления квалифицируются как купля-продажа несовершеннолетнего, автор говорит о перспективах криминализации незаконного суррогатного материнства и приводит мнения ученых, придерживающихся аналогичной точки зрения.

Поднимается вопрос о перспективах контроля перемещения биологического материала человека через границу Российской Федерации в целях предупреждения криминального суррогатного материнства и иных незаконных способов вспомогательных репродуктивных технологий. С учетом этого предлагается ввести уголовное наказание за контрабанду биологического материала человека, расширив перечень предметов, перевоз которых через границу считается незаконным и влечет за собой уголовное наказание.

Признавая тот факт, что борьба с незаконным международным суррогатным материнством ведется в Российской Федерации на федеральном уровне, автор говорит о необходимости такого противодействия и в рамках международного законодательства.

Ключевые слова: суррогатное материнство, вспомогательные репродуктивные технологии, купля-продажа человека, контрабанда, биологический материал человека, органы и ткани человека, криминализация

Для цитирования: Хомякова М. А. Преступное транснациональное перемещение биологического материала человека для проведения процедуры суррогатного материнства и иных методов вспомогательных репродуктивных технологий // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 4 (71). С. 39—44.

**CRIMINAL TRANSNATIONAL MOVEMENT
OF HUMAN BIOLOGICAL MATERIAL
FOR PROCEDURE OF SURROGACY AND OTHER METHODS
OF SUPPORT REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES**

Margarita Alexandrovna Khomyakova

Ural State Agrarian University, Yekaterinburg, Russia
Orenburg State University, Orenburg, Russia
homyakovama@mail.ru

Abstract. The author of the given article pays attention that today the issues related to human biological material are said to be very topical ones. This fact applies to the sphere related to support reproductive technologies in general and surrogacy in particular. The article deals with the mentioned problems require to be regulated in a legal way and within the bounds of criminal law.

The author of the article gives the examples from practice the analysis of which showed that in the Russian Federation since 2020 criminal cases related to illegal criminal surrogacy have been initiated and such cases are often of an international nature. Despite the fact that today such crimes are classified as "purchase-and-sale" of a minor, the author of the article examines the prospects for criminalizing illegal surrogacy as well as cites the opinions of the scientists who keep a similar point of view.

The question concerning the prospects for movement control of human biological material through the border of the Russian Federation is raised in order to prevent criminal surrogacy and other illegal methods of assistive reproductive technologies. Knowing that, it is proposed to criminalize the smuggling of human biological material by expanding the list of subjects, the transportation of which through the border is considered illegal and carries out criminal punishment.

Taking into consideration the fact that the Russian Federation fights against illegal international surrogacy at the federal level, the author proves the necessity of such counteraction within the context of international legislation.

Keywords: surrogacy, assistive reproductive technologies, sale and purchase of a human being, smuggling, human biological material, human organs and tissues, criminalization

For citation: Khomyakova M. A. Criminal transnational movement of human biological material for procedure of surrogacy and other methods of support reproductive technologies. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 39—44, 2024. (In Russ.)

В настоящее время в мире активно развиваются отношения, предметом которых является биологический материал человека (далее — БМЧ) [1—4]. Это связано с развитием медицины в XX в.: в начале прошлого столетия впервые была успешно проведена операция по трансплантации. Отметим, что эту операцию провел советский хирург Ю. В. Вороной в 1920-х гг., и именно она ознаменовала важную веху в сфере трансплантации как в отечественной медицине, так и во всем мировом сообществе [5]. В процессе развития отношений, предметом которых стал БМЧ, стало понятно, что, как и всякие отношения, они нуждаются в правовом регулировании в целом [6—8] и в уголовно-правовой защите в частности [9—11].

Суррогатное материнство (далее — СМ), как и прочие методы вспомогательных репродуктивных технологий (далее — ВРТ), нуждается в правовом регулировании, в том числе в рамках уголовного права. СМ и прочие методы ВРТ представляют, на наш взгляд, особую ценность, поскольку тесно связаны с отношениями в сфере материнства и детства, которые в нашем государстве (впрочем, как и во всем мире) особо тщательно охраняются законом [12—13]. В литературе приводится мнение российского Уполномоченного по правам ребенка, согласно которому ребенок в случае незаконного СМ выступает в роли предмета сделки, что противоречит законодательству [14]. Это послужило еще одним стимулом развивать нормы российского права, включая уголовное законодательство, регулирующие отношения в сфере СМ.

В 2020 г. Российская Федерация стала первой страной в мире, где было возбуждено уголовное

дело по факту незаконного СМ [15]: в этот год в Москве и Красноярске были обнаружены дети, рожденные в результате незаконного СМ для биологических родителей — иностранных граждан. Поскольку договор о СМ в этих случаях не был оформлен официально, родившиеся младенцы считались родными детьми для выносивших их суррогатных матерей в соответствии с семейным законодательством Российской Федерации. И уже родные по закону матери, руководствуясь указаниями организаторов незаконного СМ, планировали передать новорожденных иностранным гражданам за денежное вознаграждение (несмотря на то что эти иностранные граждане биологические родители детей, юридически они посторонние детям люди, готовые заплатить за передачу им младенцев, рожденных на территории Российской Федерации в результате незаконного СМ). Данное деяние было квалифицировано по ст. 127.1 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ), т. е. как купля-продажа человека, однако после выявления таких случаев криминального материнства в российском научном правовом сообществе стал подниматься вопрос о криминализации незаконного СМ [16—18]. Мы придерживаемся позиции о том, что криминализация незаконного СМ возможна [19], поскольку такие нововведения в уголовном законодательстве помогут установить наказание именно за незаконное СМ, а также позволит повлиять на снижение незаконных применений методов ВРТ в целом [20]. Криминализация незаконного СМ позволит предупредить ряд преступлений, потерпевшими от которых являются дети — будущее

нашего социума. Кроме того, криминализация незаконного СМ, на наш взгляд, позволит разграничить преступное СМ от легального, которое несет благую цель — рождение ребенка у людей, которые не могут этого сделать в силу бесплодия (невозможности зачать, выносить и родить родного ребенка ввиду особенностей здоровья) [21].

Для оплодотворения суррогатных матерей, находящихся на территории России, из-за рубежа были ввезены половые клетки генетических родителей. Отсутствие контроля за поступившим БМЧ привело к совершению нескольких эпизодов преступной деятельности, связанной с СМ. При ввозе БМЧ в Россию мы предлагаем его декларировать и фиксировать цель его ввоза (цели ВРТ, если второй родитель россиянин; научные цели и т. д.). После этого предоставлять отчет об использовании ввезенного на территорию России БМЧ.

Приведенные выше примеры показали, что выявленные на сегодняшний момент случаи незаконного СМ, которые стали основанием для возбуждения уголовных дел, носят международный характер, что привело к внесению изменений в медицинское законодательство Российской Федерации. В декабре 2022 г. были уточнены критерии законности СМ в нашем государстве (п. 11 ст. 55; п. 10 ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ). Проанализировав законодательство, мы пришли к выводу о том, что для признания СМ легальным гражданами Российской Федерации должны быть суррогатная мать и хотя бы один из генетических родителей. Как показывает практика, незаконное СМ в Российской Федерации уголовно наказуемо, а СМ, где оба генетических родителя и / или суррогатная мать — иностранные граждане, является незаконным. Таким образом, ввоз на территорию России половых клеток иностранцев может привести к зачатию ребенка путем ВРТ, обоими генетическими родителями которого будут иностранные граждане. Если этот ребенок будет выношен и рожден на территории Российской Федерации суррогатной матерью, то такое СМ будет признано нелегальным, что подтверждает наш тезис о возможности введения контроля за поступающим на территорию России БМЧ.

Если с незаконным СМ в Российской Федерации ведется борьба на национальном уровне, то вопрос с преступными методами ВРТ в трансграничном пространстве остается открытым, что демонстрируют примеры из практики.

В январе 2024 г. россиянку Светлану М. задержали в аэропорту Владикавказа при попытке нелегального провоза в Грузию семи пробирок с донорскими яйцеклетками¹. Задержанная объяснила, что пыталась вывезти за пределы Российской Федерации ооциты, чтобы забеременеть в Грузии с помощью ВРТ. В соответствии с текстом Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 апреля 2015 г. № 30 для трансграничной перевозки БМЧ (в том числе для половых клеток) необходимо получить лицензию. У Светланы М. этой лицензии не оказалось, законность попытки транспортировки ею БМЧ за границу она доказать не смогла, ссылаясь на незнание того, что вывоз такого товара должен быть лицензирован.

Несмотря на то что средства массовой информации пишут о возможности квалификации деяний Светланы М. как контрабанды², на наш взгляд, это сомнительно, поскольку такое преступление на данный момент в Российской Федерации наказывается по ст. 226.1 УК РФ «Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, иного вооружения, иной военной техники, а также сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации или результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании вооружения или военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей либо особо ценных диких животных, водных биологических ресурсов, растений и грибов» и 229.1 УК РФ «Контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих нарко-

¹ Во Владикавказе таможенники задержали россиянку, пытавшуюся вывезти в Грузию пробирки с яйцеклетками без документов. URL: <https://runews24.ru/vladikavkaz/16/01/2024/vo-vladikavkaze-tamozhenniki-zaderzhali-rossiyanku-pytavshuyusya-vyivezti-v-gruziyu-probirki-s-yajczekletkami-bez-dokumentov> (дата обращения: 27.01.2024).

² Во Владикавказе таможенники задержали россиянку, пытавшуюся вывезти в Грузию пробирки с яйцеклетками без документов; Задержана женщина на таможне во Владикавказе: попытка вывезти яйцеклетки обошлась ей в 2,5 миллиона рублей. URL: https://rumafia.io/news/10825-zaderhana_henchchina_na_tamohne_vo_vladikavkaze_popytku_vyvezti_jajtsekletki_oboshlasj_ej_v_25_milliona_rublej (дата обращения: 27.01.2024).

тические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ».

Яйцеклетки, как и прочий БМЧ, явно не наркотические средства, поэтому квалификация деяний Светланы М. по ст. 229.1 УК РФ, очевидно, невозможна.

Что касается ст. 226.1 УК РФ, то данная норма является бланкетной, она отсылает правоприменителя к другим нормативным актам, раскрывающим предмет преступления, а именно к Постановлению Правительства Российской Федерации «Об утверждении перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об определении видов стратегически важных товаров и ресурсов, для которых крупным размером признается стоимость, превышающая 100 тыс. рублей» от 13 сентября 2012 г. № 923 и приложениям к нему. Анализ этих норм показал, что БМЧ в целом (и половые клетки для ВРТ в частности) не относятся к предмету преступления, наказание за которое предусмотрено ст. 226.1 УК РФ. Соответственно, незаконный ввоз и вывоз БМЧ в России не является контрабандой и не может быть уголовно наказуем. Принимая во внимание изложенное и тот факт, что в настоящий момент в России ведется борьба с незаконным СМ и прочими методами незаконных ВРТ, мы предлагаем внести изменения в Постановление Правительства Российской Федерации от 13 сентября 2012 г. № 923 и отнести к стратегически важным ресурсам, за нелегальный ввоз и вывоз которых следует уголовное наказание, биологический материал человека.

Именно незаконная трансграничная транспортировка БМЧ может стать причиной незаконного СМ и иных нелегальных методов ВРТ, и установление уголовной ответственности за такую перевозку позволит нивелировать случаи криминального применения ВРТ, включая СМ.

Подводя итоги исследования, сформулируем следующие выводы.

1. Криминализация незаконного СМ является перспективной ввиду складывающейся практики, поэтому мы предлагаем внести соответствующую статью в УК РФ, устанавливающую уголовное наказание за преступления в сфере СМ. Диспозицию данной нормы предлагаем определить как «незаконное суррогатное материнство». Данная статья предполагается как бланкетная, поскольку критерии законности СМ определены в медицинском и семейном законодательстве Российской Федерации.

2. Для предупреждения случаев незаконного применения ВРТ мы предлагаем ввести норму по регистрации ввозимого на территорию России БМЧ и отслеживания его дальнейшей судьбы. Регистрация ввозимого БМЧ, на наш взгляд, коррелирует с хранением биометрических данных, и эти данные, как мы полагаем, должны быть переданы в Единую биометрическую систему в соответствии с нормами Постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Положения о единой биометрической системе, в том числе о ее региональных сегментах, и о признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 16 июня 2022 г. № 1089» от 31 мая 2023 г. № 883.

3. В превентивных целях нелегального ввоза и вывоза БМЧ в Российской Федерации предлагаем внести БМЧ в список стратегически важных ресурсов (для этого мы предлагаем внести изменения в Постановление Правительства Российской Федерации от 13 сентября 2012 г. № 923, а именно ввести новый пункт в список стратегически важных ресурсов), в результате чего нелегальный ввоз и вывоз БМЧ можно будет квалифицировать как контрабанду в соответствии со ст. 226.1 УК РФ и назначать соответствующее уголовное наказание за совершение таких деяний.

1. Современное биомедицинское право: учебник / А. В. Александрова, Л. Н. Берг, М. А. Болков [и др.]. Москва: Проспект, 2023. 480 с.

2. Пестрикова А. А., Сморгчова Л. Н. Особенности институтов информированного согласия и права собственности при правовом регулировании отношений, связанных с биологическим материалом человека // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 110—120.

1. Alexandrova A. V., Berg L. N., Bolkov M. A. (et al.). Modern biomedical law. Textbook. Moscow: Prospect; 2023: 480. (In Russ.).

2. Pestrikova A. A., Smorchkova L. N. Features of the institutions of informed consent and property rights in the legal regulation of relations related to human biological material. Topical problems of Russian law, 110—120, 2022. (In Russ.).

3. Богданова Е. Е. О правах на биоматериал человека // Гражданское право. 2019. № 4. С. 28—32.
4. Хомякова М. А. Целесообразность использования понятия «биологический материал» в уголовном законодательстве Российской Федерации // Современное право. 2023. № 3. С. 115—117.
5. История отечественной трансплантологии, приоритеты и особенности развития / А. Ш. Хубутия, С. А. Кабанова, S. S. Ismoilov [и др.] // Трансплантология. 2011. № 1. С. 52—55.
6. Чернусь Н. Ю., Цихоцкий А. В. Гражданско-правовой режим биологического материала человека // Российский юридический журнал. 2019. № 1. С. 81—87.
7. Малеина М. Н. Договор криоконсервации и хранения биологического материала человека в персональном биобанке // Журнал российского права. 2021. № 4. С. 71—82.
8. Крылатова И. Ю. Значение конституционной категории достоинства личности в биоэтике и медицине // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 10 (143). С. 46—53.
9. Евдокимов В. Б., Хомякова М. А. Уголовно-правовая защита прав человека в сфере трансплантации органов и тканей // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 1. С. 48—57.
10. Кобец П. Н. Законодательные основы государств — членов Европейского союза в сфере правового регулирования борьбы с незаконной трансплантацией органов и тканей человека // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2023. № 2 (60). С. 7—13.
11. Шавловская В. В. К вопросу о международно-правовой обоснованности криминализации торговли органами и тканями человека // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 8 (97). С. 105—109.
12. Волосова Н. Ю., Баловнева В. И., Шмелева Е. С. Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав: проблемные вопросы // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15, № 3. С. 152—156.
13. Волосова Н. Ю., Баловнева В. И. Современное состояние профилактики и предупреждения семейного (домашнего) насилия в отношении детей в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 2А. С. 341—348.
14. Тригуб П. В. Суррогатное материнство: добродетель или преступление? // Cognitio Rerum. 2021. № 11. С. 38—41.
3. Bogdanova Ye. Ye. On the rights to human biomaterial. Civil law, 28—32, 2019. (In Russ.).
4. Khomyakova M. A. Expediency of using the term "Biological Material" in the Criminal Legislation of the Russian Federation. Modern law, 115—117. 2023. (In Russ.).
5. Khubutia A. Sh., Kabanova S. A., Ismoilov S. S. (et al.). History of domestic transplantology, priorities and features of development. Transplantology, 52—55, 2011. (In Russ.).
6. Chernus N. Yu., Tsikhotsky A. V. Civil law regime of human biological material. Russian law journal, 81—87, 2019. (In Russ.).
7. Maleina M. N. Agreement on cryopreservation and storage of human biological material in a personal biobank. Journal of Russian law, 71—82, 2021. (In Russ.).
8. Krylatova I. Yu. Significance of constitutional category related to personal dignity in bioethics and medicine. Topical problems of Russian Law, 46—53, 2022. (In Russ.).
9. Yevdokimov V. B., Khomyakova M. A. Criminal-legal protection of human rights in the field of organs and tissues transplantation. Russian law: education, practice, science, 48—57, 2021. (In Russ.).
10. Kobets P. N. Legislative foundations of the member states of the European Union in the sphere of legal regulation of the fight against illegal transplantation of human organs and tissues. Journal of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, 7—13, 2023. (In Russ.).
11. Shavlovskaya V. V. On the issue of international legal validity of criminalization of trafficking of human organs and tissues. Society: politics, economics, law, 105—109, 2021. (In Russ.).
12. Volosova N. Yu., Balovneva V. I., Shmeleva Ye. S. Commissions for juvenile affairs and protection of their rights: problematic issues. Gaps in Russian legislation, 152—156, 2022. (In Russ.).
13. Volosova N. Yu., Balovneva V. I. The current state to prevent family (domestic) violence against children in the Russian Federation. Issues of Russian and international law, 341—348, 2022. (In Russ.).
14. Trigub P. V. Surrogate motherhood: a virtue or a crime? Cognitio Rerum, 38—41, 2021. (In Russ.).
15. Trunov I. L., Aivar L. K. Corpus Delicti (body of the crime) in matters of surrogate motherhood: Russian and foreign practice. Journal of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. International Law, 35—50, 2021. (In Russ.).

15. Трунов И. Л., Айвар Л. К. Состав преступления в вопросах суррогатного материнства: российская и зарубежная практика // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. 2021. № 1 (12). С. 35—50.

16. Богдан В. В., Урда М. Н. Суррогатное материнство & торговля людьми: межотраслевой конфликт // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 4. С. 628—657.

17. Чукреев В. А. Уголовно-правовая охрана человека от посягательств на его анатомические и физиологические свойства: монография. Москва: Прометей, 2022. 212 с.

18. Долголенко Т. В., Мельникова Т. В., Рычкова Н. Ю. Суррогатное материнство и закон // Российский следователь. 2023. № 7. С. 39—43.

19. Хомякова М. А. Перспективы криминализации незаконного суррогатного материнства // Современное право. 2023. № 7. С. 104—106.

20. Харламов В. С. Теория и практика противодействия преступному насилию в семье (системное криминологическое и уголовно-правовое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2019. 43 с.

21. Буркина О. А., Лучникова К. А. Суррогатное материнство: вопросы квалификации // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13, № 3. С. 185—189.

16. Bogdan V. V., Urda M. N. Surrogate motherhood & human trafficking: inter-sectoral conflict. Journal of the Perm University. Legal Sciences, 628—657, 2022. (In Russ.).

17. Chukreyev V. A. Criminal-legal protection of a person from encroachments on his anatomical and physiological properties. Monograph. Moscow: Prometheus; 2022: 212. (In Russ.).

18. Dolgolenko T. V., Melnikova T. V., Rychkova N. Yu. Surrogate motherhood and law. Russian investigator, 39—43, 2023. (In Russ.).

19. Khomyakova M. A. Prospects of criminalization of illegal surrogate motherhood. Modern law, 104—106, 2023. (In Russ.).

20. Kharlamov V. S. Theory and practice to counteract criminal violence in the family (systematic criminological and criminal-legal research). Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Saint Petersburg; 2019: 43. (In Russ.).

21. Burkina O. A., Luchnikova K. A. Surrogate motherhood: issues of qualification. Gaps in Russian legislation, 185—189, 2020. (In Russ.).

Хомякова Маргарита Александровна,
научный сотрудник Уральского
государственного аграрного университета,
соискатель кафедры уголовного права
Оренбургского государственного университета;
homyakovama@mail.ru

Khomyakova Margarita Alexandrovna,
researcher of the Ural State
Agrarian University (Yekaterinburg),
applicant at the department of criminal law
of the Orenburg State University;
homyakovama@mail.ru

Статья поступила в редакцию 01.09.2024; одобрена после рецензирования 09.09.2024; принята к публикации 14.11.2024.

The article was submitted 01.09.2024; approved after reviewing 09.09.2024; accepted for publication 14.11.2024.

* * *

УДК 341.4

**РОЛЬ НАДНАЦИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ
В МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ****Оксана Сергеевна Колосович**

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, 1019810198@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье представлены результаты исследования правовой регламентации деятельности наднациональных органов, имеющих ключевое значение для обеспечения безопасности Европейского союза и осуществления международного сотрудничества (Евроюста, Европола, Европейской прокуратуры). Перечисленные наднациональные органы реализуют компетенцию, главным образом посредством координации деятельности национальных правоохранительных органов, обмена данными и взаимодействия друг с другом по вопросам расследования и судебного преследования по трансграничным преступлениям. В то же время прослеживается тенденция сохранения компетенции национальных уполномоченных органов. Наднациональными органами в государствах — участниках Европейского союза осуществляется деятельность в соответствии с национальным законодательством, с согласия национальных компетентных органов и во взаимодействии с ними. Анализ правового регулирования деятельности Евроюста, Европола, Европейской прокуратуры обусловил внимание к синхронному расширению полномочий наднациональных органов Европейского союза и позволил определить ключевое значение этих органов в ходе международного сотрудничества по уголовным делам государств — участников Европейского союза. Заключение оперативных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам с указанными органами способствует большей эффективности сотрудничества с любым государством — участником Европейского союза. Вместе с тем между российской стороной и данными наднациональными органами оперативные соглашения не заключены, что свидетельствует об отсутствии правовой основы для сотрудничества в полном объеме.

Европейский опыт правового регулирования деятельности наднациональных органов, по мнению автора, будет успешно использоваться в российском уголовно-процессуальном законодательстве и поможет в создании подобных организаций, в состав которых будут входить дружественные России государства постсоветского пространства, БРИКС, ШОС и др. Представляют интерес и европейские нормы обмена данными, передачи электронных доказательств, деятельности совместных следственных групп и др.

Ключевые слова: международное сотрудничество по уголовным делам, наднациональные органы Евросоюза, Европол, Евроюст, Европейская прокуратура

Для цитирования: Колосович О. С. Роль наднациональных органов в международном сотрудничестве по уголовным делам // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 4 (71). С. 45—52.

**THE ROLE OF SUPRANATIONAL INSTITUTIONS
IN CRIME INTERNATIONAL COOPERATION****Oksana Sergeevna Kolosovich**

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, 1019810198@mail.ru

Abstract. This article studies the legal regulation of the activities of supranational institutions playing a critical role in ensuring the security of the European Union and implementing international cooperation (Eurojust, Europol, the European Public Prosecutor's Office). These supranational institutions exercise their competence mainly through coordinating the activities of national law enforcement agencies, exchanging data and interacting with each other on matters of investigation and prosecution of cross-border crimes. At the same time, there is a tendency of preserving the competence of national competent authorities. Supranational institutions carry out activities in the Member States of the European Union in accordance with national legislation, with the consent and

in cooperation with national competent authorities. Based on the analysis of the legal regulation of the activities of Eurojust, Europol, the European Public Prosecutor's Office, the article draws attention to the synchronous expansion of the powers of the supranational institutions of the European Union and a conclusion is made that they are essential for the implementation of crime international cooperation by the Member States of the European Union. Concluding executive agreements on crime cooperation with the above institutions contributes to greater efficiency of international cooperation with any Member State of the European Union. At the same time, executive agreements have not been concluded between the Russian Federation and the above supranational institutions, what indicates the absence of a legal basis for implementing cooperation in full.

According to the author's opinion, the European experience of legal regulation of supranational institutions activities will help in creating similar organizations, which will include Russia-friendly states of the post-Soviet space, BRICS and SCO, etc., and will be successfully used in Russian criminal procedure legislation.

Of interest are also European norms on data exchange, transfer of electronic evidence, joint investigation teams, etc.

Keywords: crime international cooperation, supranational institutions of the European Union, Europol, Eurojust, European Public Prosecutor's Office

For citation: Kolosovich O. S. The role of supranational institutions in crime international cooperation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 45—52, 2024. (In Russ.)

Международное сотрудничество изначально предполагает участие не менее двух государств, поэтому правовыми основаниями для него служат международное право и национальное законодательство сотрудничающих государств независимо от сферы деятельности. Правовое регулирование иностранным законодателем международного сотрудничества представляет для российского исследователя и правоприменителя неподдельный интерес. Особое внимание привлекает правовое регулирование международного сотрудничества по уголовным делам ЕС, что связано со стремлением Российской Федерации к европейским стандартам на протяжении последних тридцати лет.

Интерес также обусловлен географической близостью государств — участников ЕС (далее — государства-участники) к Российской Федерации и наличием у России со многими из них общих границ, а также с неизбежностью тесного сотрудничества вне зависимости от сложившейся на сегодняшний момент политической обстановки в мире.

Кроме того, интерес к минимальным стандартам правового регулирования международного сотрудничества государствами-участниками обусловлен существованием в ЕС собственной правовой системы, ставшей «неотъемлемой частью правовых систем государств-участников...», системы, которая «непосредственно применяется во всех государствах-участниках»¹.

¹ Judgment of the Court of 15 July 1964. Flaminio Costa v E. N. E. L. Reference for a preliminary ruling: Giudice conciliatore di Milano — Italy. Case 6-64. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/?uri=CELEX%3A61964CJ0006&qid=1719656861414> (дата обращения: 12.02.2024).

Отметим, что с 28 февраля 1996 г. Российская Федерация стала участником Совета Европы² и взяла на себя обязательства по приведению внутреннего законодательства в соответствие европейским стандартам, и в первую очередь Европейской конвенции по правам человека 1950 г. Для совершенствования отечественного законодательства официальными ориентирами были объявлены европейские стандарты, а Россия в дальнейшем присоединилась к 60 основным международным актам, включая указанную конвенцию³.

Частью исполнения обязательств по приведению отечественного законодательства в соответствие европейским стандартам стало принятие в 2001 г. УПК РФ и внесение изменений в Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»⁴. Бесспорно, в современной России правовое регулирование международного сотрудничества по уголовным делам в целях его унификации также формировалось под влиянием стандартов ЕС [1, с. 96]. Поэтому понимание глубинного механизма

² Российская Федерация вышла из Совета Европы 16 марта 2022 г.

³ Россия в Совете Европы. РИА Новости. 28.02.2016. URL: <https://ria.ru/20160228/1380962220.html> (дата обращения: 13.02.2024).

⁴ Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации «О выполнении Россией обязательств, принятых при вступлении в Совет Европы». 2002. 28 с. URL: https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/documents/tematicheskie_sposobnye_doklady/docs/doc16.pdf (дата обращения: 13.02.2024). С. 7, 10, 28.

отечественного международного сотрудничества по уголовным делам государств-участников невозможно без понимания механизма международного сотрудничества ЕС.

В свою очередь ключевым элементом европейской правовой системы является принцип взаимного признания, зафиксированный в положениях о международном сотрудничестве ЕС по преступлениям трансграничного характера¹. Регулирование минимальных правил сотрудничества закрепляется в компетенции ЕС и осуществляется посредством принятия регламентов и директив (ст. 82 Договора о функционировании ЕС²).

Последовательно воплощение этой идеи выразилось, в том числе, в образовании европейских органов. А в правовых отношениях между государствами-участниками закрепились возможности продвинутого сотрудничества (ст. 20 Договора о ЕС³).

Не углубляясь в изучение данного вопроса, отметим, что продвинутое сотрудничество предполагает гибкую интеграцию механизма сотрудничества государств-участников и некоторых иных иностранных государств. Это вывело взаимоотношения государств-участников в рассматриваемой сфере на наднациональный уровень, при этом обеспечив баланс «между развитием интеграции и сохранением государственного суверенитета», первым примером которого служит Амстердамский договор 1997 г., закрепивший Шенгенские соглашения⁴, а затем — основание наднационального органа — Европейской прокуратуры. В основе продвинутого сотрудничества заложено взаимодействие государств и в то же время сохранение индивидуальности, возможности присоединения к такому сотрудничеству или ограниченного в нем участия [2, с. 17—20].

В Договоре о функционировании ЕС получили свое закрепление базовые положения о междуна-

родном сотрудничестве между судебными, прокурорскими и полицейскими органами, таможенными службами и специализированными правоохранительными органами по предотвращению, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений⁵.

Ключевая роль в вопросах взаимодействия по уголовным делам Договором о функционировании ЕС в разделе, касающемся сферы свободы, безопасности и правосудия, отведена Европолу (Europol), Евроюсту (Eurojust), Европейской прокуратуре (European Public Prosecutor's Office)⁶.

На Европол возложена миссия поддержки и укрепления действий полицейских органов государств-участников и других правоохранительных служб, а также их взаимного сотрудничества в предотвращении и борьбе с тяжкими преступлениями, затрагивающими два или большее число государств-участников, терроризмом и формами преступлений, затрагивающими общие интересы, подпадающие под действие политики Союза (п. 1 ст. 88 Договора о функционировании ЕС).

В соответствии с Регламентом № 2016/794⁷ Европол уполномочен осуществлять сбор, хранение, обработку, анализ информации и обмен ею, включая данные криминальной разведки; получать информацию о расследованиях, проводимых компетентными полицейскими органами государств-участников; координировать их усилия и оказывать экспертную, техническую, финансовую поддержку в операциях, во всех видах деятельности и расследованиях, проводимых совместно с компетентными органами государств-участников или в рамках совместных следственных групп; инициировать расследование и создание совместных

¹ Согласно п. 1 ст. 83 Договора о функционировании ЕС это следующие трансграничные преступления: терроризм, торговля людьми и сексуальная эксплуатация женщин и детей, незаконный оборот наркотиков, незаконный оборот оружия, отмывание денег, коррупция, подделка платежных средств, компьютерные преступления и организованная преступность.

² Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012E%2FTXT> (дата обращения: 12.12.2023).

³ Treaty on European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/treaty/teu/sign> (дата обращения: 13.02.2024).

⁴ Шенгенское соглашение 1985 г. и Конвенция о применении Шенгенского соглашения 1990 г.

⁵ Согласно п. 1 ст. 83 Договора о функционировании ЕС «К этим видам преступлений относятся: терроризм, торговля людьми и сексуальная эксплуатация женщин и детей, незаконный оборот наркотиков, незаконный оборот оружия, отмывание денег, коррупция, подделка платежных средств, компьютерные преступления и организованная преступность».

⁶ В дальнейшем для удобства будет применяться термин «наднациональные органы».

⁷ Regulation (EU) 2016/794 of the European Parliament and of the Council of 11 May 2016 on the European Union Agency for Law Enforcement Cooperation (Europol) and replacing and repealing Council Decisions 2009/371/JHA, 2009/934/JHA, 2009/935/JHA, 2009/936/JHA and 2009/968/JHA. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32016R0794&qid=1729980735938> (дата обращения: 15.07.2023). Здесь — Регламент № 2016/794.

следственных групп.

В то же время Европол не вправе самостоятельно проводить расследования или отдельные следственные мероприятия, включая мероприятия оперативного характера, применять меры принудительного характера. Условия участия Европола в совместной следственной группе устанавливаются соглашением о ее создании. При этом содействие может оказываться во всех видах деятельности, обмениваться информацией необходимо со всеми членами группы (п. 2 ст. 5 Регламента № 2016/794).

Обладая необходимыми техническими возможностями для анализа и обмена большими данными, Европол «выполняет функции центра экспертизы и обмена информацией для всех полицейских сил в Евросоюзе» [3, с. 9]. Информация Европолу предоставляется государствами-участниками, иными государствами, международными организациями, частными лицами или поступает из общедоступных источников (в т. ч. Интернета).

Применяя отечественную терминологию, можно назвать оперативно-разыскную деятельность сферой интересов Европола, в отличие от Евроюста, в прерогативе которого — процессуальная деятельность [4, с. 982].

Согласно п. 1 ст. 85 Договора о функционировании ЕС Евроюст объединяет усилия следственных и прокурорских органов государств-участников и оказывает помощь в расследовании и судебном преследовании по тяжким преступлениям, затрагивающим интересы двух и более государств-участников, а также в расследовании преступлений, касающихся одного государства-участника или третьего государства (государства, не являющегося членом ЕС), но затрагивающих интересы ЕС.

В соответствии с п. 1 ст. 2 Регламента № 2018/1727¹ помимо координации расследований и судебных разбирательств компетентные органы государств-участников и третьих государств вправе привлекать к уголовному делу государства-участников, выявлять связь между делами на основе информации, полученной от Европола, Европейского бюро по борьбе с мошенничеством, Евро-

пейской прокуратуры и национальных властей. Кроме того, названные органы вправе запрашивать у государств-участников проведение расследования или определенных процессуальных действий, инициировать создание совместных следственных групп, выносить заключение в случае возникновения между государствами-участниками спора по оказанию правовой помощи.

В то же время национальный прокурор Евроюста призван укреплять сотрудничество между национальными следственными и судебными органами государства-участника. Согласно ст. 8 Регламента № 2018/1727 государство-участник, с одной стороны, оказывает содействие в подаче или выполнении любого запроса о взаимной правовой помощи или взаимном признании, напрямую связывается с любыми компетентными органами государства-участника, органами ЕС, международными организациями и обменивается информацией с ними, участвует в создании и работе совместных следственных групп.

С другой стороны, с согласия компетентного национального органа и в соответствии с национальным законодательством, государство-участник вправе участвовать, выдавать или исполнять любой запрос о взаимной правовой помощи или взаимном признании, предписывать, запрашивать или применять меры в соответствии с европейским порядком расследования, не нарушая запрет на проведение процессуальных действий, предусмотренный п. 2 ст. 85 Договора о функционировании Европейского союза.

В отличие от Европола и Евроюста, Европейская прокуратура создавалась непосредственно для расследования, судебного преследования и привлечения к ответственности лиц, виновных в преступлениях против финансовых интересов ЕС и правонарушений, которые неразрывно связаны с ними, а при необходимости — в сотрудничестве с Европолом (п. 1 ст. 86 Договора о функционировании ЕС).

Реализация возложенной на Европейскую прокуратуру функции осуществляется в соответствии с Регламентом № 2017/1939², согласно которому на национальном уровне уполномоченный европейский прокурор обязан надзирать за расследованием преступления и судебным преследованием

¹ Regulation (EU) 2018/1727 of the European Parliament and of the Council of 14 November 2018 on the European Union Agency for Criminal Justice Cooperation (Eurojust), and replacing and repealing Council Decision 2002/187/JHA. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32018R1727&qid=1729937037121> (дата обращения: 15.07.2023).

² Council Regulation (EU) 2017/1939 of 12 October 2017 implementing enhanced cooperation on the establishment of the European Public Prosecutor's Office ('the EPPO'). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32017R1939&qid=1731814603198> (дата обращения: 29.06.2024). Здесь — Регламент № 2017/1939.

лиц, виновных по уголовным делам, находящимся в производстве национальных правоохранительных органов. Кроме того, на основании национального законодательства и предоставленной государством-участником юрисдикции уполномоченный европейский прокурор вправе начать расследование или отозвать уголовное дело, находящееся в производстве национального органа, самостоятельно проводить следственные мероприятия или поручать их проведение национальным правоохранительным органам.

Важным представляется тот факт, что уполномоченный европейский прокурор, проводя расследование трансграничного преступления, в случае необходимости может напрямую обратиться к уполномоченному прокурору государства-участника для производства последним необходимых следственных мер.

Обращает на себя внимание общее для наднациональных органов правило об осуществлении деятельности на территории государств-участников в рамках предоставленной государством юрисдикции или данного согласия и в порядке, установленном национальным законодательством. Закреплена возможность применения упрощенных процедур, предусмотренных национальным законодательством.

В соответствии с достигнутыми соглашениями сотрудники наднациональных органов могут напрямую взаимодействовать с национальными органами государств-участников, органами, бюро, агентствами ЕС¹, компетентными органами государств, не являющихся членами ЕС, международными организациями, частными лицами. В правовом регулировании деятельности наднациональных органов ЕС огромное значение придается обмену данными и работе совместных следственных групп. В связи с этим закреплена обязанность постоянного обмена данными между наднациональными органами.

Повышению эффективности международного сотрудничества, несомненно, способствует установление в национальном законодательстве правил сотрудничества между компетентными органами государств-участников и наднациональными

органами ЕС.

Примером может служить специальный Закон о международной правовой помощи по уголовным делам Федеративной Республики Германии², в котором содержатся положения об оказании правовой помощи наднациональным органам (§ 97а).

Несмотря на то что компетенция указанных наднациональных органов четко разделена, следует согласиться с тем, что характер деятельности Евроюста, Европола и Европейской прокуратуры позволяет выделить их в «относительно обособленную систему», способствующую обеспечению свободы, безопасности и правосудия ЕС [4, с. 977]. Видимо, этим объясняется закрепление обязанности указанных наднациональных органов постоянно взаимодействовать друг с другом и в связи с этим же отмечается синхронное расширение их полномочий.

Так, координационная деятельность и разработка инновационных подходов в обмене данными между компетентными органами государств-участников, а также между государствами-участниками и Европолом закреплена за последним (п. (3) преамбулы Регламента № 2022/991³).

В соответствии с Регламентом № 2022/838⁴ в 2022 г. полномочия Евроюста расширены за счет наделения компетенцией по созданию централизованного хранилища для хранения, анализа доказательств и обмена ими в отношении определенных категорий трансграничных преступлений⁵,

² Gesetz über die internationale Rechtshilfe in Strafsachen. URL: <https://dejure.org/gesetze/IRG> (дата обращения: 21.07.2024).

³ Regulation (EU) 2022/991 of the European Parliament and of the Council of 8 June 2022 amending Regulation (EU) 2016/794, as regards Europol's cooperation with private parties, the processing of personal data by Europol in support of criminal investigations, and Europol's role in research and innovation. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/991/oj> (дата обращения: 23.07.24). Здесь — Регламент № 2022/991.

⁴ Regulation (EU) 2022/838 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2022 amending Regulation (EU) 2018/1727 as regards the preservation, analysis and storage at Eurojust of evidence relating to genocide, crimes against humanity, war crimes and related criminal offences URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/838/oj> (дата обращения: 07.02.2024). Здесь — Регламент № 2022/838.

⁵ Речь идет о геноциде, преступлениях против человечности, военных преступлениях и связанных с ними преступлениях (п. (1) ст. 1 Регламента № 2022/838). URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/838/oj> (дата обращения: 07.02.2024).

¹ Например, взаимодействовать с Европейской прокуратурой (European Public Prosecutor's Office), Евроюстом (Eurojust), Европейским бюро по борьбе с мошенничеством (European Anti-Fraud Office), Агентством Европейского союза по кибербезопасности (The European Cybersecurity Union), подразделениями финансовой разведки (Financial Intelligence Units).

собранных наднациональными органами, представительствами и агентствами ЕС, международными органами или третьими сторонами, в целях обеспечения их доступности (с точки зрения допустимости и достоверности) для компетентных национальных и международных судебных органов.

В пункте 4 ст. 86 Договора о функционировании ЕС заложены возможности расширения полномочий Европейской прокуратуры за счет увеличения перечня трансграничных преступлений, входящих в ее компетенцию. Перспективы расширения полномочий Европейской прокуратуры стали объектом пристального внимания со стороны средств массовой информации¹.

В то же время наднациональные органы наделены правом сотрудничать с третьими государствами и международными организациями. Однако во взаимодействии с компетентными органами третьих государств закреплён принцип оказания правовой помощи только для достижения интересов ЕС.

Следует отметить, что между Российской Федерацией и указанными наднациональными органами оперативные соглашения не заключены.

Так, между Российской Федерацией и Евроюстом были начаты переговоры о заключении соглашения о сотрудничестве, однако последним — в одностороннем порядке — в мае 2014 г. переговоры были приостановлены².

Сотрудничество Европола с Россией осуществляется на основании общего двухстороннего международного соглашения с 2003 г. Однако установленные формы сотрудничества³ скорее указывают на взаимодействие в научно-технической сфере и сфере подготовки и обучения кадров, нежели на оказание практической правовой помощи в раскрытии и расследовании преступлений⁴.

¹ ЕС расширит полномочия прокуроров для борьбы с обходом санкций // Право.ru. 12.10.2022. URL: <https://pravo.ru/news/243346/> (дата обращения: 07.02.2024).

² Официальный сайт Постоянного представительства Российской Федерации при Европейском союзе и Евратоме. URL: https://russiaeu.mid.ru/ru/otnosheniya_rossiya_es/sfery_sotrudnichestva/pravovoe_sotrudnichestvo/ (дата обращения: 29.06.2024).

³ Соглашение о сотрудничестве между Российской Федерацией и Европоллом от 1 ноября 2003 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46163/ (дата обращения: 13.02.2024).

⁴ Согласно ст. 5 Соглашения о сотрудничестве между Российской Федерацией и Европоллом установлены следующие формы сотрудничества: а) обмен представ-

Кроме того, российского правоприменителя, как и европейского, в первую очередь интересует обмен данными и передача доказательств, имеющих в трансграничном расследовании решающее значение. По мнению ученых, этому, прежде всего, препятствует отсутствие между Россией и Европоллом оперативного соглашения [5, с. 26].

В то же время, учитывая сложившуюся сегодня политическую ситуацию в ЕС, проведение европейской операции «Оскар»⁵, перспектива заключения оперативных соглашений в ближайшее время представляется призрачной.

Тем не менее более тесное сотрудничество Российской Федерации с государствами-участниками ЕС и наднациональными органами ЕС неизбежно.

Возникает вопрос о возможности создания подобных наднациональных органов в СНГ. В настоящее время это представляется трудно реализуемым, в первую очередь, в связи с отсутствием единой правовой системы, как в ЕС.

На основании анализа полномочий Европола, Евроюста и Европейской прокуратуры можно прийти к следующим выводам:

1. В ЕС ключевая роль в вопросах международного сотрудничества по уголовным делам отведена наднациональным агентствам и органам (Европол, Евроюст, Европейская прокуратура).

2. Отсутствие между российской стороной и Европоллом, Евроюстом, Европейской прокуратурой оперативного соглашения свидетельствует об отсутствии правовой основы для осуществления сотрудничества в полном объеме.

ляющей взаимный интерес стратегической и технической информацией о формах, методах и средствах совершения преступлений, о каналах перевода денежных средств, полученных преступным путем; о новых формах и методах противодействия преступности, о центрах повышения квалификации кадров и др.; б) обмен опытом работы в правоохранительной сфере, в том числе проведение научно-практических конференций, стажировок, консультаций и семинаров; в) обмен нормативными правовыми актами, методическими пособиями, научно-технической литературой и другими материалами, касающимися правоохранительной деятельности; г) подготовка кадров.

⁵ 11.04.2022 Европоллом и Евроюстом начата операция «Оскар» для поддержки финансовых расследований в отношении активов, принадлежащих физическим и юридическим лицам, попавшим под санкции в связи с началом СВО // Новости РБК 12.04.2022. URL: <https://www.europol.europa.eu/media-press/newsroom/news/eu-wide-operation-targeting-criminal-assets-in-relation-to-russian-invasion-of-ukraine> (дата обращения: 15.07.2024).

3. Несмотря на то что совместная деятельность наднациональных органов ЕС с РФ практически прекращена, исследование опыта нормативного регулирования в этой сфере и практическая реализация установленных полномочий представляют интерес с перспективной возможностью создания подобных организаций с дружественными государствами.

4. Представляется, что для российского уголовно-процессуального законодательства следует признать положительным опыт европейского законодателя в применении процедуры обмена дан-

ными и передачи доказательств посредством информационных технологий, а также порядка создания совместных следственных групп и правового статуса их участников.

5. В связи с вышеизложенным давно назрела необходимость включения в часть 5 УПК РФ положений, касающихся процедуры непосредственного обмена данными с помощью информационных технологий, порядка запроса и использования электронных доказательств, порядка создания совместных следственно-оперативных групп и правового положения их участников.

1. Никитина И. Э. Сотрудничество европейских государств в сфере экспертно-криминалистической и оперативно-розыскной деятельности в рамках интеграционных и межправительственных объединений: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2017. 390 с.

2. Войников В. В. Продвинутое сотрудничество в рамках пространства свободы, безопасности и правосудия ЕС // Современная Европа. 2020. № 3. С. 16—27.

3. Потемкина О. Ю. Новый мандат Европола: между безопасностью и свободами граждан // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. № 6. С. 7—14.

4. Войников В. В., Энтин М. Л. Институциональная основа пространства внутренней безопасности Европейского союза // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13, вып. 4. С. 975—989.

5. Грибовская Н. Н. Международно-правовые основы организации и деятельности Европейской полицейской организации (Европол) и ее сотрудничество с правоохранительными органами Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007. 28 с.

1. Nikitina I. E. Cooperation of European states in forensic and detective activities within the framework of integration and intergovernmental associations. Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2017: 390. (In Russ).

2. Voynikov V. V. Enhanced cooperation within the framework of the EU Area of freedom, security and justice. Modern Europe, 16—27, 2020. (In Russ).

3. Potemkina O. Yu. New mandate of Europol: between security and freedoms of citizens. Scientific and analytical journal of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 7—14, 2021. (In Russ).

4. Voynikov V. V., Entin M. L. Institutional basis of the internal security space of the European Union. Vestnik of Saint Petersburg University. Law, 975—989, 2022. (In Russ).

5. Gribovskaya N. N. International legal foundations of the organization and activities of the European Police Organization (Europol) and its cooperation with law enforcement agencies of the Russian Federation. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2007: 28. (In Russ).

Колосович Оксана Сергеевна,

докторант научно-исследовательского отдела
Волгоградской академии МВД России;
1019810198@mail.ru

Kolosovich Oksana Sergeyevna,

postdoctoral student at the research department
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
1019810198@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.10.2024; одобрена после рецензирования 23.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.

The article was submitted 15.10.2024; approved after reviewing 23.10.2024; accepted for publication 14.11.2024.

* * *

УДК 343.13

**ОРДИНАРНЫЕ И ЭКСТРАОРДИНАРНЫЕ СУДЕБНЫЕ СТАДИИ
КАК ИНДИКАТОР ОТЕЧЕСТВЕННОГО ТИПА
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА****Анна Вячеславовна Ламтева**

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, oannes2007@mail.ru

Аннотация. С типологической точки зрения взгляды современных ученых и практиков на современное уголовное судопроизводство значительно различаются. Популярны две основные концепции: а) уголовный процесс является смешанным (в нем гармонично переплетаются розыскные и состязательные начала) и б) уголовный процесс является следственным. Автор, планомерно отстаивая первую точку зрения, высказывает несколько процессуальных соображений относительно корректировки содержания отдельных судебных стадий для добавления к облику современного уголовного судопроизводства большего количества состязательных черт. Ряд предложений касается апелляционного, кассационного и надзорного производства. В рамках апелляционного производства предлагается полностью пересматривать все уголовное дело по существу вне зависимости от объема содержания ходатайства, поступившего от заинтересованной стороны. В контексте кассации предлагаем отказаться от понятий «сплошная» и «выборочная». Кассационная жалоба всегда должна подаваться через суд первой инстанции, а затем вместе со всеми материалами уголовного дела передаваться в суд кассационной инстанции, предварительно изучаться одним из судей, который примет решение либо о наличии существенного нарушения свойства законности, либо о его отсутствии.

Ключевые слова: апелляция, кассация, ординарное производство, экстраординарные судебные стадии, тип, состязательность, уголовный процесс

Для цитирования: Ламтева А. В. Ординарные и экстраординарные судебные стадии как индикатор отечественного типа уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 4 (71). С. 53—61.

**ORDINARY AND EXTRAORDINARY COURT STAGES
AS AN INDICATION OF THE NATIONAL TYPE
OF CRIMINAL PROCEEDINGS****Anna Vyacheslavovna Lamteva**

Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Nizhniy Novgorod, Russia, oannes2007@mail.ru

Abstract. From a typological point of view, the contemporary researchers and experts' perspectives on modern criminal proceedings vary considerably. Two basic concepts are popular: a) the criminal proceedings are of mixed nature (they harmonize investigative and adversarial elements) and b) the criminal proceedings are of investigative nature. While consistently defending the first point of view, the author suggest several procedural considerations concerning the amendment of the content of particular court stages in order to add more adversarial features to the face of modern criminal proceedings. A number of proposals relate to appeal, cassation and supervisory proceedings. In the context of appeal proceedings, the author proposes to consider the essence of the criminal case in its entirety, regardless of the scope of the application content filled by the interested party. In the context of cassation, it is proposed to eliminate the concepts of "continuous" and "selective". The appeal is always to submit through the trial and then, with all criminal case materials, to the court of cassation instance; it must be examined beforehand by a judge, who will decide if there is a substantial violation of the rule of law or not.

Keywords: appeal, cassation, ordinary proceedings, extraordinary court stages, type, adversarial, criminal proceedings

For citation: Lamteva A. V. Ordinary and extraordinary court stages as an indication of the national type of criminal proceedings. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 53—61, 2024. (In Russ.)

Науке уголовного процесса и ее практическому воплощению известны различные типы уголовного процесса. Их совокупность составляет отечественный образ русского уголовного судопроизводства. Мы можем упомянуть обвинительно-состязательный тип с его разыскной процедурой «заклич — свод — гонение следа» и божественными ордалиями при невозможности устранения процессуальных сомнений с помощью доказательств, можем указать на следственный (разыскной или инквизиционный) тип процесса с опорой на «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» 1715 г. с его формальной системой оценки доказательств, когда лучшим доказательством всего света считалось признание обвиняемым своей вины, когда пытка была легальным средством проверки показаний как потерпевшего, так и подозреваемого, когда не было подробной регламентации процессуальных сроков ввиду того, что постижение объективной истины по каждому уголовному делу имело различный хронометраж. Принятие «Устава уголовного судопроизводства» 1864 г. окончательно перестроило уголовный процесс на демократические правовые рельсы, подозреваемый перестал быть объектом исследования, приобрел возможность защищаться и лично, и с помощью защитника, появились такие должностные лица, как судебные следователи, которые, как и следователи современные, посредством комплекса следственных действий должны были установить все элементы предмета доказывания в уже строго очерченные процессуальные сроки.

С греческого «тип» переводится как форма или образец. Полагаем, весь уголовный процесс с совокупностью доктринальных воззрений и легислативных положений является эталоном для совершенной уголовно-процессуальной деятельности, поскольку именно в ней «оживают» и воплощаются нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ, далее — УПК РФ). Уголовный процесс — это своего рода механизм для качественной борьбы с преступностью. Закономерным является то обстоятельство, что в каждой стране имеет место свой национальный и неповторимый тип — алгоритм действий, порядков и гарантий по борьбе с преступностью. Проведем небольшую аналогию. Человечество создало двигатель — это некая идея, позволяющая транспорту развивать большую ско-

рость и ехать самостоятельно. Затем появились его вариации — дизельный, бензиновый, паровой, асинхронный и др. Это уже типы. Так же и с юридическими дисциплинами. Уголовный процесс — это идеальная квинтэссенция юридических аксиом и постулатов. Доктор юридических наук, профессор А. В. Смирнов именует исходную идею архетипом, а воплощения этой идеи — обвинительный, разыскной, следственный, состязательный и другие типы. Это дробление обусловлено различиями в правовых семьях, историческим развитием общества и даже географическим положением. Любой национальный тип — саморазвивающаяся эмерджентная система, которая претерпевает коренные изменения, когда человечество вступает на новый уровень своего развития, когда кардинально перестраивается научная картина мира.

Тип аккумулирует в себе методологические, технологические и идеологические начала. Это не просто сумма уголовно-процессуальных положений, это совокупность достижений науки и техники, представлений о значимости и приоритете процессуальных гарантий, ценностей, взглядов на установление истины и избираемое наказание.

Уголовный процесс сегодня — это и целое, и в то же время половина более общей идеи. Уголовное право и процесс — вот та уникальная сумма концепций, норм и взглядов, которая обеспечивает раскрытие и расследование преступлений, а также разрешение уголовного дела по существу. Переплетение между собой этих двух отраслей — материальной и процессуальной, обладающих одной общей идеей и целью, — это тот самый идеальный ноумен, из которого могут эвентуально развиваться национальные типы уголовного судопроизводства. Сегодня же имеет место разделение фундаментальной идеи на две составляющие. Полагаем, что уголовно-процессуальное право должно стать чем-то большим, сам кодекс должен быть единым и аккумулировать положения сначала материального, а затем и процессуального права. Именно такой взгляд на уголовное судопроизводство позволит по-новому взглянуть на проблему, связанную с обилием процессуальных типов, их структурированием, и поможет разглядеть дальнейший вектор развития самой строгой отрасли права.

При небольшом обобщении можно высказать гипотезу о том, что с 1864 г. отечественный уго-

ловный процесс кардинально больше не трансформировался, и все имеющиеся сегодня современные новшества (сокращенное дознание; уменьшение количества присяжных заседателей до шести человек в районном суде и до восьми человек в суде субъекта; идеи о сплошной и выборочной кассации; мысли о том, что только состоявшаяся апелляция является залогом сплошной (обязательной) кассации и др.) лишь гармонично наслоились на фундамент состязательного типа уголовного процесса XIX в.

В связи с этим авторской задумкой является разработка новой модели уголовного процесса с учетом реалий XXI в. Однако здесь возникает вопрос, как правильнее ее именовать: а) будет ли она *конвергентной*, т. е. аккумулирующей лучшие процессуальные достижения известных типов и моделей уголовного процесса; б) станет ли она самобытной *техноцентрической*, в основе которой будут лежать информационные технологии, видеоконференции как альтернативы фактическим следственным действиям и судебным разбирательствам, полный отказ от института понятых, от статистов и дистанционное участие присяжных заседателей в зале суда; либо в) будет разработана новая *факторная модель* классического уголовного процесса с сохранением таких его общих условий и принципов, как непосредственность и устность всех следственных и иных процессуальных действий, участие народного элемента как на этапе предварительного расследования, так и при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции. Возможно, нет необходимости пытаться отыскать среди минувших процессуальных форм неограниченные алмазы, а следует рассмотреть исторические модели как *процессуальный трамплин*, оттолкнувшись от которого мы определим вектор прогрессивного развития уголовного процесса, но при этом не уподобим его сумме уже малоактуальных технологий и мировоззренческих идей.

Кандидатом юридических наук, доцентом К. Б. Калиновским на базе платформы международной ассоциации содействия правосудию (далее — МАСП) в ноябре 2023 г. было проведено онлайн-анкетирование по поводу того, какой тип уголовного процесса сегодня является доминирующим, либо преобладающим. Отметим, что основной контингент МАСПа — это ученые — представители различных областей права, а также практикующие юристы — адвокаты, прокуроры, судьи и др. Из 107 человек, принявших участие в анкетировании, 20 % убеждены, что господствующий

сегодня тип уголовного процесса — *следственный*, 15 % полагают, что уголовное судопроизводство является отражением максимально следственного (инквизиционного) типа, 14 % затруднились выбрать хоть какой-либо из представленных ответов. 13 % выбрали ответ «смещение в сторону следственного», 12 % считают, что процесс является смешанным, 11 % респондентов отметили, что уголовное судопроизводство «скорее следственное». И менее популярными оказались следующие ответы: 5 % — *смещение в сторону состязательного*; 4 % — «скорее состязательный»; 4 % — *состязательный*; 2 % — максимально состязательный (как в Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020)).

Результаты данного анкетирования позволяют высказать гипотезу о том, что большинство ученых и практиков убеждено, что сегодня первоосновой уголовно-процессуальной деятельности являются разыскные (или следственные) начала. Однако в рамках данной статьи хотелось бы сделать акцент на такой ординарной стадии, как апелляционное производство, и на трех экстраординарных стадиях — кассационном и надзорном производстве, а также возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Именно они, по авторскому убеждению, являются отражением состязательности в чистейшем виде без примесей обвинительного или следственного процесса, но при этом требуют небольшой процессуальной огранки.

Приведем цитату доктора юридических наук, профессора Л. В. Головки: «Именно вступление приговора в законную силу является водоразделом, отделяющим ординарные стадии уголовного процесса от экстраординарных» [1, с. 69]. Считается, что если приговор вступил в законную силу, то цель и назначение уголовного судопроизводства достигнуты. Пересмотр этого итогового акта является своеобразным отклонением от логичного развития дальнейших событий, поэтому три последних стадии уголовного процесса являются экстраординарными, которые, если их толковать дословно, переводятся как «сверхправильные, самые лучшие». И хотя они не стыкуются с принципом правовой определенности и идеей неизменности судебных решений, именно эти стадии во многом делают отечественный уголовный процесс «кристально» состязательным.

Для достижения конвергенции досудебной и судебной частей следует признать участие суда на

всех стадиях уголовного судопроизводства: для обеспечения судебного контроля в порядке ст. 29 УПК РФ, для разрешения уголовного дела по существу, для апелляционного обжалования промежуточных и итоговых судебных решений согласно ст. 389.2 УПК РФ, для проверки свойства законности приговора в рамках кассационного и надзорного обжалования, а также при перепроверке законности, обоснованности и справедливости приговора в контексте возобновления производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. В рамках конвергентного типа уголовного процесса необходим обновленный формат системы судебных стадий.

Сегодня имеется легальная возможность *пять раз* обжаловать решение суда, постановленное судом первой инстанции.

Первое обжалование: подача апелляционной жалобы в вышестоящий суд (например, подача апелляционной жалобы на приговор мирового судьи в вышестоящий районный суд. Апелляционная жалоба подается через суд первой инстанции, вынесший обжалуемый приговор, — ст. 389³ УПК РФ).

Второе обжалование: *сплошная кассация* в кассационном суде общей юрисдикции (например, подача кассационной жалобы в кассационный суд общей юрисдикции на решение районного суда, которое было предметом апелляционного рассмотрения в суде субъекта. Жалоба в порядке сплошной кассации подается через суд первой инстанции, постановивший приговор, — ст. 401⁷ УПК РФ).

Третье обжалование: *выборочная кассация* при подаче кассационной жалобы в коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) на решение районного суда, которое было предметом рассмотрения в кассационном суде общей юрисдикции (такая вторая кассационная жалоба будет сразу подана в коллегия по уголовным делам ВС РФ — п. 2 ч. 3 ст. 401³ УПК РФ).

Четвертое обжалование: подача надзорной жалобы в Президиум ВС РФ для проверки законности определения судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ, вынесенного в кассационном порядке, — п. 4 ч. 3 ст. 412¹ УПК РФ.

Пятое обжалование: пятое по счету в данной статье, но не обязательно пятое по хронологии развития процессуальных событий — это возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Эта экстраординарная стадия позволяет проверить законность, обоснованность и справедливость решения суда первой инстанции, как только оно

вступило в законную силу, при появлении новых или вновь открывшихся обстоятельств. То есть данная стадия может иметь место с момента истечения срока апелляционного обжалования и вступления приговора в законную силу. Например, если судом первой инстанции был районный суд, а после вступления приговора в законную силу были выявлены новые общественно опасные последствия, заинтересованное лицо должно обратиться к прокурору, который вынесет постановление о возбуждении производства ввиду новых обстоятельств, направит материалы руководителю следственного органа для их расследования, а затем прокурор свое итоговое заключение о необходимости возобновления производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств на решение районного суда направит в тот же суд — ст. 417—418 УПК РФ.

Выскажем некоторые соображения относительно реформирования отдельных ординарных и исключительных судебных стадий для большего их приближения к образу состязательного типа уголовного процесса.

Плюсы *апелляционного производства* очевидны. Решение, еще не вступившее в законную силу, может быть проверено вновь с подробным анализом таких основных свойств приговора, как законность, обоснованность и справедливость вышестоящим и априори более профессиональным составом суда. То есть на данное решение еще не распространяется принцип *res judicata*, согласно которому уже вступившее в законную силу решение является окончательным и должно приниматься сторонами за истину и исполняться (*res judicata pro veritate habetur*). Таким образом, появляется возможность ускоренного исправления ошибок как из сферы права, так и из области факта без нарушения устойчивости и правовой определенности итогового судебного акта, потому как хотя он уже есть, но только по истечении 15 суток со дня постановления и оглашения приговора (ст. 389.4 УПК РФ) он обретет свою юридическую силу и способность открывать новые процессуальные порталы для кассационного и надзорного производства всем заинтересованным участникам.

Наши предложения:

По апелляции:

1. Срок подачи апелляционного обжалования и, следовательно, отсрочка во вступлении приговора в законную силу должны составлять не 15 суток с момента оглашения приговора, а 30 суток. Если решение является правосудным, то хоть 15 суток, хоть 30 суток не должны представлять угрозы для его фактической и правовой составляющих.

Но при этом у заинтересованного лица появляется больше времени на изучение протокола судебного заседания, подготовку апелляционной жалобы или представления, работу с новыми доказательствами, которые объективно и по уважительной причине не могли быть исследованы в суде первой инстанции.

2. Должна быть только сплошная апелляция. Мы не разделяем воплощение принципа процессуальной экономии в ч. 4.2 и ч. 7 ст. 389.13 УПК РФ. Если подана апелляционная жалоба, уголовное дело должно быть разрешено по существу и перепроверено в полном объеме, даже если стороны ходатайствуют об исследовании только новых доказательств (ч. 6.1 ст. 389.13 УПК РФ), либо только отдельных доказательств.

Есть гипотеза о том, что вся юриспруденция базируется на такой науке, как математика — это и аксиомы, и идеи о доказательствах. В связи с этим, если в математике мы хотим проверить решение объемного примера, для истинности результата мы должны проделать это в полном объеме, а не ограничиваться фрагментом.

В ППВС РФ № 26 в п. 12 (1) отмечается следующее: «Если сторонами не заявлялись ходатайства об исследовании доказательств и судом не принималось решение о необходимости их исследования по собственной инициативе, то суд, исходя из положений части 7 статьи 389.13 УПК РФ, рассматривает апелляционную жалобу или представление *без проведения судебного следствия*»¹. Получается, что апелляционная проверка более профессиональным вышестоящим судом может состояться, минуя такую центральную часть судебного разбирательства, как судебное следствие, в ходе которого могут быть перепроверены «старые» и исследованы новые доказательства по уголовному делу. Но в постановлении отмечается, что такие части судебного заседания, как прения сторон и последнее слово лица, в отношении которого была подана апелляционная жалоба, всегда должны иметь место.

Для раскрытия потенциала апелляционного обжалования всегда должно иметь место повторное полное разрешение уголовного дела по существу более опытными судьями вышестоящего суда. Работа судей должна базироваться на ревизионном общем условии апелляционного обжалования в пользу активной позиции судей и отказа от диспозитивных начал.

3. Еще один интересный момент — состав суда апелляционной инстанции. Согласно ч. 3 ст. 30 УПК РФ, если апелляционная жалоба подана в районный суд, уголовное дело пересматривает один судья. Если речь о суде субъекта, то там имеется дифференциация в зависимости от категории совершенного преступления. По преступлениям небольшой и средней тяжести для апелляционного пересмотра предусмотрена работа одного судьи, если есть необходимость в пересмотре дела по тяжкому или особо тяжкому преступлению — заседает коллегия из трех судей. В апелляционном суде общей юрисдикции всегда функционирует тройственный судебный состав. И общее исключение для любых судебных звеньев — промежуточные судебные решения в порядке апелляции пересматриваются всегда одним судьей (например, решение об избрании в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу).

Мы исходим из того, что апелляционное обжалование должно быть максимально продуктивным и всеобъемлющим, так как приговор еще не вступил в законную силу и эта проверка вышестоящим судом может и должна позволить в дальнейшем избежать появления любых форм и вариаций экстраординарного обжалования. В связи с этим предлагаем вне зависимости от категории преступления или судебной инстанции предусмотреть заседание суда апелляционной инстанции в количестве трех судей (если речь о пересмотре итоговых решений) и оставить без изменений ситуацию с пересмотром промежуточных судебных решений, одного судьи для этого достаточно.

По кассации:

Одним из ярких специалистов в сфере кассации выступает доктор юридических наук, профессор Н. Н. Ковтун. Приведем отдельные проблемы, которые он разглядел в рамках функционирования данного института:

— кассационное производство представляет собой иерархический институт с возможностью подачи от одной до двух кассационных жалоб. Первый сплошной порядок «уже без всяких стеснений именуется ординарной формой проверки; вторая пока „маскируется“ под экстраординарные

¹ О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138315/?ysclid=lsy8d3e1d6707706274 (дата обращения: 23.02.2024).

формы» [2, с. 15]. Интерес представляет тот факт, что кассация сама по себе — это уже экстраординарная или исключительная стадия, как способ защиты прав граждан посредством дополнительной проверки законности приговора, но точно не обычная стадия, через которую проходит весь массив уголовных дел. То есть сегодня имеет место тенденция перемещения ряда исключительных стадий в разряд обычных, или правильнее будет сказать — *переходных*. То есть они никак не могут быть обязательными по каждому уголовному делу, но уже и не столь редки;

— если мы говорим о кассации сплошной, то судья должен вынести постановление о назначении судебного заседания в течение 20 суток с момента получения уголовного дела, кассационной жалобы и поступивших возражений (п. 3 ст. 401.7 и ч. 1 ст. 401.8) из суда первой инстанции. То есть суть сплошной кассации заключается и в том, что дело проверяется полностью, т. е. имеет место сплошная проверка, так как судье поступает не просто жалоба с приложением копии итоговых судебных решений, но и само уголовное дело — п. 3 ст. 401.7 УПК РФ. В кассационном суде общей юрисдикции данная кассационная жалоба должна быть рассмотрена в срок не позднее двух месяцев с момента вынесения постановления о назначении судебного заседания. Этим же объясняются и оптимизированные сроки по сравнению с кассацией выборочной. Гораздо легче проверить законность, имея полный доступ ко всем материалам уголовного дела. Тут закономерно возникает другой вопрос: как можно проверить законность, не имея для ознакомления всех томов уголовного дела?

Обратимся к процедуре организации выборочной кассации (ст. 401.10 УПК РФ). В кассационном суде общей юрисдикции с момента вынесения судьей постановления о передаче кассационной жалобы с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции кассационная жалоба рассматривается в срок до одного месяца (если уголовное дело не запрашивалось из суда первой инстанции). Если уголовное дело для изучения было запрошено, срок рассмотрения кассационной жалобы увеличивается до двух месяцев — ч. 3 ст. 401.10 УПК РФ. Если мы говорим про коллегии по уголовным делам ВС РФ, то там сроки два и три месяца соответственно — ч. 4 ст. 401.10 УПК РФ.

Что хотелось бы здесь отметить: первоначально автор статьи полагал, что название «сплошная» означает, что уголовное дело будет точно

пересмотрено в суде кассационной инстанции, если имело место апелляционное обжалование. «Выборочная» кассация понималась автором как вероятный способ проверки судом кассационной инстанции, потому как если итоговое решение суда первой инстанции не было предметом проверки вышестоящего суда апелляционной инстанции, кассация может быть либо судья имеет право вынести постановление об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции (ч. 1 ст. 401.11 УПК РФ). Сейчас же для автора становится очевидным то, что в рамках института кассации необходимо придерживаться как минимум двух классификаций по двум различным основаниям:

— в зависимости от того, изучалось ли уголовное дело при рассмотрении поступившей кассационной жалобы: *сплошная* (на предмет законности исследуется все уголовное дело вместе с итоговыми и промежуточными решениями) и *фрагментарная* (то есть проводится проверка только копий тех решений, которые сам кассатор предоставил в суд);

— в зависимости от того, предшествовала ли подаче первой кассационной жалобы апелляционная жалоба: *обязательная* (если апелляционная жалоба подана была) и *дискреционная* (если жалобы не было).

Следует учитывать, что сегодня могут иметь место: а) **одна сплошная кассация**, либо б) **одна выборочная кассация** (если речь идет о суде субъекта, разница в том, обжаловалось ли решение суда субъекта в порядке апелляции или нет), либо в) **сплошная и выборочная кассация** (например, первая инстанция — мировой суд, если была подана апелляция в районный суд, то кассационная жалоба, поданная в кассационный суд общей юрисдикции, будет рассмотрена в порядке сплошной кассации, а жалоба, поданная затем в ВС РФ, — в порядке выборочной кассации), либо г) **выборочная и выборочная кассация** (например, если первая инстанция — мировой суд и не было подано апелляционной жалобы или представления, то будет иметь место выборочная кассация в кассационный суд общей юрисдикции и выборочная кассация в ВС РФ).

Наши предложения:

1. Предлагаем следующий формат унифицированной единичной кассации: кассационная жалоба или представление должны подаваться через суд первой инстанции, постановившей приговор. Затем после уведомления о поданной жалобе

всех заинтересованных участников и подачи ими возражений судья первой инстанции должен перенаправить все материалы в суд кассационной инстанции. Вне зависимости от того, была подана апелляционная жалоба по уголовному делу или нет, один судья кассационной инстанции должен ознакомиться с поступившими материалами и если основания для пересмотра есть, он должен вынести постановление о передаче кассационной жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. Если таких объективных существенных нарушений свойства законности обнаружено не было, заседание суда кассационной инстанции не должно назначаться.

2. Согласно ч. 4 ст. 30 УПК РФ судебная коллегия по уголовным делам кассационного суда общей юрисдикции заседает в составе трех судей (если имеет место пересмотр по делам о совершении тяжких или особо тяжких преступлений) и в составе одного судьи (если речь о преступлениях небольшой и средней тяжести). Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ в порядке кассационного производства заседает в количестве трех человек. По аналогии с апелляцией предлагаем предусмотреть для всех случаев состав судей в количестве трех, но при этом отказаться от второй выборочной кассации. Кассация может быть, но всего одна, все уголовное дело предварительно должно изучаться целиком, а судебное заседание в суде кассационной инстанции должно назначаться только при наличии действительных существенных оснований, отразившихся на законной составляющей итогового приговора.

По надзорному производству:

Еще одна проблема, на которую указывает доктор юридических наук, профессор Н. Н. Ковтун, звучит так: «Ни по предмету, ни по форме осуществления деятельности надзорная инстанция уже не в состоянии стать альтернативой реализованной форме кассационной проверки, лишь увеличивая число российских проверочных стадий...» [3, с. 45]. Согласимся с данным суждением. Предметом и кассации, и надзора выступает проверка такого свойства приговора, как законность. Представляется не до конца ясной необходимость трижды проверять одно и то же свойство (двойная кассация и надзорное обжалование).

Завершающим штрихом в процессуальном облике отечественного уголовного судопроизводства следует считать не стадии, связанные с обжалованием итогового судебного решения, но сентенцию о том, что конечной целью является достиже-

ние назначения и целей уголовного процесса по каждому уголовному делу, установление объективной истины, обеспечение устойчивости итогового судебного решения и его реализация. Сегодня нужно сделать упор не на расширение возможностей для обжалования решения суда первой инстанции, а на сохранении сути принципа *res judicata* и правовой определенности итогового судебного решения.

Согласимся с мнением доктора юридических наук, профессора Л. В. Головки о том, что «все лучшие законы, все лучшие периоды с точки зрения уголовного процесса всегда были самостоятельными» [4, с. 32]. Наиболее качественный формат реконструирования русского уголовного процесса — осуществлять его надстройку безотносительно к наднациональным органам, не заимствуя, не копируя и не адаптируя импортные правовые воззрения, подгадывая под них потенциальную судебную практику.

Полагаем, что уголовное судопроизводство должно быть единой цельной метасистемой, когда составляющие ее части в своем синтезе и взаимообусловленности дополняют друг друга и образуют эмерджентные свойства, которые при регламентированном процессуальном существовании порознь отсутствовали. В этом, кроме прочего, и состоит задача нового конвергентного типа уголовного процесса.

Вместо заключения хотелось бы привести несколько оригинальных рассуждений доктора юридических наук, профессора М. П. Полякова о проблеме полистадийности: «...это тоже результат воздействия на уголовный процесс глобальной идеи риска. Каждая стадия несет в себе по отношению к предыдущему этапу определенную проверочную миссию» [5, с. 583]. Обилие стадий и инстанций — индикатор ненадежности, но с более широкой точки зрения, как взгляд из процессуального космоса — гарант системной надежности.

Доктор юридических наук, профессор Л. В. Головки отмечает, что одна из ключевых проблем уголовного процесса заключается в неопределенности дальнейшего вектора развития после принятия уголовно-процессуального закона в 2001 г.: «УПК РФ фактически „заморозил“ российский уголовный процесс в некоем „транзитном“ (переходном) состоянии...» [6, с. 75].

По мнению доктора юридических наук, профессора В. А. Азарова, «...чаще всего вызывают вопросы, сомнения и критику специалистов именно законоположения, составляющие методологические основы уголовно-процессуальной деятельно-

сти» [7, с. 12]. Согласимся также с мнением Владимира Александровича о том, что «в основе же стабильности функционирования конкретного типа уголовного производства лежит национальный код...» [7, с. 15], именно он и должен выступить ориентиром дальнейшего развития отечественного уголовного процесса. Полагаем, что уголовный процесс — это не сумма его различных и сменяющих друг друга типов, но единое целое, состоящее как из господствующей национальной типологии, так и из ее исторических предпосылок и будущих разновидностей. Современный уголовный процесс должен базироваться на духовно-нравственных традиционных ценностях нации, на любви к Родине, уважении и соблюдении прав всех граждан страны.

Данная статья посвящена приданию большей состоятельности и логичности именно судебным

стадиям, на которых уголовное дело разрешается по существу и выносится правосудный приговор. Современный тип процесса при некотором обобщении видится нам *конвергентным*, гармонично аккумулирующим все лучшие достижения своих национально-исторических типов развития, базирующимся на *техноцентрической* (частичная трансформация сферы уголовного судопроизводства в виртуальное процессуальное пространство) и *факторной* (когда на каждой стадии уголовного процесса мы выявляем совокупность факторов, препятствующих реализации назначения и достижению целей уголовного процесса, и выдвигаем точечные предложения, направленные на нейтрализацию этих препятствий процессуального плана) составляющих.

1. Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. Москва: Статут, 2017. 1280 с.

2. Ковтун Н. Н. О сути и назначении само-бытной российской кассации: позиции закона, доктрины и практики // Мировой судья. 2020. № 11. С. 11—17.

3. Ковтун Н. Н. Надзорно-кассационная форма проверки судебных решений в контексте российской «традиции», актов ЕСПЧ и актов конституционного правосудия // Уголовная юстиция. 2016. № 1 (7). С. 45—55.

4. Головки Л. В. Никакой драмы в нашем прощании с ЕСПЧ нет // Уголовный процесс. 2023. № 2. С. 32—39.

5. Поляков М. П. Идея риска в уголовном процессе: прошлое, настоящее, будущее // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 582—585.

6. Головки Л. В. О проблемах российского уголовного процесса // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2014. № 1. С. 75—80.

7. Азаров В. А. Действительно ли отказ от «общецивилизационного мирового тренда» в уголовном судопроизводстве губителен для России? // Вестник Волгоградской академии МВД России. № 1 (68). 2024. С. 11—19.

Ламтева Анна Вячеславовна,

старший преподаватель
кафедры уголовного процесса
Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
oannes2007@mail.ru

1. Course of criminal procedure. Ed. by doctor of juridical sciences, professor L. V. Golovko. 2nd ed., rev. Moscow: Statut; 2017: 1280 (In Russ.).

2. Kovtun N. N. On the essence and role of the distinctive Russian cassation: law positions, doctrines and practices. Peace of Justice, 11—17, 2020. (In Russ.).

3. Kovtun N. N. Supervisory and cassational form of judgement in the context of Russian "tradition", the ECHR acts and acts of constitutional justice. Ugolovnaya justicia, 45—55, 2016. (In Russ.).

4. Golovko L. V. There is no drama in our goodbye to the ECHR. Criminal Proceedings, 32—39, 2023. Available from: <https://e.ugpr.ru/1008346?ysclid=lt13esoiiyy926884524>. Accessed: 25 February 2024. (In Russ.).

5. Polyakov M. P. The concept of risk in criminal proceedings: past, present, future. Legal technique, 582—585, 2019. (In Russ.).

6. Golovko L. V. On the issues of Russian criminal proceedings. Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University, 75—80, 2014. (In Russ.).

7. Azarov V. A. Is the 'common civilization global trend' in criminal proceedings harmful for Russia? Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 11—19, 2024. (In Russ.).

Lamteva Anna Vyacheslavovna,

senior lecturer
at the department of criminal procedure
of the Nizhniy Novgorod Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
oannes2007@mail.ru

Статья поступила в редакцию 06.07.2024; одобрена после рецензирования 16.07.2024; принята к публикации 14.11.2024.

The article was submitted 06.07.2024; approved after reviewing 16.07.2024; accepted for publication 14.11.2024.

* * *

УДК 343.13

**КАК РЕАЛИЗОВАТЬ ИДЕЮ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ
НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
В УСЛОВИЯХ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ВИЗУАЛЬНЫЙ КОНТАКТ
С ОПОЗНАВАЕНЫМ**

Тимур Ришатович Мухаметшин

Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия, tamerlan_9@mail.ru

Аннотация. На основе существующих нормативных реалий автор анализирует возможности применения мер безопасности в отношении участников проверки сообщения о преступлении, констатирует явную недостаточность уголовно-процессуальных мер обеспечения безопасности, обосновывает необходимость проведения — наряду с изъятием подлинных данных и присвоением псевдонима как легально возможного способа обеспечения безопасности участников стадии возбуждения уголовного дела — на этапе доследственной проверки — опознания личности в условиях, исключающих визуальное наблюдение. С учетом специфики доказывания на этой стадии, где не осуществляются допросы, предлагается получать у опознающего объяснения об обстоятельствах наблюдения опознаваемого, о признаках, по которым он планирует опознать. Автор формулирует проектные нормы в виде дополнений в ст. 144 и 193 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации для реализации идеи проведения опознания на стадии возбуждения уголовного дела в условиях, исключающих визуальный контакт с опознаваемым.

Ключевые слова: меры безопасности, предъявление для опознания, стадия возбуждения уголовного дела, проверка сообщения о преступлении

Для цитирования: Мухаметшин Т. Р. Как реализовать идею предъявления для опознания на стадии возбуждения уголовного дела в условиях, исключающих визуальный контакт с опознаваемым // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 4 (71). С. 62—68.

**HOW TO REALISE LINE-UPS
WITHOUT SUSPECT'S VISUAL CONTACT
AT THE STAGE OF INITIATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS**

Timur Rishatovich Mukhametshin

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russia, tamerlan_9@mail.ru

Abstract. On the basis of existing legal norms the author analyses the possibilities of application of security measures to the participants of verification of a crime report, and states the apparent insufficiency of criminal procedural measures of security providing, along with withdrawal of authentic data and use of a pseudonym as a legally possible way to ensure the safety of participants at the stage of initiation of a criminal case, justifies the necessity to verify the personal identification in conditions excluding visual contact at the pre-investigative stage. Taking into account the specificity of proving at the stage where interrogations aren't conducted, the author proposes to obtain explanations from the identifier related to the circumstances of observation of the identified person and the features of identifying him. The author formulates possible norms in the form of additions to Articles 144 and 193 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation to implement the idea of identification at the stage of initiation of criminal proceedings under conditions excluding visual contact with the identified person.

Keywords: security measures, identification, stage of initiation of criminal proceedings, verification of crime report

For citation: Mukhametshin T. R. How to realise line-ups without suspect's visual contact at the stage of initiation of criminal proceedings. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 62—68, 2024. (In Russ.).

Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства — проблема комплексная, требующая своевременного применения мер адекватного реагирования на вызовы и угрозы, возникающие как следствие негативной реакции со стороны криминала в связи с участием граждан в уголовно-процессуальных отношениях. При этом необходимо принимать в расчет то обстоятельство, что потребность в применении соответствующих мер безопасности может возникнуть на самом раннем этапе уголовного судопроизводства — на стадии возбуждения уголовного дела. Представителям преступного сообщества гораздо легче «нейтрализовать» фигуру потенциального свидетеля (или потерпевшего), когда это лицо еще не приобрело официально формальный уголовно-процессуальный статус, когда с ним не проведены соответствующие следственные действия, направленные на закрепление его показаний. В этот период лица, сотрудничающие с органами, осуществляющими проверку сообщения о преступлении, наиболее уязвимы и нуждаются в особой защите со стороны субъектов доследственной проверки.

Что касается лиц, осуществляющих проверочные мероприятия, то они должны предоставлять все возможные меры безопасности, предусмотренные действующим законодательством. Безусловно, реализация комплекса мер, регламентированных Федеральным законом № 119-ФЗ¹ или Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности»² (который также предусматривает ряд мер обеспечения безопасности), требует от субъекта проверки соблюдения определенных условий в виде наличия основания и повода для применения соответствующих мер, а сами меры нередко представляют собой весьма радикальный комплекс, существенно влияющий на образ жизни защищаемого лица. Кроме того, «стоимость» процедуры обеспечения безопасности согласно предписаниям закона № 119-ФЗ зачастую весьма значительна, что не позволяет применять ее по широкому кругу дел, а сужает сферу ее реализации

до исключительно значимых случаев, когда «ценность» защищаемого лица обусловлена его существенным вкладом в дело выявления особо тяжких преступлений и изобличения лиц, их совершающих или подготавливающих.

По вышеуказанным причинам властные субъекты уголовного судопроизводства не часто прибегают к использованию мер государственной защиты, предусмотренных Федеральным законом № 119-ФЗ. Гораздо проще реализовать в рамках возбужденного уголовного дела уголовно-процессуальные меры безопасности, обозначенные в ч. 3 ст. 11 УПК РФ³. В данной части статьи, закрепляющей нормативные компоненты принципа охраны прав и свобод человека и гражданина, содержится важная норма, регламентирующая пять⁴ эффективных мер обеспечения безопасности, предусмотренных уголовно-процессуальным законом для применения при производстве по уголовному делу в отношении ряда участников процессуальных отношений. Эти меры не столь радикальны, как те, например, которые применяются в соответствии с положениями Федерального закона № 119-ФЗ. Но их использование возможно, по большей части, по уже возбужденному уголовному делу, и только мера безопасности, указанная в ч. 9 ст. 166 УПК РФ, может быть реализована на стадии возбуждения уголовного дела, что прямо предусмотрено ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, которая появилась в УПК РФ спустя 11 лет после его принятия — в связи с введением в кодекс сокращенной формы дознания⁵.

Данная уголовно-процессуальная мера обеспечения безопасности участников доследственной проверки, единственно возможная в условиях действующего нормативного регулирования, чрезвычайно важна. Она изначально создает условия

³ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921; 2024. № 8. Ст. 1038.

⁴ Справедливости ради следует подчеркнуть, что потенциал уголовно-процессуальных мер обеспечения безопасности этим не исчерпывается. Так, некоторые меры пресечения (заключение под стражу, домашний арест, запрет определенных действий, предусмотренный п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ) тоже могут быть применены для снижения угроз посткриминального воздействия на лиц, оказывающих содействие правосудию.

⁵ См.: О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

¹ См.: О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федер. закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3534; СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5116.

² См.: Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349; СЗ РФ. 2023. № 1 (ч. I). Ст. 85.

для обеспечения конфиденциальности данных о личности, нуждающейся в защите от угроз посткриминального воздействия, что формирует оптимальную среду для последующего применения по уже возбужденному уголовному делу таких указанных в ч. 3 ст. 11 УПК РФ мер обеспечения безопасности, как опознание в условиях, исключающих визуальное наблюдение (ч. 8 ст. 193 УПК РФ), и допрос в суде свидетеля в условиях, исключающих его визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства (ч. 5 ст. 278 УПК РФ). Естественно, если не применить своевременно данную меру, регламентированную ч. 9 ст. 166 УПК РФ, в случае, предусмотренном ч. 1.1 УПК РФ, сведения о личности потенциального свидетеля станут доступными для уголовно преследуемого лица и его окружения, что сделает бессмысленной дальнейшую реализацию мер, упомянутых в ч. 8 ст. 193 и ч. 5 ст. 278 УПК РФ.

К какому же выводу приводит нас то обстоятельство, что из пяти мер безопасности, закрепленных в УПК РФ, может применяться в ходе проверки сообщения о преступлении лишь одна (изъятие подлинных данных и присвоение псевдонима — ч. 9 ст. 166) — в соответствии со спецификой первой стадии уголовного процесса, обусловленной жесткими ограничениями, установленными для доказывания? К весьма неутешительному — *об ограниченности средств обеспечения безопасности* на самом раннем этапе уголовного судопроизводства, когда субъекты проверки испытывают острую необходимость в защите интересов лиц, оказывающих им содействие. А это, безусловно, снижает эффективность проверочных мероприятий, создает очевидные препятствия для вовлечения в доказывание лиц, опасющихся за свою жизнь и здоровье в связи с участием в доказывании.

В рамках проведенного нами ранее диссертационного исследования осуществлялось анкетирование дознавателей, следователей МВД России и Следственного комитета РФ¹, которое показало, что подавляющее большинство опрошенных (81,7 %) отметили действенность института мер безопасности участников уголовного процесса. На актуальность их применения в стадии возбуждения уголовного дела, существенно влияющего на

эффективность последующего производства по уголовному делу, обратили внимание 56,8 % опрошенных [1, с. 210—215].

Правоприменительная практика ожидает от законодателя конкретных норм, непротиворечивых по содержанию, способных обеспечить должный уровень безопасности участвующих в уголовном судопроизводстве лиц, которые сотрудничают с органами, осуществляющими проверку сообщения о преступлении. Однако анализ ч. 9 ст. 166 УПК РФ (изъятие подлинных данных и присвоение псевдонима) показывает непоследовательность законодателя в описании перечня защищаемых субъектов, не предусматривающего в качестве таковых участников проверки сообщения о преступлении, а упоминающего только участников, появляющихся на стадии предварительного расследования, и их близких. Более того, в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ участники проверки сообщения о преступлении несколько раз называются разными терминами (а это не способствует адекватному правопониманию и правоприменению), на что справедливо указывают некоторые авторы, критикующие качество законодательной техники упомянутого Федерального закона № 23-ФЗ от 4 марта 2013 г. [2—6].

Мы не можем отрицать тенденцию к расширению арсенала средств доказывания у субъектов проверки сообщения о преступлении, который ярко продемонстрировал себя благодаря Федеральному закону № 23-ФЗ. Данная тенденция обуславливает увеличение числа процессуальных возможностей установления значимых для принятия решения обстоятельств. Главное, чтобы появляющиеся новые компоненты структуры доказательственной деятельности на первой стадии уголовного процесса соответствовали следующим критериям:

— объективная потребность в использовании их потенциала в целях установления признаков преступления как основания для возбуждения уголовного дела;

— невыраженный правоограничительный потенциал. Здесь необходимо подчеркнуть, что ввиду отсутствия точных данных о факте совершения преступления государственные органы и должностные лица не вправе применять острое государственное принуждение на данном этапе производства, так как уголовно-процессуальное принуждение предстает как адекватная реакция государства на факт преступления, поэтому правоограничительные следственные действия проводятся после возбуждения уголовного дела;

¹ Анкетирование дознавателей, следователей МВД России и Следственного комитета РФ проводилось нами в период с 1 сентября 2021 г. по 7 ноября 2021 г. в Республике Татарстан, Пензенской, Астраханской, Ростовской и Волгоградской областях.

— способность следственного действия достигать позитивного результата при условии обеспечения безопасности лиц, участвующих в проверке сообщения о преступлении.

Все вышеизложенное, по нашему мнению, делает возможным проведение опознания на стадии возбуждения уголовного дела. Осуществлять его следует именно как меру обеспечения безопасности до принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела, о чем писали некоторые авторы [7; 8]. Считаем, что нет принципиальных препятствий (за исключением отсутствия соответствующей нормативной регламентации) для применения такой меры безопасности, как опознание вне визуального контроля опознающего опознаваемым (ч. 8 ст. 193 УПК РФ) в ходе следственной проверки сообщения о преступлении.

Само проведение опознания по правилам ч. 8 ст. 193 УПК РФ (правда, при производстве по возбужденному уголовному делу) было предметом конституционного нормоконтроля со стороны Конституционного Суда РФ (далее — КС РФ), который четко обозначил важность соблюдения интересов лиц, дающих показания, и обеспечения их безопасности, что не должно «приноситься в жертву» интересам стороны защиты. При этом КС РФ сослался на соответствующую международную правоприменительную практику, которая также исходит из примата обеспечения безопасности лиц, дающих показания и опознающих в условиях, исключающих визуальный контакт, над интересами стороны защиты¹. Председатель КС РФ В.Д. Зорькин подчеркивал, что «Конституция России закрепляет в качестве исходных правовых начал неотчуждаемые и прирожденные основные права и свободы человека, т. е. своеобразное „естественное право“» [9], выстраивающее должный баланс между такими охраняемыми Конституцией РФ ценностями, как жизнь и безопасность человека, дающего показания, — с одной стороны, и реализация права обвиняемого (подозреваемого) на защиту — с другой стороны.

Эти правовые позиции КС РФ могут послужить идейной основой для разработки нормативной

модели предъявления для опознания в стадии возбуждения уголовного дела в условиях, исключающих визуальный контакт опознающего и опознаваемого.

Ранее мы писали о *двух возможностях* введения в арсенал средств доказывания на стадии возбуждения уголовного дела такого эффективного следственного действия, как опознание:

1) применение опознания по аналогии с предписаниями ч. 8 ст. 193 УПК РФ;

2) дополнение ч. 1 ст. 144 УПК РФ указанием на производство опознания в качестве проверочного мероприятия [1, с. 112].

Попробуем рассмотреть эти возможности с позиции перспектив внедрения в правоприменительную деятельность субъектов проверки сообщения о преступлении.

Если применять *аналогию* при опознании как проверочном мероприятии, то возникает ряд спорных вопросов. В уголовно-процессуальной доктрине возможность применения уголовно-процессуального закона по аналогии давно не оспаривается, хотя в тексте УПК РФ норм, открывающих для правоприменителей такой прием, нет (в отличие от гражданского процессуального и арбитражного законодательства, где аналогия предусмотрена ч. 3 ст. 11 ГПК РФ² и ч. 6 ст. 13 АПК РФ³ соответственно). Ученые-процессуалисты выработали критерии применения уголовно-процессуального закона по аналогии [10, с. 799; 11, с. 631—636], что весьма актуально на фоне страдающего пробельностью и противоречивостью нормативного регулирования УПК РФ.

Однако проведение опознания на стадии возбуждения уголовного дела с ориентацией по аналогии на нормативные предписания ст. 193 УПК РФ сталкивается с одной важной проблемой, не решаемой при формальном соответствии критериям допустимости аналогии. Эта проблема — отсутствие на данной стадии допрошенных участников, с которыми должно проводиться опознание. В силу особенностей доказательственной деятельности в рамках проверки у участников проверочных меро-

¹ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Орлова Дмитрия Игоревича на нарушение его конституционных прав положением части восьмой статьи 193 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного суда РФ от 18.12.2008 № 1090-О-О // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.11.2023).

² См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 25.01.2024) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; СЗ РФ. 2024. № 1 (ч. I). Ст. 20.

³ См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; СЗ РФ. 2024. № 1 (ч. I). Ст. 48.

приятый не берут показания «под протокол», а типовым способом фиксации вербальной информации на этом этапе выступает получение объяснений. И это препятствие в рамках применения аналогии преодолеть невозможно. Нужны более кардинальные меры — внесение изменений в закон.

Вторая возможность, упомянутая нами в диссертации, — внесение *дополнений в ст. 144 УПК РФ, закрепляющих опознание в качестве проверочного мероприятия и уголовно-процессуальной меры безопасности*. Обращение к тексту ч. 8 ст. 193 УПК РФ показывает ее прямую ориентированность на субъектный состав участников стадии предварительного расследования, что в принципе логично, так как данное следственное действие проводится по итогам уже осуществленных следователем допросов, которые допустимы исключительно после возбуждения уголовного дела. Естественно, что в анализируемой нами статье нет упоминания участников проверки сообщения о преступлении, которых законодатель именует в разных статьях глав 19 и 20 УПК РФ по-разному: и лицами, участвующими в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, и участниками проверки сообщения, и участниками досудебного производства.

Отсутствие упоминания лиц, участвующих в проверке сообщения о преступлении, в нормативном регулировании предъявления для опознания обусловлено упомянутым ранее обстоятельством — тем, что на данной стадии указанные участники не допрашиваются, но дают объяснения, а технология предъявления для опознания предусматривает предварительный допрос опознающего, который запомнил виденный им ранее объект и сообщает в своих показаниях, что готов его опознать по определенным признакам.

Примечательно, что в ч. 1 ст. 144 УПК РФ при перечислении проверочных мероприятий указано и получение объяснений, которое по операционной структуре (применяемым методам) напоминает допрос. Отличие заключается в том, что лицо, дающее объяснение, не предупреждают об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний по ст. 307 УК РФ¹ и за отказ и уклонение от дачи показаний по ст. 308 УК РФ, что предусмотрено для допроса свидетелей и потерпевших, достигших 16-летнего возраста. При этом

отсутствие предупреждения лица об этих видах уголовной ответственности не препятствует уже на предварительном расследовании проведению с ним такого следственного действия, как предъявление ему лица или предметов для опознания. Подобные следственные действия могут проводиться и с обвиняемыми и подозреваемыми, которые не несут уголовной ответственности при даче показаний, в связи с чем им никогда не напоминают о наличии таковой согласно ст. 307 и 308 УК РФ. Однако это не препятствует их участию в качестве опознающих в соответствующих следственных действиях.

Таким образом, без соответствующих гарантий достоверности сведений, сообщаемых опознающими, осуществляется предъявление для опознания несовершеннолетним свидетелям и потерпевшим в возрасте до 16 лет, а также уголовно преследуемым лицам — обвиняемым и подозреваемым. Однако всем лицам, дающим объяснения на стадии возбуждения уголовного дела, разъясняют положения ст. 51 Конституции РФ, что является дополнительной гарантией обеспечения их прав и законных интересов.

Указанное позволяет сформулировать предложение о дополнении перечня следственных действий, осуществляемых в рамках проверочных мероприятий, таким эффективным средством доказывания, как опознание личности. В качестве важного условия (с учетом перспектив расследования и непредсказуемости модели дальнейшего посткриминального поведения потенциального подозреваемого, способного представлять угрозу для опознающего) считаем необходимым проводить опознание личности на стадии возбуждения уголовного дела в безопасном для опознающего режиме. Учитывая ориентированность ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ на правообеспечение участников проверки, целесообразно нормативно закрепить данное условие именно в этой части рассматриваемой статьи.

Итак, основываясь на вышеприведенных аргументах, можем констатировать, что на первом этапе уголовного судопроизводства следует реализовывать не одну, а две эффективные меры безопасности, имеющие перспективную направленность на обеспечение безопасности участников проверки, которые впоследствии могут стать участниками стадии предварительного расследования: 1) изъятие подлинных данных и присвоение псевдонима и 2) опознание в условиях, исключающих визуальное наблюдение.

¹ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; СЗ РФ. 2024. № 8. Ст. 1038.

Для реализации нашей идеи — введения в стадию возбуждения уголовного дела предъявления для опознания — необходимо:

1. Изложить первое предложение ч. 1 ст. 193 УПК РФ в следующей редакции: «1. Следователь может предъявить для опознания лицо или предмет свидетелю, потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому *или участнику проверки сообщения о преступлении...*» и далее — по тексту.

2. Часть 2 ст. 193 УПК РФ изложить таким образом: «2. Опознающие предварительно допрашиваются *или дают объяснения* об обстоятельствах...» и далее — по тексту.

3. Второе предложение ч. 1 ст. 144 УПК РФ изложить в следующей редакции: «При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, *осуществлять*

предъявление личности для опознания...» и далее — по тексту.

4. Часть 1.1 ст. 144 УПК РФ дополнить словами: «При необходимости предъявления личности для опознания следователь применяет в отношении опознающего меры безопасности, предусмотренные частью восьмой статьи 193 настоящего Кодекса».

В заключение поясним: при необходимости усиления гарантий достоверности результатов опознания, полученных от заявителей, очевидцев, пострадавших на стадии возбуждения уголовного дела, следователь может осуществить на стадии предварительного расследования их допрос уже в статусе свидетелей или потерпевших об обстоятельствах и итогах ранее проведенного опознания с предупреждением их об уголовной ответственности по ст. 307 и 308 УК РФ.

1. Мухаметшин Т. Р. Правовое регулирование применения мер безопасности личности в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2022. 215 с.

2. Зайцева Е. А. Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ о применении специальных познаний и эрозия правового института судебной экспертизы // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сб. ст. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013. С. 38—49.

3. Зайцева Е. А. Уголовно-процессуальный статус участников проверки сообщения о преступлении и их правовая активность // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия «Юридические науки». 2014. № 2 (17). С. 50—53.

4. Топчиева Т. В. Обеспечение прав личности при проверке сообщения о преступлении // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2015. № 1 (28). С. 44—45.

5. Зайцева Е. А. Регламентация судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела: современное состояние и пути совершенствования // Судебная экспертиза. 2016. № 1 (45). С. 38—45.

6. Гладышева О. В., Устов Т. Р. Обеспечение прав участников следственных и иных процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении: монография. Москва: Юрлинформ, 2017. 184 с.

1. Mukhametshin T. R. Legal regulation of the application of personal security measures at the stage of initiation of criminal proceedings. Dissertation of candidate of juridical sciences. Ulyanovsk; 2022: 215. (In Russ.).

2. Zaitseva Ye. A. Federal Law of 4 March 2013 № 23-FZ on the use of special knowledge and the erosion of the legal institute of forensic examination. In: Inquiry in reduced form: issues of legislative regulation and problems of law enforcement. Collection of articles. Volgograd: Volgograd State University; 2013: 38—49. (In Russ.).

3. Zaitseva Ye. A. Criminal procedural status of participants in the verification of a crime report and their legal activity. Vector of Science of Tolyatti State University. Series "Legal Sciences", 50—53, 2014. (In Russ.).

4. Topchieva T. V. Ensuring the rights of the individual in the verification of a crime report. Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 44—45, 2015. (In Russ.).

5. Zaitseva Ye. A. Regulation of forensic examination at the stage of initiation of criminal proceedings: current state and ways to improve. Forensic Examination, 38—45, 2016. (In Russ.).

6. Gladysheva O. V., Ustov T. R. Ensuring the rights of participants of investigative and other procedural actions in the verification of a crime report. Monograph. Moscow: Yurlinform; 2017: 184. (In Russ.).

7. Самолаева Е. Ю. Тактика производства предъявления для опознания в условиях обеспечения уголовно-процессуальных мер безопасности // Актуальные проблемы современной криминалистики: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Москва: РУДН, 2016. С. 187—196.

8. Блинова Е. В. Сохранение в тайне данных о личности: законодательство Российской Федерации и зарубежный опыт // Международное уголовное право и международная юстиция. 2017. № 3. С. 15—18.

9. Зорькин В. Д. Проблемы законодательных пробелов в практике Конституционного Суда России. 3 июня 2008 года. Вильнюс // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <https://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=19> (дата обращения: 11.03.2024).

10. Поляков А. В. Общая теория права. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2004. 864 с.

11. Макарова З. В. Конституционный принцип законности уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 631—636.

7. Samolayeva E. Yu. Tactics of production of identification under conditions of ensuring criminal procedural security measures. In: Topical problems of modern criminalistics. Materials of the International scientific and practical conference. Moscow: RUDN University, 2016: 187—196. (In Russ.).

8. Blinova Ye. V. Keeping secret the data related to the individual: the legislation of the Russian Federation and foreign experience. International criminal law and international justice, 15—18, 2017. (In Russ.).

9. Zorkin V. D. Problems of legislative gaps in the practice of the Constitutional Court of Russia. 3 June 2008. Vilnius. In: Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation. Available from: <https://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=19>. Accessed: 11 March 2024.

10. Polyakov A. V. General Theory of Law. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; 2004: 864. (In Russ.).

11. Makarova Z. V. Constitutional principle of legality of criminal proceedings. Topical problems of Russian law, 631—636, 2014. (In Russ.).

Мухаметшин Тимур Ришатович,
преподаватель кафедры
тактико-специальной и огневой подготовки
Казанского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук;
tamerlan_9@mail.ru

Mukhametshin Timur Rishatovich,
lecturer at the department
of tactical and firearms training
of the Kazan Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences;
tamerlan_9@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.07.2024; одобрена после рецензирования 09.07.2024; принята к публикации 14.11.2024.

The article was submitted 07.07.2024; approved after reviewing 09.07.2024; accepted for publication 14.11.2024.

* * *

УДК 343.13

**ПРИНЦИП ТРАНСПАРЕНТНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ:
МНЕНИЯ И СОМНЕНИЯ****Михаил Петрович Поляков**

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, polmihpet@rambler.ru

Аннотация. Идея транспарентности («прозрачности») активно предлагается для внедрения в систему принципов уголовного процесса и даже претендует на более высокий статус — технологических и идеологических основ судопроизводства. Необходимость практической реализации этой идеи обосновывается объективными обстоятельствами, историческими предпосылками, зарубежным опытом и прочими многочисленными достоинствами. Автор статьи специально формулирует сомнения, которые должны учитываться при воплощении идеи транспарентности в законодательство и практику. Данная идея, несмотря на внешнюю схожесть с положениями о гласности и открытости уголовного судопроизводства, не является исключительно полезной и безопасной. Юридическая наука должна оценивать транспарентность с точки зрения не только ее правозащитных достоинств, но и возможных угроз государственным интересам. Критически оцениваются тенденции, способствующие внедрению идеи транспарентности в современное уголовное судопроизводство и правосудие в целом. Особое внимание уделяется таким тенденциям, как вестернизация и цифровизация уголовного процесса. В качестве тенденции называется присутствие благодушной тональности обсуждения идеи транспарентности в рамках научных дискуссий.

Ключевые слова: транспарентность уголовного процесса, тайна предварительного следствия, принципы уголовного процесса, гласность судебного разбирательства, цифровизация уголовного процесса, вестернизация уголовного процесса.

Для цитирования: Поляков М. П. Принцип транспарентности в уголовном процессе: мнения и сомнения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 4 (71). С. 69—76.

**TRANSPARENCY PRINCIPLE IN CRIMINAL PROCEEDINGS:
OPINIONS AND DOUBTS****Mikhail Petrovich Polyakov**

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Nizhny Novgorod, Russia, polmihpet@rambler.ru

Abstract. The idea of transparency ("openness") is actively proposed to be introduced to the system of principles of criminal proceedings and even claims a higher status of technological and ideological foundations of legal proceedings. The necessity of practical realization of this idea is justified by objective circumstances, historical background, foreign experience and other numerous advantages. The author of the article purposely formulates doubts to be taken into account, when implementing the idea of transparency in legislation and practice. Despite its external similarity with the provisions on publicity and openness of criminal proceedings, the mentioned idea is not entirely useful and safe. Legal science should assess transparency not only from the point of view of its human rights advantages, but also possible threats to state interests. The trends that contribute to the introduction of the idea of transparency in modern criminal proceedings and in criminal justice in general are critically assessed. Special attention is given to such trends as westernization and digitalization in criminal proceedings. The presence of a humane tone of discussion of the idea of transparency in the context of scientific disputes is referred to as a trend.

Keywords: transparency of criminal proceedings, secrecy of preliminary investigation, principles of criminal proceedings, publicity of court proceedings, digitalization in criminal proceedings, westernization in criminal proceedings

For citation: Polyakov M. P. Transparency principle in criminal proceedings: opinions and doubts. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 69—76, 2024. (In Russ.).

Каких только идей и технологий наши современники не предлагают в качестве принципов уголовного процесса. Правило, услышанное мной от профессора В. Т. Томина: «Чем меньше принципов, тем они принципиальнее», — процессуалистами сегодня не особо почитается. Да и сам я вместе с учениками не раз был замечен в отступничестве от этого мудрого наставления. В научной лаборатории Нижегородской (Томинской) научной школы процессуалистов нами испытывались — «принцип процессуальной экономии», «принцип процессуальной свободы», «принцип информационного превосходства» и прочие придумки [1]. Совсем недавно нам пеняли на голословность принципа «процессуальной самостоятельности и независимости следователя, руководителя следственного органа» [2]. Профессор С. Б. Россинский в отзыве оппонента указал, что «представляется весьма спорным рассмотрение феномена процессуальной самостоятельности (независимости) лиц, осуществляющих предварительное следствие по уголовному делу в качестве одного из принципов уголовного судопроизводства. Думается, что для столь громкого тезиса нужны весьма существенные аргументы» [3].

Справедливое замечание. Действительно, новые принципы предлагать можно. Но для этого нужна хорошая научная подготовка. Поиск принципов — отличный способ познания сущности уголовного процесса, приближения к его красоте и величию. Поэтому сурово судить искателей новых принципов не стоит, а вот строго обсудить сами идеи, претендующие на статус принципов, — следует непременно. На каждое заявление о появлении нового принципа уголовного процесса должны обнаруживаться оппоненты, помнящие и почитающие благое научное правило: «Все подвергай сомнению!». Генерация сомнений долг науки. И не только науки, но и практического уголовного процесса. Хрестоматийное юридическое правило: «Все сомнения толкуются в пользу обвиняемого» — тоже вытекает из этого правила. Причем судебские сомнения должны появляться не спонтанно: первейшая обязанность судьи — обнаружить, придумать и иным умственным образом акцентировать эти сомнения, по возможности снять их, а при невозможности занести на «счет» обвиняемого. Сомнения и внутреннее судебское убеждение варятся в одной «кастрюле». Презумпция невиновности как раз и есть «узелок» на память о судебской обязанности сомневаться в виновности обвиняемого.

Про судебские сомнения мы вспомнили неслучайно. В рамках настоящей статьи в качестве «подсудимого» предстает идея транспарентности. Суть «обвинения» — попытка проникновения в систему принципов отечественного уголовного процесса. И наша «судейская» задача разобраться, законно ли это проникновение, безопасно ли оно.

«Следствию» удалось установить, что в последние годы идею транспарентности активно продвигают в систему принципов отечественного уголовного процесса и даже на более высокий уровень — технологических и идеологических основ уголовного судопроизводства. Обоснование насущной необходимости этой идеи обосновывается объективными обстоятельствами, глубокими историческими предпосылками и обширным зарубежным опытом. В качестве активных исследователей проблемы мы можем назвать представителей Волгоградской научной школы М. Т. Аширбекову, Е. А. Зайцеву, М. С. Колосович [4—6].

Следует отметить, что исследователи и почитатели транспарентности уголовного процесса порой пытаются поместить этот феномен в образ древней идеи, чуть ли не закона природы. Подход этот для науки вполне привычный. При желании всем правовым явлениям можно приписать «библейское» происхождение. И это не будет противоречить истине. Недаром существует мнение, что даже «уголовный кодекс есть всего лишь размазывание на разные лады десяти заповедей». Однако древняя история не знала такого имени, как транспарентность. Это имя дано сравнительно новому явлению, хоть и очень напоминающему «ветхие» идеи и правила. Сам факт сравнительной новизны имени, географии зарождения и становления обозначаемого им понятия — это повод внимательного отношения к идее.

Учитывая, что наш «подсудимый» (опять же в образном выражении) в рамках российского судопроизводства юный феномен, мы обязаны выявить наличие у него «взрослых подстрекателей», вдохновляющих его концепций и жизненных обстоятельств. Внимательное изучение источников показывает, что попутным ветром в «паруса» транспарентности выступают как старые, так и сравнительно новые тенденции современного юридического мира России. К сравнительно старой тенденции, на наш взгляд, можно отнести широкую вестернизацию всех сфер жизни, в том числе уголовного судопроизводства. Несмотря на прозрения последних лет, усилия отдельных неравнодушных процессуалистов [7] и просто здравый смысл, эта тенденция не собирается сходить

с арены, и в сфере правосудия она до сих пор не изжила себя. Что касается принципа транспарентности (в широком его понимании), то никто не скрывает, что это американский продукт. Об этом говорят прямо и косвенно. Так, А. Ф. Зотова предельно четко констатирует этот факт. «Нормативно-правовая база, закрепляющая данный термин и дающая ему официальное толкование, — пишет она, — имеется только в Соединенных Штатах Америки» [8, с. 198].

Подчеркнем, только там. Там же, находится и вотчина самого понятия транспарентности. Несмотря на то что упоминания о транспарентности (буквальное употребление этого слова) обнаруживаются нашими исследователями уже в произведениях И. Бентама [6, с. 121], родоначальником соответствующего понятия выдающегося английского юриста, жившего в XVIII в., признавать едва ли возможно. Идея транспарентности в ее современном понимании — есть чисто американское порождение.

Примечательно, что напоминания о том, что «транспарентность made in USA», происходит разными способами, в том числе через малоприметные нюансы. Такой нюанс мы, например, обнаружили в статье Е. Б. Абросимовой с показательным названием «Транспарентность правосудия». В первом абзаце, где дается общая и вполне «интернациональная» трактовка понятия транспарентности как неотъемлемого атрибута современного государства, вдруг совершенно неожиданно (ни к месту, ни к контексту) выскакивает аббревиатура «США» (транспарентность как общее понятие вдруг замыкается на госслужащих США). И получается, что все сказанное в этом абзаце — все про Америку и американскую транспарентность. Этот «внезапный штрих» показывает, что источником сути понятия транспарентности и ее функциональным образцом воспринимается именно американская версия [9, с. 142].

Данный нюанс (судя по всему, техническая погрешность) — это не упрек автору, который не только серьезнейшим образом исследует проблему транспарентности лично, но и активно привлекает к ее изучению других ученых [10]. Сама статья Е. Б. Абросимовой в плане раскрытия сущности транспарентности правосудия вполне может претендовать на статус энциклопедической работы.

Кроме того, по дате опубликования указанной статьи можно четко определить, что отечественная юридическая наука плотно занимается транспарентностью уже не один десяток лет. Вместе с тем феномен транспарентности общеизвестным

пока назвать нет оснований. Я, к стыду своему, познакомился с этим термином совсем недавно. Но, как видим, уже без всякого стыда пытаюсь генерировать сомнения по поводу принципа транспарентности. Впрочем, первые впечатления не всегда бывают обманчивыми. И дилетанты порой могут видеть то, что не выхватывает зрение матерых экспертов.

Возвращаясь к «американскому следу», хочу сказать, что использование отечественными юристами понятия транспарентности, рожденного и продвигаемого заморскими учеными, это не изъясн, а умелое применение научной методологии. Юридическая наука, как всякая наука, не замыкается в границах одной страны. Исследователи — это глобалисты в хорошем смысле этого слова. Однако никто не снимает с отечественной науки обязанности с сомнением и настороженностью смотреть на внедрение иностранных идей, особенно тех, которые воспринимаются научным большинством как желанный подарок Отечеству. Во-первых, эмпирически доказано, что «больше всего нужно опасаться истин, которые кажутся нам очевидными», а, во-вторых, история не единожды подтверждала справедливость старого афоризма: «Бойтесь данайцев, дары приносящих».

Идея транспарентности уголовного судопроизводства, несмотря на внешнюю схожесть с добрыми и привычными идеями гласности и открытости уголовного судопроизводства, небезобидная. «Мутный» термин «транспарентность», означающий «прозрачность», должен настораживать. В самой «прозрачности» есть нечто, что сродни рентгеновскому излучению. Как известно, излучение, не встречающее препятствий и просвечивающее человека насквозь, крайне опасно для организма. Через призму этой метафоры следует смотреть и на транспарентность. Важно не упустить от внимания и понимания дальний замысел транспарентности и ее возможные «побочные последствия», памятуя при этом о том, что в природе одно и то же вещество может быть как лекарством, так и ядом. Все зависит от дозировки. А дозировка транспарентности определяется различными факторами. И фактор текущего исторического и политического момента далеко не последний. В мирное время ярко светящиеся «московские окна» это — вдохновляющий сюжет для милой лирической песни; в военной обстановке, как известно, к месту уже другая инструкция: «Свет в окне — помощь врагу». Поэтому «прозрачность» (подчеркнем еще раз, что именно так расшифровывается слово английского происхождения «транспарентность»)

не всегда полезна. И правосудие должно оценивать прозрачность с точки зрения не только ее правозащитной пользы, но и угроз государственным интересам. В идеале при максимальной реализации прозрачности отечественное правосудие должно быть видно, как на ладонях. Причем видно всем, как со спутника. Но нельзя упускать из виду тот факт, что наблюдатели могут оказаться разные и «ладони» их тоже небезопасные. В современной обстановке совсем не трудно допустить, что кто-то вполне может использовать прозрачность правосудия и уголовного процесса как предательский «данайский дар», применив в удобное время прозрачность для серьезного урона. Причем речь идет не только о вреде индивидам в масштабах конкретного уголовного дела, но и об уроне в более широких, даже государственных масштабах.

Вторая тенденция, на волнах которой активно внедряется в уголовный процесс идея прозрачности, на первый взгляд, чисто технологическая, восходящая к прославляемой идее научно-технического прогресса. Поднятию прозрачности на вершину принципов организации деятельности органов современного государства, в том числе органов, осуществляющих уголовный процесс, способствует активное продвижение цифровых технологий. Однако цифровизация, как стихия, не только внедряется в жизнь через расширение технологических особенностей функционирования государственных органов, но и стремится прорасти на уровне принципов различных видов публичной деятельности. Таким образом, цифровизация становится своеобразной идеологией, понятием, равным понятию прогресса.

Уголовное судопроизводство — сектор очень привлекательный для цифровизации. Внедрение достоинств (а попутно и опасностей) цифровизации в отечественный уголовный процесс — сегодня мощное научное направление. Возникают целые «научные партии», которые всеми силами провозглашают новый принцип — всеобщей цифровизации уголовного судопроизводства. Оценить масштаб этого явления можно даже по деятельности такого ресурса, как «Развитие информационных технологий в уголовном процессе (РИТВУС)», который активно развивает талантливый энтузиаст профессор С. В. Зуев¹.

Транспарентность уголовного процесса (в части концепции широкого внедрения цифровых техно-

логий) превращается в очень желанный аргумент. Цифровизация и прозрачность, по сути, становятся идеологическими побратимами. Цифровизация давно и настойчиво стремится лишить наш мир традиционных для него тайн и должной сакральности. Под маркой усиления общественной безопасности «цифра» старается сделать жизнь прозрачной и наблюдаемой. Причем не только жизнь обывателя, но и государства. Одна из целей цифровых благословений — сделать видимым то, что раньше скрывалось за высокой стеной личных и общественных тайн. Прозрачность исподволь становится неотъемлемым свойством личного бытия. Все мы, независимо от нашего желания и согласия, ежеминутно оставляем цифровой след, который виден специалисту и, увы, не только ему. Какой только интеллект (естественный и искусственный) сегодня не в курсе наших дел и пристрастий. Есть опасения, что прозрачность судопроизводства в союзе с цифровизацией вполне могут превратить и уголовный процесс в подобие передачи «Дом-2». И здесь надо четко и, главное, научно ответить на вопрос: нужно ли это уголовному процессу и всем его правозащитным достоинствам? И традиционный юридический вопрос: кому это выгодно?

Идеи имеют свою миссию, в том числе тайную. Есть непрозрачная тайна (звучит парадоксально) и у прозрачности. Выражаясь афористично: «Эта прозрачность — не прозрачна». Человеку в силу врожденной самоуверенности (последствия статуса *Homo sapiens*) кажется, что он всегда может поставить барьер или точку в развитии идей и идеологий. История показывает, что это большое заблуждение. Как метко подметил один из декабристов М. С. Лунин «От людей можно отделяться, но от их идей нельзя» [11, с. 67]. Поэтому нужно постоянно помнить о том, что идеи любят идти до конца, не обращая внимания на людей и прочие издержки. В данном случае, следует исходить именно из идеологического понимания, в свете которого идея прозрачности заряжена на то, чтобы двигать правосудие и уголовный процесс до полной прозрачности, а в самом предельном варианте — к «призрачности». Именно этому идеалу, на наш взгляд, служит идея прозрачности, взятая в абсолютной чистоте своего истинного понимания. Именно это понимание и порождает сомнения.

Кто-то может упрекнуть меня в неуместном, оторванном от жизни мудрствовании. Но, полагаю, что задавать подобные вопросы — самое время. Пока не поздно. Пока идея прозрачности на-

¹ URL: <https://www.ritvus.com/index/0-1> (дата обращения: 21.11.2024).

ходится в «чреве» научного обсуждения. Пока феномен транспарентности правосудия и уголовного процесса по большей части дискуссионная проблема науки, а не бытия.

К счастью, научное сообщество осознает, что транспарентность правосудия — это проблема, требующая тщательного обсуждения. «Транспарентность российского правосудия, — пишет профессор А. А. Тарасов, — это сегодня одна из наиболее обсуждаемых проблем в юридической литературе по разным специальностям, в выступлениях с разных политических трибун, в средствах массовой информации» [12, с. 15].

Однако научным дискуссиям тоже свойственна тенденциозность. Представляется, что благодатная атмосфера научной дискуссии сама по себе может быть обозначена как специфическая тенденция, сопровождающая доктринальное освоение идеи транспарентности. Впрочем, научные дебаты, разворачивающиеся вокруг транспарентности правосудия вряд ли можно назвать баталиями. Сама тональность доктринального обсуждения идеи транспарентности достаточно специфична. В основном это консолидированные мнения в поддержку транспарентности уголовного судопроизводства с оговорками о возможных побочных явлениях слишком широкого ее внедрения. Даже в тех немногочисленных статьях, что мы обнаружили на просторах уважаемого ресурса Elibrary.ru, не нашлось особой антагонистической критики. Обсуждение, как я могу судить по первому знакомству с проблемой, по большей части напоминает активную пропаганду идеи транспарентности, ее комплиментарное продвижение на «рынок юстиции».

К слову, образ рынка у нас тоже возник неслучайно. И тоже в контексте сомнений, которые мы обязались генерировать. Идея транспарентности в качестве своего идеологического базиса рассматривает установку, согласно которой государство не охраняет, не оберегает, не возвращает гражданина, а лишь предоставляет ему определенные услуги — образовательные, развлекательные, медицинские, правоохранительные и т. д. Гражданин, будучи потребителем услуг, имеет право знать — из чего, кем и каким образом эта услуга делается, какого она качества, какой «свежести», «жирности» и т. п. Вместе с тем в самом слове «услуга» слышится подвох, особенно в части употребления этого слова применительно к правосудию и правоохранительной деятельности. Так и отзывается эхом: «Будьте так любезны, возбуждите уголовное дело... и чтобы я видел». Как тут не вспомнить известные строки из литературной

классики: «Служить бы рад, прислуживаться тошно». Правосудие как важнейшее направление государственной деятельности должно служить человеку и обществу (и в первую очередь обществу), а не прислуживать им. Уголовный процесс и правосудие — это не та сфера, в которой есть место лозунгу «клиент всегда прав», а презумпция невиновности ни в коем случае не должна толковаться в ключе — «чего изволите».

Вместе с тем нельзя не отметить, что отдельные сомнения о пределах внедрения и «подводных камнях» принципа транспарентности уголовного процесса в ходе научной дискуссии высказываются. В частности, непременно обращается внимание на то, что должны соблюдаться баланс прав и интересов различных участников уголовного процесса, учитываться всевозможные охраняемые законом и моралью тайны, а также специфика общих условий и ключевых положений стадии уголовного процесса. Но это по большей части не опасения, а только особые «рекомендации» по осмотрительному, но обязательному внедрению транспарентности.

Тем не менее привкус тревоги в обсуждении проблемы чувствуется. Не все авторы, симпатизирующие идее транспарентности, решаются выдвигать ее на пьедестал принципов (на наш взгляд, это тоже форма выражения сомнений), а лишь скромно говорят о том, что транспарентность — это способ реализации принципа открытости, т. е. не цель и не принцип, а лишь скромное средство. Правда, в итоге рассуждений эти исследователи все-таки называют транспарентность принципом уголовного процесса [8, с. 201]. Но подобная исследовательская оговорка объяснима: транспарентность как идея имеет мощный заряд принципа. Вопрос только в том — во благо будет этот принцип применен в уголовном процессе или во зло?

На волнах этого вопроса мы и восприняли задачу изучения мнений и выдвижения сомнений (этакий оппонент-самовыдвиженец) и с этих ревизионных позиций оценили мнения некоторых ученых. Особый интерес у нас вызвала позиция профессора А. А. Тарасова. Он описал транспарентность уголовного процесса кратко, но очень емко. Уже в аннотации определил: «Транспарентность — это доступность для общественного контроля не только собственно судебного, но и досудебного производства по уголовным делам» [12, с. 15]. «Контроль со стороны гражданского общества — это необходимое условие существования правосудия как такового. В такой доступности и состоит транспарентность правосудия» [12, с. 15].

Как видим, А. А. Тарасов выступает активным сторонником широкого распространения транспарентности, в том числе на все досудебное производство. С одной стороны, это предложение вполне логично: если идея провозглашается принципом, то ей пристало проявляться во всех стадиях уголовного процесса. Еще на первых лекциях В. Т. Томина по уголовному процессу в Горьковской высшей школе МВД СССР я воспринял, что принцип процесса — это «идея наиболее высокой степени общности». Однако данное толкование не означает, что принцип обязан унифицированно проявляться в разных уголовно-процессуальных стадиях. Проявление может быть разным. В одной стадии процесса принципа может быть много, а в другой вполне достаточно лишь его легкого «привкуса». Так вот, по моему мнению, на досудебных стадиях уголовного процесса «транспарентность» не может быть «основным блюдом», в лучшем случае лишь «приправой».

Будучи очарованными идеей транспарентности, не все ее сторонники готовы беспристрастно оценивать эти пропорции. Вот и А. А. Тарасов, отдавая должное следственной тайне (заметим, что это тоже «типологический принцип» уголовного процесса) сразу же находит повод для сомнений в ее непререкаемой благодати. «Нельзя, — акцентирует он, — не учитывать и другого: именно тайна создает благоприятную питательную среду для безнаказанного злоупотребления властью, фальсификации доказательств по уголовным делам, применения пыток и других незаконных способов получения желаемых показаний. Тайна, воспринятая представителем власти как возможность ни перед кем не отчитываться, создает условия для бесконтрольного распоряжения этой властью, а значит — для развития негативных процессов внутри правоохранительной системы» [12, с. 19].

Все это, конечно же, так, но одновременно и не совсем так. Злоупотребления имеют место. Это факт, и каждый день мы уведомляемся об этом средствами массовой информации. Факт и то, что немалое число служебных прегрешений, подтверждающих, что «все тайное становится явным», не обнаружится. Но это обстоятельство не отменяет справедливости другого правила: «Злоупотребление не отменяет употребления». Если смотреть на явления, о которых пишет А. А. Тарасов, объективно, то легко понять, что не принцип тайны предварительного следствия плох, а недостаточно хороши (а то и вовсе отвратительны) отдельные правоприменители. Вот с ними-то (с профилактикой личных издержек) и нужно работать, применяя

и расширяя возможности прокурорского надзора и ведомственного контроля, а не отменять тайну предварительного расследования. Деятельность следователя должна быть транспарентна для контролирующих субъектов. В части целесообразности и полезности допуска к следственным тайнам различных народных контролеров, да еще и с богатым опытом «другой стороны» нужно очень основательно подумать и подискутировать.

На наш взгляд, важна не открытость деятельности, а ее эффективный результат. Сторонники транспарентности уголовного процесса исходят из того, что есть сотрудники (намекают на то, что таких большинство), которые могут хорошо работать только в кабинетах со стеклянными стенами, т. е. под тщательным и всепроникающим надзором. Однако нетрудно понять, что сам этот надзор не делает их умельцами и добросовестными работниками. Дрянные кадры не превратятся в профессионалов в широко открытом для публики досудебном производстве. Да, возможно, в атмосфере транспарентности низкая квалификация следователя будет видна лучше. Но это опять же произойдет в том случае, если кто-то издержки малой профессиональной компетентности захочет увидеть и, главное, — сможет разглядеть их. Контролер и оценщик должны быть наделены не только полномочиями видеть, но и необходимыми познаниями, определенными личными нравственными и умственными качествами, позволяющими увидеть нарушение. У них должно быть особое любопытство. А есть ли оно сегодня у гражданина и общества? Интересно ли обществу, представленному в виде разрозненных индивидов, правосудие в принципе? Любопытно ли оно кому-нибудь, кроме тех, кто в него погружен в силу разных жизненных причин, невольно порождающих живой интерес? Транспарентность правосудия подразумевает и корреспондирующий ему общественный запрос. У нас же имеются сомнения: есть ли подобный запрос или же о наличии такового говорят лишь отдельные активисты, которые создают информационные платформы с названиями типа «Сутяжник».

Как видим, вопросов и сомнений относительно широкого внедрения в уголовный процесс принципа транспарентности сегодня имеется достаточно. Но это опять же свидетельствует не о том, что нужно с ходу отрицать сомнительные идеи, а о том, что нужно основательно размышлять о них, двигая все «за» и «против».

В заключение хочу сказать, что я ни в коей мере не являюсь противником транспарентности. Я лишь,

как назначенный оппонент в научном споре, попытался рассуждать на предмет возможных сомнений. У меня нет ничего личного к идее транспарентности, нет даже и «бизнеса» (вспомнилась любимая американская присказка «ничего личного, только бизнес»). Это просто интеллектуальное упражнение по розыску и обнаружению сомне-

ний. Такой эвристический путь к существу этой идеи. Поэтому, на всякий случай, заранее возражаю, чтобы исследователи, выступающие за широкую реализацию прозрачности уголовного процесса, позиционировали меня в своих трудах как ярого противника транспарентности.

1. Поляков М. П., Смолин А. Ю. Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве: монография. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2011. 152 с.

2. Пьянкова Н. В. Реализация принципа процессуальной самостоятельности и независимости следователя, руководителя следственного органа во взаимоотношениях с прокурором и судом: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2023. 232 с.

3. Россинский С. Б. Отзыв официального оппонента на диссертацию Пьянковой Натальи Викторовны «Реализация принципа самостоятельности и независимости следователя, руководителя следственного органа во взаимоотношениях с прокурором и судом», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки). URL: https://на.мвд.пф/Наука/Dissovery/Doktorskij_sovet_D_203.009.01/Attestacija_nauchno_pedagogicheskikh_kadr/Polnie_teksti_dissertacij_avtoreferati_i/pjanкова-наталья-викторовна (дата обращения: 21.11.2024).

4. Аширбекова М. Т. Принципы уголовного судопроизводства: их сущностные черты, свойства и система // Уголовное судопроизводство: современное состояние и основные направления совершенствования: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию юбилею д-ра юрид. наук, проф. А. В. Гриненко. Москва: МГИМО МИД России, 2016. С. 69—74

5. Зайцева Е. А. О гласности и транспарентности в уголовном судопроизводстве // Казахстан на пороге 30-летия Независимости: взгляд в прошлое, настоящее и будущее: материалы Междунар. науч.-практ. онлайн-конференции, посвященной 30-летию Независимости Республики Казахстан, Караганда, 27 мая 2021 г. / под ред. Ф. С. Момышевой. Караганда: Карагандинский университет Казпотребсоюза, 2021. С. 15—19.

6. Павленков Р. В., Колосович М. С. Транспарентность деятельности властных субъектов

1. Polyakov M. P., Smolin A. Yu. Principle of procedural economy in criminal proceedings. A monograph. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2011: 152. (In Russ.).

2. Piyankova N. V. Realization of the principle of procedural autonomy and independence of the investigator, the head of the investigative body in relations with the prosecutor and the court. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Nizhny Novgorod; 2023: 232. (In Russ.).

3. Rossinsky S. B. Review of the official opponent on the dissertation of Natalia Victorovna Piyankova "Realization of the principle of procedural autonomy and independence of the investigator, the head of the investigative body in relations with the prosecutor and the court", submitted for the degree of candidate of juridical sciences (Specialty 5.1.4. Criminal Law Sciences (juridical sciences)). Available from: https://на.мвд.пф/Наука/Dissovery/Doktorskij_sovet_D_203.009.01/Attestacija_nauchno_pedagogicheskikh_kadr/Polnie_teksti_dissertacij_avtoreferati_i/pjanкова-наталья-викторовна. Accessed: 21 November 2024. (In Russ.).

4. Ashirbekova M. T. Principles of criminal proceedings: their essential features, properties and system. In: Criminal proceedings: current state and main directions of improvement. A collection of materials of the international scientific and practical conference, dedicated to the 50-th anniversary of A. V. Grinenko, doctor of juridical sciences, professor. Moscow: MGIMO MFA of Russia; 2016: 69—74. (In Russ.).

5. Zaitseva Ye. A. On publicity and transparency in criminal proceedings. In: Kazakhstan on the threshold of the 30-th anniversary of independence: a look into the past, present and future. Materials of the international scientific-practical conference, dedicated to the 30-th anniversary of Independence of the Republic of Kazakhstan (Karaganda, 27 May 2021). Ed. by F. S. Momysheva. Karaganda: Karaganda University of Kazpotrebsoyuz; 2021: 15—19. (In Russ.).

6. Pavlenkov R. V., Kolosovich M. S. Transparency of activities of authority subjects of criminal

уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1 (68). С. 120—132.

7. Азаров В. А. Действительно ли отказ от «общецивилизационного мирового тренда» в уголовном судопроизводстве губелен для России? // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1 (68). С. 11-19.

8. Зотова А. Ф. Транспарентность как способ реализации принципа открытости уголовного судопроизводства // Форум. 2022. № 1(27). С. 198—201.

9. Абросимова Е. Транспарентность правосудия // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2002. № 1 (38). С. 142—152.

10. Проблемы транспарентности правосудия: монография / [Чижков С. Л. и др.; ред.-сост. Е. Б. Абросимова, С. Л. Чижков]; Гильдия судебных репортеров. Москва: ЛексЭст, 2005. 322 с.

11. Лунин М. С. Письма из Сибири. М.: Наука, 1988. 272 с.

12. Тарасов А. А. Транспарентность правосудия — сущностный признак правового государства // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 4 (34). С. 15—20.

Поляков Михаил Петрович,

профессор кафедры уголовного процесса
Нижегородской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
polmihpet@rambler.ru

proceedings. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 120—132, 2024. (In Russ.).

7. Azarov V. A. Is the rejection of the "general civilizational world trend" in criminal proceedings really harmful for Russia? Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 11—19, 2024. (In Russ.).

8. Zotova A. F. The transparency as a way to realize the principle of openness in criminal proceedings. Forum, 198—201, 2022. (In Russ.).

9. Abrosimova Ye. Transparency of justice. Constitutional law: East European review, 142—152, 2002. (In Russ.).

10. Chizhkov S. L. (et al.) Problems of justice transparency. A monograph. ed.-coll. Ye. B. Abrosimova, S. L. Chizhkov; Court reporters guild. Moscow: LexEst; 2005: 322. (In Russ.).

11. Lunin M. C. Letters from Siberia. Moscow: Nauka; 1988: 272. (In Russ.).

12. Tarasov A. A. The transparency of justice as an essential feature of the law-governed state. The law-governed state: theory and practice, 15—20, 2013. (In Russ.).

Polyakov Mikhail Petrovich,

professor at the department
of criminal procedure
of the Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, full professor,
honored scientist of the Russian Federation;
polmihpet@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 10.10.2024; одобрена после рецензирования 19.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.

The article was submitted 10.10.2024; approved after reviewing 19.10.2024; accepted for publication 14.11.2024.

* * *

УДК 343.137.5

**СПОСОБЫ НИВЕЛИРОВАНИЯ
НЕГАТИВНОГО ВЛИЯНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Татьяна Владимировна Чеботарева

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, t.v.chebot@gmail.com

Аннотация. Право на детство является одним из самых охраняемых прав во всем мире. Дети нуждаются в особой поддержке и заботе, и данное утверждение еще более актуально, когда им приходится становиться участниками уголовного судопроизводства в качестве потерпевших.

Уголовный процесс является достаточно жестким видом государственной деятельности, и сам факт участия несовершеннолетних в нем вынуждает законодателя и правоприменителей изыскивать способы нивелирования негативного влияния уголовного судопроизводства и его процедур на физическое и психическое здоровье детей-жертв. Следственные действия справедливо считаются главным способом собирания доказательств в уголовном процессе. Очевидно, что особенности их производства зависят не только от процессуального положения участника, но и от его личностных характеристик. В настоящей статье автор рассматривает особенности проведения следственных действий, устанавливаемых уголовно-процессуальным законом, с участием несовершеннолетних потерпевших.

Ключевые слова: уголовный процесс, потерпевший, несовершеннолетний потерпевший, следственные действия, защита прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших

Для цитирования: Чеботарева Т. В. Способы нивелирования негативного влияния следственных действий на несовершеннолетних потерпевших в уголовном процессе // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 4 (71). С. 77—83.

**WAYS OF LEVELLING NEGATIVE INFLUENCE
OF INVESTIGATIVE ACTIONS ON MINOR VICTIMS
IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

Tatiana Vladimirovna Chebotareva

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, t.v.chebot@gmail.com

Abstract. The right to childhood is one of the most protected rights all over the world. Children need special support and care, and this statement is especially topical, when they have to become participants in criminal proceedings as victims.

Criminal proceeding is a rather harsh type of state activity, and the very fact of minors' involving in it forces legislators and law enforcers to find ways of leveling the negative impact of criminal proceedings and its procedures on the physical and mental health of child victims. Investigative actions are rightly considered to be the main means of gathering evidence in criminal proceedings. Obviously, the peculiarities of these actions depend not only on the procedural position of the participant, but also on his personal characteristics. In the article the author considers the peculiarities of conducting investigative actions established by the criminal procedure, with the participation of minor victims.

Keywords: criminal procedure, victim, minor victim, investigative actions, protection of rights and legitimate interests of minor victims.

For citation: Chebotareva T. V. Ways of levelling negative influence of investigative actions on minor victims in criminal proceedings. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 77—83, 2024. (In Russ.)

Несмотря на детальную законодательную регламентацию процедуры производства каждого следственного действия, само участие в них часто оказывается крайне травмирующим для ребенка, находящегося в непривычной обстановке, вынужденного неоднократно повторять подробности произошедшего преступления и нередко лицом к лицу сталкиваться с обвиняемым. Очевидно, что от действий и профессионализма следователя, от тактики, которую он выберет при производстве того или иного следственного действия, зависят психоэмоциональное состояние несовершеннолетнего потерпевшего и возможность его продуктивного участия в производстве по уголовному делу в дальнейшем.

Очень важным способом нивелирования негативного влияния следственных действий на несовершеннолетнего потерпевшего является, на наш взгляд, ограничение их продолжительности. Уголовно-процессуальный закон делит несовершеннолетних потерпевших и свидетелей на возрастные группы и для каждой из них устанавливает максимальные значения длительности их проведения (ст. 191 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ)). Как и ожидалось, такое деление вызвало ряд положительных и отрицательных откликов. Некоторые авторы считают его надуманным [1]. Другие же полагают, что законодатель не просто так дифференцировал несовершеннолетних потерпевших на группы по возрасту, а руководствовался при этом рекомендациями психологов, основанными на проведенных исследованиях [2]. Думается, что закрепленные правовые положения о временной продолжительности следственных действий с несовершеннолетними крайне важны и представляют собой предельные значения для конкретного возраста, тогда как именно следователь при участии специалиста (педагога или психолога) может регулировать их продолжительность в зависимости от конкретной ситуации и состояния потерпевшего.

Негативно сказываются на несовершеннолетних потерпевших непродуманные, непрофессиональные действия следователя при производстве некоторых следственных действий. Например, часто следователи не видят разницы между допросом взрослых и малолетних потерпевших, не корректируют свои вопросы с поправкой на возраст, показания в протоколе допроса излагают языком взрослого человека. Тем временем для установления контакта с несовершеннолетним крайне важно избирать тактику допроса с учетом

возрастной категории потерпевшего, изучать личность ребенка перед допросом. Не менее важен для психологического комфорта ребенка-жертвы и выбор места проведения следственного действия. Однако мнения теоретиков и практиков на этот счет расходятся. Так, А. Б. Соколов предлагает выбирать для допроса несовершеннолетнего привычное ему место (место учебы или жительства) [3]. А. А. Ручина, в свою очередь, считает, что допрос по месту учебы может скомпрометировать несовершеннолетнего, вызвать чувство стыда, страха, осуждения. Допрос же по месту жительства излишне расслабляет его [4]. Несомненно, определение места допроса должно производиться следователем индивидуально в каждом конкретном случае, исходя, прежде всего, из интересов несовершеннолетнего.

Некоторые трудности вызывает на практике и производство очной ставки с несовершеннолетним потерпевшим. Данное следственное действие обладает высокой степенью воздействия на его участников, нередко сопровождается конфликтными взаимоотношениями, высокой эмоциональной напряженностью и непредсказуемым результатом. Именно поэтому следователь должен взвесить все риски, которые могут возникнуть при производстве очной ставки с несовершеннолетним потерпевшим.

Полагаем, что проводить очную ставку с несовершеннолетним потерпевшим можно только в тех случаях, когда исчерпаны другие возможности устранения возникших в показаниях противоречий. Очевидно, данное следственное действие, проводимое между взрослым преступником и ребенком, может повлечь сильнейшее душевное потрясение для последнего, ведь несовершеннолетнему придется вновь проговаривать подробности произошедшего с ним и встречаться очно с подозреваемым (обвиняемым). В случае если возникшие противоречия никакими другими способами устранить не представилось возможным, следователь должен принять все меры к тому, чтобы морально подготовить несовершеннолетнего к очной ставке и предотвратить попытки воздействия обвиняемого на потерпевшего.

В целях обеспечения благоприятной для несовершеннолетнего потерпевшего обстановки и снижения негативного влияния следственных действий на детей — участников уголовного судопроизводства был издан приказ Следственного комитета Российской Федерации (далее — СК РФ) «Об оборудовании специальных помещений для производства в Следственном комитете РФ след-

ственных и иных процессуальных действий с участием несовершеннолетних»¹. Согласно данному приказу в следственных органах СК РФ «с учетом динамики преступности и других обстоятельств» должны быть оборудованы помещения для работы с несовершеннолетними. Задачами таких помещений являются: создание благоприятного психологического климата и доверительной обстановки при производстве процессуальных действий с несовершеннолетними, изменение негативного отношения детей к расследованию, диагностика психологического состояния несовершеннолетнего, пресечение стрессовых ситуаций и нормализация психологического состояния.

Ученые-психологи положительно откликнулись на данную инициативу СК РФ, поскольку создание таких помещений является неотъемлемой частью развития правосудия, дружественного к детям. В своих рекомендациях специалисты предлагают оснащение для подобных комнат (игрушки, материалы для рисования, фигуры людей и животных, анатомические картинки и т. д.) в целях снижения рисков травматизации несовершеннолетних в процессе производства с ними следственных действий. В связи с этим небезыntenесен опыт белорусских правоприменителей. Там по распоряжению правительства были созданы так называемые дружественные комнаты, специально оборудованные для производства следственных действий с малолетними участниками судопроизводства [5].

Разумеется, проведение процессуальных действий в специально созданной доброжелательной к ребенку — участнику уголовного процесса обстановке способствует снижению его тревожности, помогает наладить контакт со следователем и другими участниками процесса и получить от него доказательственную информацию. Однако независимое анкетирование сотрудников СК РФ показало, что такие помещения есть далеко не во всех следственных отделах, а их повсеместное распространение затруднено в силу причин, связанных со стоимостью материально-технического обеспечения [6, с. 168].

¹ Об оборудовании специальных помещений для производства в Следственном комитете Российской Федерации следственных и иных процессуальных действий с участием несовершеннолетних: приказ Следственного комитета РФ от 3 марта 2015 г. № 19 // Информ.-правовой портал «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/72044494/paragraph/1/doclist/6768/1/0/> (дата обращения: 18.06.2024).

Следующим способом снижения негативного влияния процессуальных действий на несовершеннолетних потерпевших является указание закона на необходимость производства видеозаписи некоторых следственных действий с их участием (ст. 191 УПК РФ). Данная норма — следствие внедрения в российский уголовный процесс международных стандартов осуществления правосудия, дружественного к детям. Это положение закона позволяет лицам, ведущим производство по уголовному делу, с привлечением специалиста, оценить показания потерпевшего в отсутствие его самого. Кроме того, ч. 6 ст. 281 УПК РФ позволяет заменить допрос несовершеннолетнего в суде демонстрацией видеозаписи, сделанной в ходе предварительного расследования, что, безусловно, позволяет снизить риски повторной виктимизации потерпевшего.

Однако реализация данного положения на практике затруднена в силу ряда причин. Во-первых, часто несовершеннолетние потерпевшие и / или их законные представители возражают против производства видеозаписи следственных действий, не понимая, для чего конкретно это нужно, и опасаясь попадания таких видеозаписей в руки «третьих лиц». Во-вторых, следователи не прилагают особых усилий для разъяснения потерпевшему и его представителю преимуществ видеозаписи, поскольку при ознакомлении с ней суда, прокурора или защитника могут быть выявлены процессуальные ошибки самого следователя. Вместе с тем замена видеозаписью последующих допросов ребенка-жертвы на досудебном производстве и в суде имеет огромное значение, позволяя оградить несовершеннолетнего от дополнительных моральных страданий.

Кроме того, в целях снижения негативного влияния процессуальных действий на несовершеннолетнего потерпевшего следователю необходимо стремиться к однократному их производству. Очевидно, что повторение процессуальных действий с пострадавшим ребенком как минимум негуманно. Мировое сообщество давно идет по пути сокращения числа и временной продолжительности следственных действий с детьми.

К сожалению, на практике нередки случаи многократного производства следственных действий с несовершеннолетними потерпевшими без особой необходимости. Так, при производстве по уголовному делу о преступлении против половой неприкосновенности 14-летнюю потерпевшую за год допросили порядка 10 раз на стадии предварительного расследования и 13 раз на стадии

судебного разбирательства. Кроме того, между ней и обвиняемым была проведена очная ставка, на которой ей приходилось отвечать на вопросы и самого обвиняемого, и его защитника. Несмотря на то что в уголовном деле имелось заключение специалиста-психолога о наличии у потерпевшей таких заболеваний, как депрессия и суицидальный риск, следователь продолжил вызывать потерпевшую для производства следственных действий [7]. Данный пример явно показывает, как негативно влияют непрофессиональные действия следователя, создавая риск повторной виктимизации для пострадавшего ребенка. СК РФ в своих рекомендациях также требует от следователей сведения к минимуму числа следственных действий, проводимых с детьми [8].

В свете сказанного в целях нивелирования негативного влияния процессуальных процедур на несовершеннолетних потерпевших не оставляет сомнений необходимость участия в уголовном судопроизводстве с ними таких лиц, как педагог или психолог. Думается, этим же руководствовался и законодатель, устанавливая в ст. 191 УПК РФ обязательность присутствия одного из данных специалистов при производстве некоторых следственных действий с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей.

И педагог, и психолог призваны в первую очередь создать комфортную, благоприятную обстановку следственного действия с несовершеннолетним, оказать помощь в налаживании контакта со следователем. На наш взгляд, целесообразно перед началом следственного действия предоставить психологу (педагогу) информацию о личностных характеристиках несовершеннолетнего потерпевшего, его условиях жизни, заболеваниях, семейных обстоятельствах. Изучив эти данные, специалист сможет помочь следователю в налаживании контакта с несовершеннолетним, сформулировать и правильно поставить соответствующие вопросы для производства допроса, снизить тревожность ребенка, а также дать следователю профессиональную консультацию по психологическому состоянию несовершеннолетнего и связанной с этим допустимой продолжительностью следственного действия.

Однако участие педагога или психолога имеет некоторые проблемы в практической деятельности. Во-первых, в теории и практике идут дискуссии по поводу определения процессуального статуса данных участников. Одни считают, что и педагог, и психолог являются специалистами, поскольку привлекаются в уголовный процесс в связи с наличием

специальных знаний и в целях оказания содействия правосудию. Другие же полагают, что данные лица выполняют комплекс функций: от представления интересов несовершеннолетнего (наряду с законным представителем) до удостоверения факта произведенного следственного действия и применения в ходе него специальных знаний. Значит, их процессуальная функция шире функции специалиста [9]. Е. В. Марковичева утверждает, что для данных участников должен быть предусмотрен особый статус, поскольку их деятельность по своей специфике не совпадает с деятельностью специалиста [10]. Очевидно, что в современном российском уголовном процессе педагоги и психологи выполняют функции, выходящие за рамки специалиста, следовательно, их положение требует определенной доработки, а именно уточнения их процессуального статуса с наделением соответствующими правами и обязанностями с учетом потребностей несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве.

Кроме того, на практике часто встречаются трудности, связанные с отсутствием алгоритма выбора специалиста для производства следственного действия. Закон устанавливает обязательность участия психолога при производстве по делам о преступлениях против половой неприкосновенности. Полагаем, это связано с сущностью данного противоправного деяния, которое характеризуется особой степенью вторжения в частную жизнь несовершеннолетнего и его семьи, а также имеет массу негативных отсроченных последствий для физического и психического здоровья ребенка. В остальных случаях решение о том, кого конкретно (педагога или психолога) приглашать для участия в следственном действии, остается на усмотрение следователя.

В связи с этим имеются обоснованные сомнения в том, что следователь, который не имеет профессиональных познаний в области детской психологии и педагогики, находясь в постоянном режиме экономии времени, часто «не заморачивается» выбором подходящего специалиста. Об этом свидетельствуют и проведенные неформальные беседы с сотрудниками СК РФ, в ходе которых последние подтвердили, что им не особо важно, какого конкретно специалиста приглашать для участия в следственном действии, а если говорить об удаленных от областных центров районах, выбор специалистов там и вовсе невелик. Кроме того, многие практики вообще не считают необходимым участие педагога и психолога. Проведенное независимое анкетирование следовате-

лей показало, что они видят в данных специалистах излишнее препятствие для производства процессуальных действий, дополнительную нагрузку, связанную с поиском и подбором нужного специалиста [6].

Очевидно, что подобное положение дел влечет за собой неэффективное применение специальных психолого-педагогических знаний в уголовном судопроизводстве. Крайне важно, чтобы следователь добросовестно обеспечивал участие педагога или психолога и организовывал им надлежащие условия для реализации своих специальных знаний в целях обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших.

Возвращаясь к вопросу выбора специалиста для производства следственного действия, необходимо отметить, что педагог, обладающий соответствующим опытом, может успешно налаживать контакты с детьми. Однако ученые и правоприменители выражают сомнения по поводу эффективности данной коммуникации, например, с детьми, подвергшимися насилию. Все чаще можно встретить утверждение, что для участия в следственных действиях наиболее подходящими являются знания психолога, чем педагога. В ходе проведенных исследований были получены результаты, свидетельствующие о том, что именно психолог может способствовать побуждению допрашиваемого к даче правдивых и достоверных показаний. Немаловажна помощь психолога в предотвращении агрессивности несовершеннолетнего, нервозности, чувства стыдливости, настороженности, замкнутости. Нельзя переоценить значение участия именно психолога в допросе несовершеннолетнего, пострадавшего от сексуального насилия, которое всегда носит психотравмирующий характер [11]. В связи с этим некоторые авторы выступают за исключение педагога из текста УПК РФ,

оставив только психолога, поскольку именно этот специалист обладает знаниями в области детской психологии разного возраста [11]. Между тем нельзя умалять и роль педагога в уголовном судопроизводстве. Его участие, на наш взгляд, также необходимо в некоторых ситуациях, возможно, с более старшими по возрасту несовершеннолетними участниками процесса.

Таким образом, психологическая и физическая незрелость несовершеннолетних обуславливает необходимость адаптации процессуальных процедур под их особые потребности. К детям, как наиболее уязвимой категории потерпевших, должен применяться в уголовном судопроизводстве максимально щадящий индивидуальный подход, направленный на недопущение причинения им дополнительной травмы, а также их дальнейшую успешную реабилитацию.

Однако практика показывает, что нередко лица, ведущие производство по уголовным делам с участием несовершеннолетних потерпевших, своими грубыми непрофессиональными действиями причиняют им вред, который по силе воздействия может превысить вред от самого преступления. Недостаточная эффективность защиты детей-жертв при производстве с ними следственных действий, несовершенство законодательства об участии педагога и психолога и неопределенность процессуального статуса последних влекут нарушение прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших. Очевидно, что данные проблемы требуют дальнейшего теоретического осмысления силами ученых — психологов, криминологов, криминалистов, процессуалистов и разработки практических рекомендаций по нивелированию негативного влияния следственных действий на несовершеннолетних потерпевших.

1. Дударев В. А. Порядок производства допроса несовершеннолетних потерпевших (свидетелей) по уголовно-процессуальному законодательству России и Республики Беларусь // Международное уголовное право. 2015. № 1. С. 21—25.

2. Дозорцева Е. Г., Красавина А. Г. Правила проведения допросов несовершеннолетних, потерпевших от преступлений // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13, № 3. С. 23—31.

3. Соколов А. Б. Организационно-тактические особенности допроса несовершеннолет-

1. Dudarev V. A. The procedure of interrogation of underage victims (witnesses) under the criminal procedural legislation of Russia and the Republic of Belarus. International criminal law, 21—25, 2015. (In Russ.).

2. Dozortseva Ye. G., Krasavina A. G. Rules of interrogation of minors, victims of crime. Cultural and historical psychology, 23—31, 2017. (In Russ.).

3. Sokolov A. B. Organisational and tactical features of interrogation of a juvenile suspect in criminal cases of theft. Psychopedagogy in law enforcement agencies, 73—78, 2015. (In Russ.).

него подозреваемого по уголовным делам о кражах // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 3 (62). С. 73—78.

4. Ручина А. А. Организационно-тактические особенности подготовительного этапа допроса несовершеннолетнего подозреваемого // Теория и практика правоохранительной деятельности. 2022. № 4. С. 43—48.

5. Плахота К. С. Сравнительно-правовой анализ законодательства и практики применения видео-конференц-связи на стадии предварительного следствия в странах ближнего зарубежья // Инновационные технологии в криминалистике: материалы междунар. науч.-практич. конф. Караганда: Караганд. академия МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова, 2021. С. 122—124.

6. Чеботарева Т. В. Уголовно-процессуальный статус потерпевших от преступлений против половой неприкосновенности: теоретический и прикладной аспекты: монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н. С. Мановой. Москва: Юрлитинформ, 2024. 168 с.

7. Николюк В. В., Судницын А. Б. Концепция одного допроса несовершеннолетнего потерпевшего // Научный портал МВД России. 2023. № 1 (61). С. 90—97.

8. Методические рекомендации по организации и ведению допроса несовершеннолетних в специализированном помещении на этапе следствия. Санкт-Петербург: Врачи детям, 2014. 66 с.

9. Латыпов В. С. Оказание содействия педагогом и психологом в российском уголовном процессе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 138—144.

10. Марковичева Е. В. Проблемы участия педагога и психолога в уголовном процессе // Вестник Удмуртского университета. 2017. Т. 27, № 2. С. 133—138.

11. Медведева А. С. Комплексирование как тенденция развития института специальных знаний в уголовном процессе с участием несовершеннолетних // Сибирское юридическое обозрение. 2022. № 2. С. 165—174.

4. Ruchina A. A. Organisational and tactical features of the preparatory stage of interrogation of a juvenile suspect. Theory and practice of law enforcement, 43—48, 2022. (In Russ.).

5. Plakhota K. S. Comparative-legal analysis of the legislation and practice of video-conference communication at the stage of preliminary investigation in the countries of the near abroad. In: Innovative technologies in criminalistics. Materials of the International scientific conference. Karaganda: Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after B. Beisenov, 2021: 122—124. (In Russ.).

6. Chebotareva T. V. Criminal-procedural status of victims of crimes against sexual inviolability: theoretical and applied aspects. Monograph. Ed. by doctor of judicial sciences, prof. N. S. Manova. Moscow: Yurлитinform; 2024: 168. (In Russ.).

7. Nikolyuk V. V., Sudnitsyn A. B. Concept of one interrogation of a minor victim. Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 90—97, 2023. (In Russ.).

8. Methodological recommendations on the organisation and conduct of interrogation of minors in a specialised facility at the investigative stage. Saint Petersburg: Doctors to Children; 2014: 66. (In Russ.).

9. Latypov B. C. Assistance by a pedagogue and psychologist in the Russian criminal process. Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 138—144, 2022. (In Russ.).

10. Markovicheva Ye. V. Problems of participation of the pedagogue and psychologist in the criminal process. Bulletin of Udmurt University, 133—138, 2017. (In Russ.).

11. Medvedeva A. S. Complementation as a trend in the development of the institute of special knowledge in criminal proceedings involving minors. Siberian legal review, 165—174, 2022. (In Russ.).

Чеботарева Татьяна Владимировна,

старший преподаватель
кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной
юридической академии,
кандидат юридических наук;
t.v.chebot@gmail.com

Chebotareva Tatiana Vladimirovna,

senior lecturer
at the department of criminal procedure
of the Saratov State Law Academy,
candidate of juridical sciences;
t.v.chebot@gmail.com

Статья поступила в редакцию 20.06.2024; одобрена после рецензирования 24.06.2024; принята к публикации 14.11.2024.

The article was submitted 20.06.2024; approved after reviewing 24.06.2024; accepted for publication 14.11.2024.

* * *

УДК 343.16

**ПРАВОВЫЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ НЕСОВЕРШЕНСТВА
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СУДА
С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ**

Дарья Олеговна Чистилина

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия, darya-chistilina@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем, возникающих при реализации правовых норм, которые регламентируют производство в суде с участием присяжных заседателей. Данная форма судопроизводства ввиду процедурных особенностей считается усложненной. Подготовка к судебному разбирательству в подобном суде занимает большое количество времени, поэтому важно особое внимание обратить на корректность самого процесса. Часто ошибки, допускаемые сторонами, могут не только отразиться на объективности вердикта, но и впоследствии привести к отмене приговора, постановленного таким судом. Большая часть ошибок относится к категории формальных, из чего можно сделать вывод о необходимости посвящения в процедурные тонкости производства в суде с участием присяжных заседателей как самих присяжных, так и других участников процесса. Нередко ошибки допускают именно профессионалы, что указывает на их неумение работать в таком суде. Дороговизна процесса, значительные временные затраты требуют внимательного отношения к рассмотрению уголовного дела в суде с участием присяжных заседателей начиная с досудебных стадий.

Ключевые слова: суд с участием присяжных заседателей, судья, прокурор, защитник, формирование коллегии, подсудимый, вердикт, приговор

Для цитирования: Чистилина Д. О. Правовые и практические несовершенства функционирования суда с участием присяжных заседателей // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 4 (71). С. 84—90.

**LEGAL AND PRACTICAL FLAWS
WITHIN JURY TRIAL PROCEDURE**

Dariya Olegovna Chistilina

Southwest State University, Kursk, Russia, chistilina@yandex.ru

Abstract. The article looks into the issues that arise while implementing the legal norms that regulate the jury trial procedure. This kind of legal procedure is considered complicated due to procedural peculiarities. Preparation for this kind of trial takes a lot of time therefore it is essential to pay particular attention to the accuracy of the trial procedure. Often mistakes made by both parties may result in incorrect or overturned trial judgement. Most of such mistakes belong to the category of formal ones suggesting the importance of understanding the intricacies of jury trial procedure not only by the jury but also by the parties. Frequently mistakes are made by professionals indicating their lack of jury trial procedure competence. Time and financial expenditures of such mistakes lead to the conclusion of drawing special attention to jury trial procedure at pre-trial stages.

Keywords: jury trial, a judge, a prosecutor, a defence attorney, formation of the jury, a defendant, judgement, a sentence

For citation: Chistilina D. O. Legal and practical flaws within jury trial procedure. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 84—90, 2024. (In Russ.).

Суд с участием народного элемента существовал в той или иной форме на протяжении всей мировой истории. В России он находил свое воплощение в суде с участием присяжных заседателей, а также суде народных заседателей. Существовали и более ранние формы, однако их сложно назвать сформировавшимися институтами уголовного процесса. В настоящее время суд с участием представителей народа нашел свое воплощение в суде с участием присяжных заседателей, который был возрожден благодаря появлению в ч. 5 ст. 32 Конституции Российской Федерации 1993 г. права граждан на участие в отправлении правосудия.

Эта форма судопроизводства считается наиболее гуманной и демократичной. По данным судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, количество оправдательных приговоров, вынесенных таким судом, уже несколько лет сохраняется на уровне 25 %, и это положительно сказывается на отношении населения к нему. Однако большая часть приговоров таких судов отменяется по формальным основаниям¹, что в недобросовестных руках служит орудием борьбы с судом с участием присяжных заседателей. Именно поэтому особое внимание хотелось бы обратить на формальную сторону судебного разбирательства в таком суде в ходе всех его этапов.

Сама идея суда с участием присяжных заседателей предполагает реальную самостоятельность граждан при принятии ими решения относительно виновности лица, находящегося на скамье подсудимых. Вместе с тем граждане, которые будут решать данный вопрос, должны отвечать определенным требованиям. Так, в ст. 3 Федерального закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ содержатся требования, предъявляемые к кандидатам в присяжные заседатели, а также описаны обстоятельства, препятствующие получению данного статуса, среди которых есть такие, которые нельзя идентифицировать на первоначальном этапе.

Безусловно, аппарат суда должен приложить усилия, чтобы в предварительный список попали кандидаты, которые отвечают требованиям, установленным законом. Однако качество общих и запасных списков, составляемых органами исполни-

тельной власти, находится на достаточно низком уровне, что вызывает необходимость дополнительной проверки лиц, входящих в них. На наш взгляд, аппарат суда или специально созданный для этих целей орган должен осуществлять доработку данных списков, чтобы на отбор не попали лица, явно не подходящие на роль присяжных заседателей. Помимо этого, можно создать специальную комиссию, которая будет формировать общие и запасные списки кандидатов в присяжные заседатели. В нее будут входить представители органов исполнительной власти и суда. В последующем это поможет существенно сократить время, затрачиваемое на отбор [1].

Однако качество общих и запасных списков не является основной проблемой этапа отбора присяжных заседателей в коллегию. На этом этапе важна работа сторон, которые стремятся создать для себя «более удобную» коллегию. Защитнику и государственному обвинителю при этом важно уметь правильно задавать вопросы, чтобы получить необходимую информацию от присяжных. На практике были случаи, когда присяжных обвиняли в утаивании определенной информации, однако они, в свою очередь, утверждали, что их об этом не спрашивали. Данная проблема, конечно, кроется не только в недоработках сторон и суда, но и в низком уровне правовых знаний самих потенциальных присяжных.

Для того чтобы избежать подобной проблемы, граждане, приходящие на отбор, должны быть ознакомлены (хотя бы в общих чертах) с положениями закона, регламентирующими правовой статус присяжного заседателя в России, а также общими условиями судебного разбирательства. Кроме того, не лишним будет и разъяснение таких уголовно-процессуальных принципов, как презумпция невиновности, право на защиту и состязательность. Все это поможет потенциальным присяжным понять свою роль и предназначение в суде с участием присяжных заседателей. Это имеет особое значение ввиду того, что большинство граждан, приходящих на отбор, мало представляют, что им придется делать в ходе процесса, поэтому часто опрометчиво отказываются от данной роли в рамках формирования коллегии присяжных заседателей либо вовсе не приходят на отбор [2]. В связи с этим считаем, что не лишним будет вместе с повесткой направлять гражданам так называемую «Памятку присяжного заседателя», в которой будут изложены требования, предъявляемые к присяжным заседателям, и основные правила судебного разбирательства. Безусловно, это по-

¹ Судебная статистика по делам, рассматриваемым федеральными арбитражными судами, федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 06.05.2024).

может организационно и морально подготовиться человеку к исполнению роли присяжного заседателя и не допускать ошибок как в ходе отбора, так и в процессе судебного разбирательства, если он все же войдет в коллегию.

На данный аспект стоит обратить особое внимание, так как именно по формальным основаниям чаще всего отменяют приговоры, вынесенные судом с участием присяжных заседателей. Ведь на вероятность отмены приговора влияет не только поведение сторон и суда, но и действия присяжных заседателей.

Практика раздачи подобных памяток широко распространена в США, что помогает гражданам не только подготовиться к судебному процессу, но и не вступать в непроцессуальное взаимодействие с кем бы то ни было, помимо судьи и аппарата суда. Хотелось бы также обратить внимание на то, что во многих странах граждане считают почетной обязанностью быть в составе коллегии суда, знаком особого доверия государства к ним. Этого, к сожалению, не наблюдается в России, где исполнение обязанностей присяжного заседателя считается повинностью. В связи с этим граждане стараются избежать участия и в отборе, и в коллегии. Ситуацию осложняет еще и то, что, согласно действующему законодательству, не предусмотрена ответственность за неявку на отбор, поэтому аппарату суда приходится рассылать сотни, а иногда и тысячи повесток, чтобы собрать необходимое число граждан на отбор. Штрафные санкции предусмотрены лишь тогда, когда гражданин уже принял присягу и не явился. Однако и в этом случае штраф не очень велик и составляет 2 500 рублей (ст. 117 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ). Все это усложняет процесс, делает его дорогостоящим и увеличивает его продолжительность. Такое положение дел не способствует распространению данного демократического института.

Основными причинами неявки на отбор являются сомнения граждан в своей объективности либо жалобы на то, что их не отпускает работодатель, обосновывая это тем, что работника некому заменить. Хотя иногда даже те, кто приходит на отбор, заявляют самоотвод по личным причинам, что также ставит под угрозу срыва саму процедуру по количественному показателю.

На практике были даже вопиющие случаи. Так, в 2017 г. по резонансному делу «приморских партизан» пришлось прибегнуть к шести попыткам, чтобы сформировать коллегию присяжных заседателей. Основным препятствием было то, что на

отбор не являлось достаточное количество кандидатов в присяжные заседатели¹. Причиной, скорее всего, явилась боязнь мести со стороны подсудимых и их родственников. В данном случае помочь могла разъяснительная беседа с населением относительно возможности применения мер безопасности к присяжным заседателям.

Еще одним отталкивающим фактором для потенциальных присяжных заседателей является продолжительность процесса, которая может составлять несколько лет. «Процесс боксеров» в Казани шел 2,5 года, а количество присяжных составляло 35 человек (включая запасных). Отмечается, что это слишком затратное по времени мероприятие, учитывая, что в некоторых странах продолжительность судебного разбирательства составляет до шести дней (например, Великобритания) [3]. Оптимальной продолжительностью процесса считается одна-две недели, что позволяет присяжным заседателям не на столь долгое время отвлекаться от своих повседневных дел и работы.

Отметим, что от корректности проведения отбора в последующем будет зависеть судьба приговора, так как ошибки, допущенные здесь, могут послужить основанием для его отмены.

Сама процедура отбора также требует внимания. Особенно актуален вопрос относительно того, чтобы в отборе принимали участие граждане, действительно отвечающие установленным законом требованиям. Для этого не лишним видится предварительное анкетирование, которое может проводиться аппаратом суда для выявления потенциально непригодных кандидатов в присяжные заседатели. Небольшая анкета может быть предоставлена кандидатам в присяжные заседатели, пришедшим на отбор, непосредственно перед самой процедурой [4]. Она может состоять из нескольких вопросов, касающихся привлечения лица или его близких родственников к уголовной ответственности в прошлом, а также их отношения к правоохранительным структурам и готовности вынести решение по делу. После заполнения анкеты секретарь может проанализировать ее и предоставить сведения судье о сомнительных моментах, чтобы последний смог вовремя выявить кандидатов в присяжные заседатели, которые не годятся на эту роль с точки зрения закона. Безусловно, данные аспекты можно выявить и на самой про-

¹ Суду не удалось набрать присяжных для рассмотрения дела «приморских партизан» // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3305715?ysclid=lvuzd2qdfu359701663> (дата обращения: 06.05.2024).

цедуре отбора, однако участие в отборе априори пригодных кандидатов значительно ускорит процесс и даст возможность сторонам не тратить время на выяснение формальных моментов, а сразу приступить к формированию наиболее удобной для себя коллегии.

На наш взгляд, подобные формальные критерии все же должен проверять суд, а не стороны в процессе отбора, которые могут и упустить важные моменты. В последующем это может привести к негативным последствиям. На практике нередко встречаются случаи, когда непригодность присяжного заседателя выясняется уже после вынесения приговора судом, что приводит к его отмене, хотя на протяжении всего судебного разбирательства никаких нарушений допущено не было.

Так, при осуществлении отбора на вопрос о наличии у кандидатов в присяжные заседатели физических или психических недостатков или заболеваний, препятствующих участию в рассмотрении уголовного дела, один из кандидатов ответил, что является инвалидом III группы по общему заболеванию. Он заявил, что в состоянии в дальнейшем участвовать в судебном разбирательстве, однако не упомянул, что ему поставлен диагноз «эпилепсия». Ввиду того что сведения о наличии у кандидата в присяжные заседатели указанного заболевания отсутствовали, это препятствовало решению вопроса о его исключении в рамках процедуры отбора¹.

В данном случае мы не можем ставить в вину указанному присяжному сокрытие информации. Просто он не понимал и не осознавал ее важности. Напротив, стороны или председательствующий должны были задать уточняющий вопрос.

На практике есть еще один подобный пример. Присяжная не сообщила, что ее супруг ранее был судим. Предоставление неполной информации не позволило сторонам на основании данного факта получить от присяжной дополнительные сведения, которые могли стать ключевыми при принятии решения о заявлении мотивированного или немотивированного отвода². К тому же сложно предположить, чем руководствовалась присяжная, не предоставляя такую информацию. Не исключе-

но при этом, что она сочла ее несущественной или не осознавала, как это может повлиять на исход судебного разбирательства.

Данные примеры подтверждают необходимость проведения разъяснительной работы с населением относительно организационных и процедурных моментов производства в суде с участием присяжных заседателей.

Кроме того, председательствующие также иногда нарушают права сторон при проведении процедуры отбора. Так, по одному из дел сторона защиты была необоснованно лишена председательствующим права на заявление неограниченного числа мотивированных отводов кандидатам в присяжные заседатели. Адвокат был ограничен судьей двумя мотивированными отводами, хотя закон их число не ограничивает. Это нарушение привело к отмене приговора³.

Здесь проблема кроется в неподготовленности профессиональных участников процесса, в том числе судей, для работы в таком суде. Решением являются проводимые в каждом регионе курсы повышения квалификации. Особую актуальность данный вопрос приобрел с началом функционирования судов с участием присяжных заседателей на уровне районных судов.

Еще одним немаловажным аспектом является процесс взаимодействия аппарата суда и самого судьи с присяжными заседателями. Известны случаи, когда председательствующий полностью брал под контроль коллегия присяжных заседателей, проводя совещания после каждого судебного заседания и давая присяжным указания, что, безусловно, противоречит закону [5].

Необходимо выработать определенные правила взаимодействия с присяжными заседателями после судебных заседаний, позволив помощнику судьи или секретарю суда общаться с ними исключительно в организационных целях, не допуская обсуждения процесса. Необходимо также пояснить аппарату суда, что они не могут вмешиваться в процесс совещания присяжных заседателей, прерывать их, подсказывать что-то. Так, по одному из дел помощник судьи неоднократно посещала совещательную комнату во время вынесения вердикта коллегией, а также участвовала в обсуждении присяжными заседателями ответов на во-

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 29 мая 2013 г. № 83-П13ПР // Информ.-правовой портал «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/70554760/?ysclid=lwzzy0zz9m829278125> (дата обращения: 30.05.2024).

² Апелляционное определение Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 12 марта 2019 г. по делу № 22-361/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/55mNeYX3lZma/?ysclid=lwzzzdyp4a310938316> (дата обращения: 30.05.2024).

³ Кассационное определение 2ККОЮ от 2 марта 2021 г. № 77-519/2021. URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1057559&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 30.05.2024).

просы в вопросном листе. Более того, после удаления коллегии присяжных заседателей с вопросным листом в совещательную комнату для вынесения вердикта помощник судьи сообщила председательствующему, что присяжным заседателям требуются разъяснения по поставленным вопросам¹.

Подобное поведение помощника судьи совершенно верно было расценено кассационным судом как грубое нарушение порядка судебного разбирательства.

Председательствующий во время судебного следствия должен быть предельно осторожен в своих высказываниях, так как присяжные заседатели воспринимают его как «главного», признают его авторитет, поэтому его мнение, даже высказанное случайно, может оказать существенное влияние на выносимый ими вердикт [6].

Неоднократно поднималась тема относительно упрощения вопросного листа для присяжных заседателей. Нередко присяжным сложно воспринимать все поставленные перед ними вопросы как единое целое. Особое внимание судье также необходимо обратить в своем напутственном слове на альтернативные вопросы, если они были поставлены перед коллегией, так как именно из-за этого возникает путаница и присяжные выносят противоречивый вердикт.

Во избежание подобных ситуаций некоторые ученые-правоведы предлагают ставить перед присяжными всего один вопрос (например: «Доказано ли то обвинение, которое предъявлено обвиняемому?»), при этом предоставив возможность коллегии, помимо «да» и «нет», указывать, что обвинение доказано лишь в части². Хотя данная позиция и заслуживает внимания, считаем, что подобный вопрос будет содержать слишком много обстоятельств, в которых присяжные могут запутаться. Такую практику можно распространить по делам, где не содержится много нюансов, а описываемые обстоятельства могут уложиться в простое и понятное предложение, либо когда сторона защиты не оспаривает вопросы относительно причастности подсудимого к совершению престу-

пления. В остальных случаях все же необходимо формулировать несколько вопросов, но в доступной для присяжных форме. Важно, что стороны в последующем не могут возражать против постановки единого вопроса, так как они знакомились ранее с проектом вопросного листа и дали свое согласие на подобную формулировку. В то же время законодатель не рекомендует при формулировке вопросов использовать сложные словесные обороты, а юридическую терминологию и вообще запрещает, так как присяжными заседателями она может быть неверно истолкована.

Отметим при этом, что до конца не решена проблема относительно объединения и разделения основных вопросов. Законом это не запрещено, однако и разделение, и объединение вопросов не должно отразиться на корректном понимании присяжными заседателями обстоятельств произошедшего, что может привести к противоречивому вердикту и, как следствие, к отмене приговора. Так, один из вариантов решения проблемы предлагает С. А. Насонов, полагая, что можно объединять лишь первый и второй или второй и третий основные вопросы. Это будет способствовать формированию более полной картины произошедшего. Объединение же всех трех вопросов будет создавать впечатление, что факты уже установлены, а решить необходимо лишь вопрос о виновности подсудимого [7].

На наш взгляд, законодателю необходимо четко определить случаи, когда целесообразно объединять основные вопросы, так как судьи по-разному трактуют данную норму, иногда не разрешая подобное объединение, из-за чего на практике возникают разногласия по этому поводу.

Интересен следующий пример из судебной практики.

Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации был отменен оправдательный приговор, постановленный на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей. Основанием послужило то, что в вопросном листе были объединены вопросы о событии преступления и совершении его подсудимыми, ввиду чего присяжные не получили возможности рассмотреть отдельно каждый вопрос, что привело к недостаточному пониманию ими обстоятельств дела. Как следствие, вынесенный ими вердикт показался суду недостаточно ясным³.

¹ Определение 1КСОЮ от 16 июля 2020 г. № 77-1110/2020. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=5599436&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 30.05.2024).

² Клуб Замятнина: судьи ВС и юристы обсудили, как менять суд присяжных. URL: <https://pravo.ru/story/219138/?ysclid=lvvyfzdkh6909322113> (дата обращения: 07.05.2024).

³ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21 апреля 2016 г. (дело № 35–АПУ16–2сн). URL: <https://legalacts.ru/>

Председательствующий должен таким образом сформулировать вопросы, чтобы, исходя из ответов присяжных заседателей, можно было дать детальную юридическую квалификацию деянию, совершенному подсудимым [8]. Необходимо помнить, что именно вердикт присяжных заседателей будет положен в основу приговора [9].

Стоит обратить внимание на то, что стороной защиты могут быть сформулированы альтернативные вопросы, в которых может содержаться иная версия произошедшего. Однако это допустимо только в том случае, если сторона защиты представляла доказательства и аргументы в пользу этой версии в ходе судебного следствия. Мы считаем, что альтернативные вопросы должны ставиться после того основного вопроса, который оспаривается подсудимым: это позволит в присяжным заседателям логически связать все поставленные перед ними вопросы.

Председательствующий не должен отказывать стороне защиты в постановке вопросов о наличии по уголовному делу фактических обстоятельств, смягчающих или вовсе исключающих ответственность подсудимого за совершенное им деяние. В противном случае это можно оценить как ограничение права подсудимого на защиту. Формулировка вопроса при этом должна коррелироваться с позицией стороны защиты и не подлежит расширительному толкованию председательствующим. Отказ от включения в вопросный лист такого рода вопросов может стать основанием для отмены обвинительного приговора.

Перед присяжными заседателями могут также ставиться частные вопросы для установления каких-либо отдельных обстоятельств, которые влияют на степень виновности либо изменяют ее характер. Подобные вопросы обычно ставятся после основных в том случае, если защита не в целом, а лишь в части оспаривает обвинение.

Более того, при постановке вопросов недопустимо необоснованное перекладывание вины на иных участников процесса, особенно на потерпевшего [10]. Такая ситуация представляется не соответствующей нравственным нормам, так как присяжные заседатели рассматривают конкретное уголовное дело по обвинению определенного лица. Любые альтернативные версии должны рассматриваться в рамках отдельного судебного разбирательства.

Стоит отметить, что присяжные заседатели не могут самостоятельно корректировать вопросы, поэтому стороны и председательствующий должны

с особой внимательностью отнестись к их формулировке.

Кроме того, стоит констатировать, что далеко не все вопросы организации рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей четко регламентированы уголовно-процессуальным законодательством, что на практике приводит к недоразумениям. Например, до конца не решен вопрос относительно хранения вопросного листа, если совещание присяжных прерывается. Уголовно-процессуальный закон не содержит требований к организации хранения вопросного листа при перерывах в совещании присяжных. Такая неурегулированность стала причиной обжалования приговора суда присяжных. Во время перерыва вопросный лист не был изъят у старшины в присутствии сторон не помещен на хранение в сейф и не опечатан надлежащим образом. Апелляция сочла это нарушением уголовно-процессуального закона и отменила приговор. Вместе с тем из протокола судебного заседания следует, что вопросный лист хранился у старшины присяжных заседателей, который заверил, что для посторонних лиц он был недоступен. Тем не менее кассационный суд не согласился с выводами апелляции, сославшись на то, что, согласно напутственному слову председательствующего, присяжным заседателям была разъяснена необходимость сохранять тайну совещания. В деле не содержится данных, свидетельствующих о доступе посторонних лиц к вопросному листу. В связи с этим кассация отменила апелляционное определение, вернув дело на новое рассмотрение в апелляцию¹.

Подводя итог, отметим, что суд с участием присяжных заседателей является уголовно-процессуальным институтом, положительно зарекомендовавшим себя на протяжении всего периода его функционирования. Однако до сих пор остаются некоторые проблемы в ходе реализации уголовно-процессуальных норм, регулирующих порядок производства в таком суде. Вопросы возникают не столько к качеству правовой регламентации, а сколько к реализации правовых норм на практике. Особую актуальность это приобретает ввиду дороговизны и многоэтапности данной формы судопроизводства. В связи с этим важно не допускать ошибок, начиная с этапа отбора коллегии присяжных заседателей. Для их предупреждения и минимизации необходимо точно уяснить порядок его функционирования всеми участниками процесса, включая самих присяжных заседателей.

sud/apellatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-21042016-n-35-apu16-2sp/?ysclid=lx0076hyfj482761510 (дата обращения: 10.05.2024).

¹ Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. URL: <https://fparf.ru/news/law-chambers/krasnoyarskie-advokaty-prodolzhayut-realizatsiyu-proekta-shag-v-advokaturu/> (дата обращения: 07.05.2024).

1. Чистилина Д. О. Полномочия председательствующего при производстве по уголовным делам в суде с участием присяжных заседателей: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2020. 265 с.

2. Смирнова И. Г., Хомушку А. Г. Проблемы формирования коллегии присяжных заседателей // ГлаголЪ правосудия. 2020. № 2 (24). С. 21—23.

3. Верещагин А. Что не так с нашим судом присяжных? URL: https://zakon.ru/blog/2020/3/9/что_не_так_s_nashim_sudom_prisyazhnyh (дата обращения: 07.05.2024).

4. Тисен О. Н. Формирование коллегии присяжных заседателей: теоретические и практические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2009. 201 с.

5. Быков В. М. Каким быть суду с участием присяжных заседателей? // Российская юстиция. 2016. № 5. С. 37—40.

6. Рябинина Т. К. О содержании и проблемах реализации принципа независимости судей: нравственный аспект // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4. С. 172—178.

7. Насонов С. А. Постановка вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями: некоторые проблемы законодательного регулирования и судебной практики // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10. С. 2292—2302.

8. Золотых В. В. Судебные полномочия при постановке вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 205 с.

9. Манова Н. С. Основания оправдания и постановления оправдательного приговора // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1. С. 80—87.

10. Ведищев Н. П. Постановка защитником частных вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями в порядке части 2 ст. 338 и части 3 ст. 339 УПК РФ // Адвокат. 2015. № 5. С. 19—32.

Чистилина Дарья Олеговна,

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, кандидат юридических наук, доцент; darya-chistilina@yandex.ru

1. Chistilina D. O. Powers of the person in charge of criminal proceedings in jury trial. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2020: 265. (In Russ.).

2. Smirnova I. G., Khomushku A. G. Problems of the formation of the jury. The word of justice, 21—23, 2020. (In Russ.).

3. Vereshchagin A. N. What is wrong with our jury trial? Available from: https://zakon.ru/blog/2020/3/9/что_не_так_s_nashim_sudom_prisyazhnyh. Accessed: 7 May 2024. (In Russ.).

4. Tisen O. N. The formation of the jury: theoretical and practical issues. Dissertation of candidate of juridical sciences. Orenburgh; 2009: 201. (In Russ.).

5. Bykov V. M. What should a jury trial be? Russian jurisprudence, 37—40, 2016. (In Russ.).

6. Ryabinina T. K. To the question of content and issues of implementing the judge independence principle: moral aspect. Judicial power and criminal procedure, 172—178, 2017. (In Russ.).

7. Nasonov S. A. Posing issues to be solved by jury: some legislation and court practice matters. Current issues of Russian law, 2292—2302, 2014. (In Russ.).

8. Zolotikh V. V. Judicial powers in posing issues to be solved by jury. Dissertation of candidate of juridical sciences. Rostov-on-Don; 2007: 205. (In Russ.).

9. Manova N. S. Grounds to justify and state an acquittal. Journal of Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 80—87, 2024. (In Russ.).

10. Vedishchev N. P. Defendant's posing private issues to be solved by jury using Part 2 Art. 338 and Part 3 Art. 339 of the Russian Federation Criminal Procedure Code. Advocate, 19—32, 2015. (In Russ.).

Chistilina Dariya Olegovna,

associate professor at the criminal procedure and criminalistics department of the Southwest State University, candidate of juridical sciences, docent; darya-chistilina@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 21.06.2024; одобрена после рецензирования 25.06.2024; принята к публикации 14.11.2024.

The article was submitted 21.06.2024; approved after reviewing 25.06.2024; accepted for publication 14.11.2024.

* * *

УДК 343.13

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ СБЫТОМ
ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ, СОДЕРЖАЩИХ
В СВОЕМ СОСТАВЕ СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИЕ ВЕЩЕСТВА****Данил Дмитриевич Вихарев**Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия,
Dvikharev@mvd.ru; Danil19-92@inbox.ru

Аннотация. В настоящей статье рассмотрена проблема, возникающая при решении вопроса органом предварительного расследования о достаточности собранной оперативным подразделением доказательственной базы как поводов и оснований для возбуждения уголовного дела по факту незаконного сбыта лекарственных препаратов, содержащих в своем составе сильнодействующие вещества, а также достаточности результатов оперативно-разыскной деятельности для привлечения лица к установленной законом уголовной ответственности и направления уголовного дела в суд. Автором введено понятие «конфликт согласованности доказательственной базы». Установлены отрицательные и положительные элементы данного конфликта как аспекта внутриведомственного взаимодействия подразделений правоохранительной системы Российской Федерации. Проанализирована оперативно-следственная практика возбуждения и расследования преступлений рассматриваемой категории и приведены решения суда по ним. Проведен опрос действующих сотрудников следственных подразделений ГУ МВД России по Нижегородской области в части реализации принципа взаимодействия и сотрудничества на этапе возбуждения уголовного дела и его непосредственного расследования, по результатам которого сформированы соответствующие выводы. Указан положительный пример разрешения конфликта согласованности доказательственной базы и обозначены дополнительные механизмы его разрешения.

Ключевые слова: внутриведомственное взаимодействие; незаконный оборот лекарственных препаратов, содержащих в своем составе сильнодействующие вещества; конфликт согласованности доказательственной базы

Для цитирования: Вихарев Д. Д. Проблемные аспекты возбуждения уголовного дела о преступлениях, связанных с незаконным сбытом лекарственных средств, содержащих в своем составе сильнодействующие вещества // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 4 (71). С. 91—97.

**PROBLEM ASPECTS
TO BRING A CRIMINAL CASE CONCERNING CRIMES
RELATED TO ILLEGAL SALES OF MEDICINES
CONTAINING DRASTIC SUBSTANCES****Danil Dmitrievich Vikharev**Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia, Nizhniy Novgorod, Russia,
Dvikharev@mvd.ru; Danil19-92@inbox.ru

Abstract. This article examines the problem that arises when the preliminary investigation body solves the issue of the sufficiency of the evidence base collected by the detective unit as grounds to bring a criminal case. The mentioned case deals with the illegal sale of medicines containing drastic substances, as well as the sufficiency of the results of detective activities to bring a person to criminal responsibility established by law and send a criminal case to court. The author: introduces the concept of "a conflict in the consistency of the evidence base"; identifies negative and positive elements of this conflict as an aspect of intradepartmental cooperation among units of the law enforcement system of the Russian Federation; analyzes the detective and investigative practice to bring a criminal case and investigate crimes of this category; demonstrates court decisions on mentioned criminal cases; conducts interviews of acting officers of the investigative units of the Main Directorate

of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Nizhny Novgorod Region to realize the principle of interaction and cooperation, while bringing and a criminal case and its investigating, on the results of which the corresponding conclusions are made; indicates a positive example to solve a conflict in the consistency of the evidence base and identifies additional mechanisms to solve it.

Keywords: intradepartmental cooperation; illegal trafficking of medicines containing drastic substances; a conflict in the consistency of the evidence base

For citation: Vikharev D. D. Problem aspects to bring a criminal case concerning crimes related to illegal sales of medicines containing drastic substances. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 91—97, 2024. (In Russ.).

Одним из основных направлений деятельности правоохранительных органов является раскрытие и расследование преступлений с последующим направлением уголовных дел для рассмотрения в суд. В данную деятельность включены различные механизмы, в том числе установление виновных лиц и привлечение их к уголовной ответственности посредством собирания и формирования доказательственной базы. Данная стадия относится к досудебной деятельности правоохранительных органов, где главную роль по аккумулярованию доказательственной базы и ее анализу занимают органы предварительного расследования. Эффективное осуществление досудебного производства сопряжено по большей части с качеством, всесторонностью и быстротой раскрытия и расследования преступлений.

Первоначальной стадией расследования преступления является возбуждение уголовного дела. Вместе с тем поводы и основания для возбуждения указаны в ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ). Одним из поводов является сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, оформляемое рапортом об обнаружении признаков преступления, а основанием — наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Часто именно по результатам проведенного комплекса оперативно-разыскных мероприятий (далее — ОРМ) сотрудник оперативного подразделения обнаруживает признаки совершенного или готовящегося преступления, о чем информирует орган предварительного расследования, составляя рапорт об обнаружении признаков преступления. Результаты оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД) оперативному сотруднику необходимо представить в орган предварительного расследования. Указанные результаты должны быть оформлены надлежащим образом, поскольку они будут служить основанием для возбуждения уголовного дела (см. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ).

Стоит также учитывать, что в дальнейшем они будут использоваться в доказывании по уголовному делу в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств.

В то же время орган предварительного расследования, в частности следователь или дознаватель, самостоятельно изучает предоставленные результаты, оценивает их и принимает решение о достаточности или недостаточности представленных материалов для возбуждения уголовного дела. В связи с этим иногда возникают ситуации, когда оперативное подразделение считает, что в собранных и предоставленных результатах проведенных ОРМ достаточно оснований для возбуждения уголовного дела и привлечения лица к уголовной ответственности, а орган предварительного расследования считает такие результаты ОРМ недостаточными. Итогом подобных разногласий между подразделениями становится «конфликт согласованности доказательственной базы», представляющий собой значимую проблему в уголовном процессе. Он возникает из-за разных подходов в оценке полноты и всесторонности собранных доказательств оперативными подразделениями и подразделениями предварительного расследования, что обычно приводит к задержке возбуждения уголовных дел, снижению эффективности расследований и может негативно влиять на качество правосудия. Изучение и решение данной проблемы имеет большое значение для достижения целей правоохранительной деятельности, особенно в сфере незаконного оборота лекарственных средств, содержащих в своем составе сильнодействующие вещества. Ведь нередко результаты ОРД для данного вида преступлений являются единственными сведениями, используемыми стороной обвинения при доказывании преступности деяния по уголовному делу, именно поэтому материалы, предоставленные оперативными подразделениями, играют важную роль в формировании доказательственной базы в уголовном процессе.

Функции и задачи оперативного подразделения включают в себя сбор информации и данных о готовящихся преступлениях, подозреваемых лицах, их связях и деятельности, наличии факта знания подозреваемыми лицами того, что в препарате содержится ограниченное к свободному обороту сильнодействующее вещество (далее — СДВ), а также выявление преступного умысла на его незаконный сбыт. Установление указанных сведений может включать как традиционные методы (опрос свидетелей, анализ документов), так и использование современных технологий (прослушивание телефонных переговоров, мониторинг интернет-активности). Проведение установленного законом комплекса ОРМ, включающего в себя различные действия, такие как наблюдение, наведение справок, прослушивание телефонных переговоров, проверочные закупки и другие мероприятия, направленные на сбор доказательств, помогает установить факты, подтверждающие преступную деятельность. Собранная информация при этом требует тщательного анализа для выявления связей, закономерностей и подтверждения фактов преступной деятельности. Оперативные сотрудники анализируют полученные данные, чтобы составить полную картину происходящего, и документируют результаты своей работы. Эти документы необходимы для последующего предоставления в органы предварительного расследования и использования их как поводов и оснований для возбуждения уголовного дела, а также последующего доказывания вины лица. Полученные результаты ОРД могут также служить дополнительной информацией, необходимой для грамотного проведения следственных действий.

Законодателем установлено, что органы предварительного расследования выполняют ключевую роль в формировании доказательственной базы в уголовном процессе, обеспечивая законность, полноту и объективность собранных доказательств. Их функции и задачи включают в себя управление процессом расследования, координацию действий всех участников, определение стратегии и тактики следственных действий и их непосредственное проведение в целях собирания доказательств. Следователь и дознаватель при этом проверяют собранные доказательства, а также результаты ОРД как сведения, которые могут использоваться в доказывании, на их законность, допустимость, полноту и взаимосвязанность.

Кроме рассмотренных выше различных подходов к сбору доказательственной базы, существуют различия и в оценке полноты и всесторонности

доказательств между оперативными подразделениями и подразделениями предварительного расследования, что является одной из ключевых проблем, влияющих на согласованность доказательственной базы при решении вопроса о достаточности оснований для возбуждения уголовного дела и привлечения лица к уголовной ответственности. Эти различия могут возникать по нескольким причинам и проявляться в различных аспектах.

Так, оперативные подразделения основное внимание уделяют оперативной информации и проведению ОРМ и часто могут считать доказательства достаточными, если те подтверждают подозрения и обеспечивают возможность проведения иных ОРМ. Порой ограничиваются сбором информации, необходимой для первоначальных оперативных действий, нацеленных на быстрое реагирование на преступление и установление причастности лиц. Могут полагаться на достаточность информации для немедленных действий (например, задержания подозреваемого), иногда без учета формальных процессуальных требований. Оценивают доказательства с точки зрения их оперативной значимости, иногда не придавая достаточного значения процессуальной стороне.

Органы предварительного расследования требуют более формализованного подхода к сбору доказательств, учитывая юридические нормы и процессуальные требования. Ими при этом оценивается полнота доказательств с точки зрения их пригодности для последующего судебного рассмотрения и возможного обжалования со стороны защиты, проверяется законность их получения и соответствие требованиям уголовно-процессуального законодательства, оценивается полнота с учетом всех аспектов дела, чтобы подтвердить виновность лица в совершенном преступлении. Доказательственная база при таком подходе включает наличие различных видов доказательств (вещественные доказательства, показания свидетелей, результаты экспертиз, результаты ОРД и т. д.). Таким образом, следователь и дознаватель проводят более глубокий анализ всех обстоятельств дела, учитывая как подтверждающие вину доказательства, так и опровергающие. В то же время они должны убедиться, что все возможные на данном этапе версии совершения преступления надлежащим образом сформулированы и отработаны и необходимый минимум доказательств, подтверждающих виновность лица, собран.

Указанные различия в оценке полноты и всесторонности доказательств могут приводить к конфликтам между оперативными подразделениями

и органом предварительного расследования, что затрудняет принятие решения о возбуждении уголовного дела и задерживает процесс начала расследования, усложняет взаимодействие. Кроме того, несогласованность в подходах оценки достаточности предоставленных результатов ОРД, и с точки зрения основания для возбуждения уголовного дела, и с точки зрения доказательственной базы, может негативно сказаться на возможности успешного судебного преследования. Недостаточная полнота доказательств может стать причиной отказа в возбуждении уголовного дела, в результате чего лицо, совершившее преступление, избежит привлечения к уголовной ответственности. В случае же, когда уголовное дело возбуждено, а результаты ОРД признаны доказательствами, их неполнота может привести к оправданию обвиняемого или отмене судебного решения.

Уголовная ответственность за незаконный сбыт препаратов, содержащих в своем составе СДВ, предусмотрена ст. 234 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) «Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта». Вместе с тем для применения данной нормы необходимо установить два обязательных условия, такие как знание лица об ограниченности свободного оборота препарата (находящегося в препарате вещества) и наличие прямого умысла на его сбыт. Уголовная ответственность за незаконное хранение СДВ, без цели сбыта, в Российской Федерации отсутствует, в связи с чем лица, подозреваемые в совершении преступления, предусмотренного ст. 234 УК РФ, выстраивают линию защиты на том, что обнаруженные у них препараты приобретены для личного применения. В такой ситуации, при недостаточности доказательственной базы, принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела на основании ст. 24 УПК РФ с одновременным вынесением постановления о возбуждении уголовного дела по соответствующей части ст. 234 УК РФ в отношении неустановленного лица, незаконно сбывшего изъятые СДВ задержанному лицу.

Именно поэтому орган предварительного расследования при изучении материалов ОРД в отношении конкретного лица, проверяемого оперативным подразделением на незаконный сбыт СДВ, содержащихся в препаратах, так тщательно подходит к их оценке. В предоставленных материалах должны содержаться сведения, подтверждающие и наличие знания лица об ограниченности свободного оборота препарата (находящегося в пре-

парате вещества), и наличие у лица прямого умысла на его сбыт.

Подтверждением выстраивания линии защиты на утверждении об отсутствии умысла на сбыт препаратов, содержащих СДВ, могут служить статьи адвокатов, размещенные в сети Интернет, о тактике защиты при задержании лица по подозрению в незаконном сбыте СДВ¹. Авторы данных статей ссылаются на отсутствие результатов ОРД или их неполное собирание и, как следствие, отсутствие у органа предварительного расследования поводов и оснований для возбуждения уголовного дела.

Иным примером может служить ситуация, когда уголовное дело было возбуждено, но из-за отсутствия должных результатов ОРД, указывающих на умысел и знание лица, уголовное дело прекращено на стадии предварительного расследования. Так, в 2019 г. в отношении фармацевта-провизора аптеки, незаконно сбывающего лекарственные препараты, содержащие в своем составе СДВ, было возбуждено уголовное дело, которое в дальнейшем было направлено в суд с обвинительным заключением, однако при его рассмотрении судья Белорецкого межрайонного суда Республики Башкортостан установил, что факт безрецептурного отпуска фармацевтом лекарственного рецептурного препарата, подлежащего предметно-количественному учету, содержащего в своем составе СДВ, достоверен, но данные о преступном умысле лица, направленном на незаконный сбыт, в материалах уголовного дела отсутствуют. В связи с этим фармацевт подлежит привлечению к административной, а не уголовной ответственности по ст. 14.4.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее — КоАП РФ).

Похожая ситуация произошла в 2022 г., когда сотрудниками Управления по контролю за оборотом наркотиков (далее — УКОН) ГУ МВД России по Нижегородской области было установлено, что два фармацевта-провизора, работая в аптеке, имеющей действующую лицензию на фармацевтическую деятельность, незаконно сбывали без использования кассового аппарата и установления обязательного наличия рецептурных бланков лекарственный препарат, содержащий СДВ прегабалин. Указанные лица были задержаны, и по результатам ОРД были возбуждены уголовные дела по ст. 234 УК РФ. В ходе предварительного

¹ Праворуб — профессиональное сообщество юристов и адвокатов. Интернет-журнал. URL: <https://pravorub.ru/cases/98352.html> (дата обращения: 03.07.2024).

расследования подозреваемые показали, что ограниченность оборота на территории Российской Федерации препарата, содержащего СДВ прегаблин, им известна. Именно поэтому умысла на сбыт данного препарата они не имели, а совершили административное правонарушение ввиду забывчивости или усталости. Результаты ОРД, доказывающих их преступный умысел, направленный именно на незаконный сбыт СДВ, получено не было. По результатам проведения предварительного следствия было вынесено постановление о прекращении уголовных дел в связи с отсутствием в деяниях состава преступления в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ и прекращено уголовное преследование лиц по основаниям, предусмотренным п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ. Действия фармацевтов-провизоров были переквалифицированы на административные правонарушения, предусмотренные ст. 14.2 КоАП РФ «Незаконная продажа товаров (иных вещей), свободная реализация которых запрещена или ограничена».

Именно поэтому подразделения предварительного расследования тщательно оценивают полноту и достаточность сведений, являющихся результатами ОРД, выступающих основанием и поводом для возбуждения уголовного дела в отношении лица, незаконно сбывающего препараты, содержащие в своем составе СДВ, и привлечения его к уголовной ответственности. В случае если имеющейся процессуальной и оперативно-разыскной информации недостаточно, чтобы возбудить уголовное дело, следователь и дознаватель наделены полномочиями вернуть собранные материалы оперативным подразделениям для получения дополнительных сведений, которые бы позволили принять законное и обоснованное решение о возбуждении уголовного дела [1].

Таким образом, на стадии принятия решения о возбуждении уголовного дела от степени координации действий следователя и оперативных подразделений напрямую зависит качество оперативно-разыскной информации и доказательственной базы в целом. В части 1 статьи 144 УПК РФ напрямую закреплено процессуальное право следователя направлять органам дознания обязательные для исполнения письменные поручения о проведении ОРМ, что, безусловно, подтверждает возможность проведения дополнительных мероприятий до возбуждения уголовного дела, при условии взаимодействия следователя с оперативными подразделениями. Планирование и координация такого взаимодействия должны в обязательном порядке осуществляться до возбуждения уголовного

дела в целях обеспечения качественного проведения ОРМ, результаты которых допустимо будет использовать в уголовно-процессуальной деятельности. Инициатором такого взаимодействия может быть следователь или дознаватель, направляющий поручение о проведении дополнительных проверочных мероприятий, чья процессуальная форма в дальнейшем может быть использована в качестве доказательства, а также сам оперативный сотрудник, который вправе на любой стадии своей деятельности обратиться к руководителю следственного органа (органа дознания) за консультацией о достаточности результатов ОРД для принятия законного решения органом предварительного расследования, достаточности оснований для возбуждения уголовного дела и обоснованности их дальнейшего использования для привлечения лица к уголовной ответственности.

Орган предварительного расследования может не только сформулировать требования к результатам ОРД путем описания, какую именно информацию необходимо получить или установить, но и дать юридическую оценку качеству проведенных ОРМ и их результатов [2].

Подтверждением ситуации, связанной с конфликтом согласованности доказательственной базы при решении достаточности поводов и оснований для возбуждения уголовного дела в сфере незаконного оборота СДВ, являются результаты проведенного нами в 2023 г. опроса действующих сотрудников следственных частей Следственного управления УМВД России по г. Нижнему Новгороду и Главного следственного управления ГУ МВД России по Нижегородской области, специализирующихся на расследовании уголовных дел в сфере незаконного оборота подконтрольных веществ, в том числе содержащихся в составе лекарственных препаратов.

45 % опрошенных следователей указали на присутствие в их практической деятельности данной ситуации. Однако сами следователи выделили в конфликте согласованности доказательственной базы и негативные, и позитивные моменты.

Негатив характерен для ситуации, когда оперативные подразделения предоставляют результаты ОРД в объеме, недостаточном для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, или оказывающиеся недостаточными для привлечения лица к установленной законом уголовной ответственности при уже возбужденном уголовном деле. В этом случае, при указании органом предварительного расследования на недостаточность доказатель-

ственной базы, собранной по результатам ОРД, оперативное подразделение либо пробует изменить территориальность, чтобы орган предварительного расследования на иной территории усмотрел достаточность результатов, либо иным путем «лоббирует» вопрос о возбуждении уголовного дела и дальнейшем расследовании, так как считает результаты ОРД достаточными.

В данном случае такой неконструктивный подход оперативных подразделений приводит к задержкам в возбуждении уголовных дел, снижению эффективности самого расследования и может негативно влиять на качество правосудия, так как недостатки доказательственной базы отрицательно сказываются на дальнейшей успешной перспективе судебного разбирательства, как следствие возможно вынесение оправдательного приговора.

При положительном эффекте происходит внутриведомственное взаимодействие органа предварительного расследования и оперативного подразделения, когда следователь или дознаватель оценивают возможные или уже имеющиеся результаты ОРД и корректируют их через призму законности, допустимости, полноты и взаимосвязанности, проверяя их на соответствие требованиям действующего законодательства, исключая при этом недопустимые доказательства. Данная стадия может протекать до официального предоставления результатов ОРД органу дознания и следователю, в рамках проведения внутриведомственных совещаний, а также межведомственных, с участием прокурора соответствующего уровня как лица и осуществляющего надзор за стадией возбуждения уголовного дела, и утверждающего обвинительный акт или заключение.

Примером данного положительного эффекта может служить ситуация, когда сотрудниками УКОН ГУ МВД России по Нижегородской области в период с 2021 по 2022 г. была задокументирована преступная деятельность группы лиц, организовавшей на территории Нижнего Новгорода сеть аптек, через которые нанятые на работу фармацевты незаконно сбывали лекарственные препараты «Лирика» и «Прегабалин», содержащие в своем составе СДВ прегабалин. В целях полного и всестороннего документирования преступной деятельности, а также определения достаточности оснований для возбуждения уголовных дел, документирования преступного умысла и привлечения лиц к уголовной ответственности оперативными подразделениями на регулярной основе проводились рабочие совещания с органом предварительного расследования, а также с участием про-

курора соответствующего уровня. По результатам были скорректированы проводимые комплексы ОРМ, собраны достаточные результаты ОРД, и в ходе проведения мероприятий были установлены два организатора преступной деятельности и 13 фармацевтов, работающих в аптеках и непосредственно осуществляющих незаконный сбыт подконтрольных веществ. В обязательном порядке были задокументированы знания каждого участника об ограниченности свободного оборота данных лекарственных препаратов (находящегося в препаратах СДВ прегабалин) и наличие прямого умысла на их сбыт. По результатам комплекса ОРД следственным подразделением были возбуждены уголовные дела и проведены следственные действия, такие как допросы, очные ставки, проверки показаний на месте, обыски, выемки, осмотры, назначены экспертизы, допрошены лица, осведомленные о преступной деятельности задержанных, в том числе установленные оперативным путем по результатам ОРМ, и т. п. В настоящее время уголовное дело окончено производством и находится на рассмотрении в суде¹.

Очевидной становится важность согласованности доказательственной базы в уголовном процессе, так как возникающие между оперативными подразделениями и органами предварительного расследования конфликты при ее оценке могут существенно затруднять процесс расследования. Описанные проблемы и их причины указывают на необходимость системных изменений и улучшения координации между различными подразделениями правоохранительных органов.

Для решения этих проблем мы предлагаем следующие меры:

- установление регулярных совещаний и консультаций между подразделениями территориальных органов МВД России на местах для согласования подходов к сбору и оценке доказательств;
- создание в указанных органах рабочих групп для координации действий и обмена информацией;
- разработка рекомендаций, регламентирующих требования к полноте и всесторонности собирания доказательственной базы, и их внедрение в практическую деятельность оперативно-следственных подразделений;

¹ Автозаводский районный суд г. Нижнего Новгорода. Дело № 1-5/2024 (1-173/2023). URL: https://avtozavodskyy-nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=106867155&case_uid=ecde6e28-3025-4a93-a7ed-3599946fa348&delo_id=1540006 (дата обращения: 13.06.2014).

— использование специальных технических средств и иных современных технологий в целях сбора и анализа доказательственной базы по проверяемым фактам сбыта СДВ.

Указанные мероприятия позволят осуществить необходимый обмен практическим опытом между подразделениями.

Таким образом, реализация предложенных мер позволит повысить качество доказательственной

базы, улучшить координацию и взаимодействие между оперативными подразделениями и органами предварительного расследования, что в конечном итоге приведет к повышению эффективности расследования преступлений рассматриваемой категории.

1. Мирошниченко А. Ю. Понятие результатов оперативно-розыскной деятельности и их использование в процессе доказывания // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2014. № 1 (26). С. 54—58.

2. Гушин А. Н. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела и в доказывании по уголовным делам // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 4. С. 157—162.

Вихарев Данил Дмитриевич,

преподаватель кафедры

предварительного расследования

Нижегородской академии МВД России;

Dvikharev@mvd.ru; Danil19-92@inbox.ru

1. Miroshnichenko A. Yu. Concept of the results of detective and investigative activities and their use, while proving. Journal of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 54—58, 2014. (In Russ.).

2. Gushchin A. N. Use of the results of detective and investigative activities, while bringing a criminal case, and in proving criminal cases. The Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 157—162, 2020. (In Russ.).

Vikharev Danil Dmitrievich,

lecturer at the department

of the preliminary investigation

of the Nizhny Novgorod academy

of the Ministry of the Interior of Russia;

Dvikharev@mvd.ru; Danil19-92@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 10.08.2024; одобрена после рецензирования 29.08.2024; принята к публикации 14.11.2024.

The article was submitted 10.08.2024; approved after reviewing 29.08.2024; accepted for publication 14.11.2024.

* * *

УДК 343.98

**ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИКИ:
ПОНЯТИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ**

Клара Васильевна Ким

Университет Максута Нарикбаева, Астана, Казахстан, kimkv-fzo@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются вопросы изменения представлений об объекте и предмете криминалистики на различных этапах ее развития, их методологическое значение. Объект научного исследования является его обязательной методологической составляющей. Истинное представление об объекте исследования обуславливает обоснованность выбора направления познания, конкретизации и формулировки проблемы, выделения предметных срезов, определяющих задачи и методы научной деятельности. Не случайно анализ диссертационных работ начинается с выяснения объекта и предмета, позволяющих судить об их взаимосвязи с сформулированными целью, задачами, методами, полученными и прогнозируемыми результатами. Поэтому определение объекта имеет ключевое значение при разработке методологических основ научно-исследовательского познания, является важным науковедческим вопросом.

В работе обосновывается «двуединость объекта» криминалистики, необходимость построения и развития частных теорий и учений по структуре ее объекта, предложены его предметные срезы, делаются выводы о безосновательности ревизии объекта криминалистики при постоянном совершенствовании и расширении ее предмета.

Ключевые слова: криминалистика, объект и предмет, наука, методология научного исследования, преступная деятельность, деятельность по расследованию, системно-деятельностный подход, естественно-научный характер криминалистики

Для цитирования: Ким К. В. Объект криминалистики: понятие и методологическое значение // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 4 (71). С. 98—104.

**THE OBJECT OF FORENSIC SCIENCE:
THE NOTION AND ITS METHODOLOGICAL SIGNIFICANCE**

Clara Vasiliyevna Kim

Maksut Narikbayev University, the city of Astana, Republic of Kazakhstan, kimkv-fzo@mail.ru

Abstract. In the article the issues of changing perceptions concerning the object and the subject of criminalistics are explored at different stages of its development, their methodological significance. The object of the scientific research is its obligatory methodological component. A true representation of the object of the research determines the validity of the choice of the direction of cognition, specification and formulation of the problem, the emphasis of subject sections, determining the tasks and methods of scientific activity. It is not by chance that the analysis of dissertations begins with the clarification of the object and the subject, allowing to judge their connection with the formulated aim, targets, methods, obtained and predicted results. Thus, the definition of the object is of key importance in the development of methodological bases of scientific research cognition, it is an important scientific problem.

In the work "the duality of the object" of criminalistics, the necessity of building and developing of private theories and doctrines about the structure of its object is justified, its subject sections are suggested, the conclusions about the groundlessness of the revision of the object of criminalistics in the process of constant improvement and enlargement of its subject are drawn.

Keywords: criminalistics, the object and the subject, science, the methodology of scientific research, criminal activity, investigation activity, the system-activity approach, the natural-scientific nature of criminalistics

For citation: Kim C. V. The object of forensic science: the notion and its methodological significance. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 98—104, 2024. (In Russ.).

Развитие цифровых технологий, их активное применение во всех научных отраслях закономерно вызвали и в криминалистике за последнее десятилетие появление новых и совершенствование имеющихся ее теорий и учений. Традиционно встал вопрос об уточнении содержания объекта и предмета криминалистики.

Актуальность на современном этапе развития криминалистики вопроса определения элементов ее методологических основ: понятия объекта, предмета, структуры — также обусловлена попыткой ревизии криминалистики в связи с появлением целого ряда «новых учений», связанных с производством судебных экспертиз, например лингвистической, молекулярно-генетической, химической. Известные ученые-криминалисты Е. Р. Россинская, А. Н. Савенков, Т. С. Волчецкая обращают внимание на участвовавшие ситуации неверного понимания предмета криминалистики, влекущие ее необоснованную ревизию и открытие отдельными вузами при неюридических факультетах кафедр лингвистической криминалистики, экономической криминалистики [1], банковской криминалистики, криминалистики хозяйственной деятельности [2], в одном из вузов Казахстана объявлялся набор на специальность «Криминалистическая химия». Еще в начале становления российской криминалистики Е. Ф. Буринский иронизировал над подобными предложениями о механическом создании таких наук, как «судебно-слесарное искусство», «судебное водолазничество» и «судебное гребкопательство» [3, с. 3]. Простое перенесение отдельных положений одной науки в другую еще не создает новой научной отрасли. Речь идет не о создании «новой» криминалистики, а о совершенствовании и развитии ее прикладных направлений исследования, отдельных криминалистических теорий и учений путем использования положений, методов других наук для решения своей задачи. Появляются новые источники криминалистической информации, а активное творческое приспособление естественных, технических и иных наук — отличительная черта рассматриваемой науки с момента ее становления, что и определяет ее комплексный характер. Закономерно, что развитие частных криминалистических теорий и учений обусловлено появлением и включением новых объектов научных исследований и результатов их познания [1] (например, запаховые, цифровые следы, микрочастицы и др.).

В предисловии к первому учебнику по криминалистике «Руководство для судебных следователей как система криминалистики» его автор

Г. Гросс новую науку называет вспомогательной дисциплиной, имеющей естественно-научный характер, и определяет объект криминалистического исследования: «Итак, если потребуются новое издание, то книга появится как „система криминалистики“. 1-я часть. „Теоретическое учение о проявлениях преступлений“. 2-я часть. „Практическое руководство для производства следствия“» [4, с. XIV, XVI]. Таким образом, Г. Гросс выделил двуединство объекта криминалистики как прикладной дисциплины, призванной разрабатывать и искать эффективные методы, средства и приемы для расследования преступлений, установления истины в целях справедливого осуществления правосудия. Это — «проявления преступлений» (преступная деятельность) и «производство следствия» (деятельность по расследованию преступлений). Однако данное понимание объекта и предмета криминалистики в тот период закономерно не получило своего развития, а представления о них на протяжении всего периода ее становления менялись и оставались актуальным вопросом [5].

В советской криминалистике в 1920—1930-х гг. под предметом криминалистики понимались методы естественных, технических наук, приемы, используемые для расследования преступлений; с определением трехзвенной структуры данной науки и учебной дисциплины — технические средства, тактические приемы и методические рекомендации по расследованию преступлений [6]. В конце 70-х гг. XX столетия доктор юридических наук, профессор Р. С. Белкин под предметом стал понимать закономерности работы с доказательствами, которые в последующем расширил изучением закономерностей не только доказывания, но и самого процесса совершения преступления [7, с. 59].

Пристальное внимание к понятию предмета советской криминалистики оставляло в тени понятие объекта данной науки. С развитием теории деятельности, формирования системно-деятельностного подхода (Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, Г. П. Щедровицкий, Э. Г. Юдин и др.) в криминалистической науке встал вопрос о ее объекте. Если социальная значимость науки определялась необходимостью разработки на основе новейших достижений естественных, технических и иных наук средств, приемов, рекомендаций, направленных на совершенствование деятельности по отправлению правосудия по уголовным делам, то закономерно в основе таких разработок должны лежать знания об особенностях преступной деятельности и основных характеристиках деятельности по их раскрытию, расследованию и предупреждению.

Криминалистика выступила одной из первых юридических дисциплин, определивших в качестве своего объекта деятельность, активно применяющих системно-деятельностный подход в научных исследованиях с начала 80-х гг. XIX в. Данный подход позволил сформировать такие частные криминалистические теории и учения, как теория криминалистической характеристики преступлений, учения о способе, механизме, обстановке совершения преступлений, тактических решениях, следственной ситуации, тактической операции, криминалистической виктимологии и др.

Непреходящи актуальность и прикладное значение положений данных теорий и учений, поскольку они отражают закономерности функционирования обязательных структурных элементов как в преступной деятельности, так и в расследовании, опираются на исследование и анализ практической деятельности по отправлению правосудия по уголовным делам. Социальные потребности, поставившие задачу разработки эффективных средств и методов раскрытия общественно опасных деяний, определили и объект исследования криминалистической науки — преступную деятельность и деятельность по ее расследованию.

Несмотря на то что вопрос о деятельности как объекте криминалистики рассматривался с конца 1970-х гг., в учебниках он получил свое отражение лишь в конце 1990-х. Одним из первых криминалистов того времени, предложивших новое понятие объекта рассматриваемой науки, профессор М. К. Каминский, определяет его как объективно существующую систему взаимодействия (взаимосвязи, взаимообусловленности) двух родов деятельности: преступной деятельности (ПД) и деятельности по выявлению и раскрытию преступлений (ДВРП) [8].

В первые десятилетия XXI в. вновь вызывает интерес проблема объекта и предмета криминалистики, обусловленная ее методологической значимостью и дальнейшим развитием криминалистической науки.

В своей докторской диссертации С. А. Коновалов обосновывает вывод о том, что объектом криминалистической науки является криминалистическая деятельность, а закономерности указанной деятельности образуют ее предмет [9]. Изучение преступной деятельности он видит в рамках деятельности по раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений в качестве ее составляющей [9]. Однако таковой она является для достижения практических задач в соответствии с нормами Уголовного кодекса Российской Феде-

рации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УК РФ, УПК РФ), но объект научной криминалистической деятельности у них разный. Не могут совпадать и задачи деятельности по раскрытию конкретного уголовного правонарушения и научной деятельности по ее исследованию. Научные задачи направлены на выявление типовых закономерностей между ее (деятельности) отдельными элементами, их свойствами, которые и положены в основу теории криминалистической характеристики, учений о механизме, обстановке, способе совершения отдельных видов преступлений и др. Изучение и анализ таких предметных срезов своего объекта позволяет криминалистической науке разрабатывать рекомендации, например, по выдвижению типовых следственных версий, по созданию модели действий преступника, направлению поиска источников криминалистической информации, а на их основе — программы для использования искусственного интеллекта и др. Изучение преступной деятельности выступает также основой разработки рекомендаций в аналогичных следственных ситуациях по определению круга обстоятельств, подлежащих установлению; содержания первоначальных следственных действий, тактических операций и т. д.

Л. В. Бертовский и В. А. Образцов также не считают преступную деятельность самостоятельным объектом криминалистики, понимая под ним только деятельность по расследованию и предупреждению преступлений со структурой и закономерностями функционирования, присущими любой деятельности, при этом обладающей своим специфическим содержанием в соответствии с поставленной целью. Преступную же деятельность они считают объектом предметно-практической сферы деятельности или процессуальной деятельности правоохранительных органов. Вместе с тем для развития криминалистической науки совершенно справедливо придается методологическое значение изучению такого объекта: «Отсюда (от анализа собранных данных об особенностях совершения отдельных видов преступления) и идут корни теории криминалистической характеристики преступлений, учения о следственной ситуации, учений о преступнике, потерпевшем, очевидце преступления, о способе, следах преступления и многих других объектах» [10, с. 229]. Считая преступную деятельность объектом познавательной деятельности уполномоченных лиц правоохранительных органов, но не кри-

миналистки, Л. В. Бертовский и В. А. Образцов отмечают, что «корни» теории о криминалистической характеристике преступлений и учений (о следственной ситуации, потерпевшем, преступнике и др.) составляют обобщенные данные, полученные в процессе собирания доказательств об обстоятельствах расследуемого преступления [10]. Таким образом, объектом исследования и для криминалистики также выступает преступная деятельность отдельных видов, изученные закономерности которой являются эмпирической основой формирования некоторых научных положений и учений, в частности, о криминалистической характеристике преступлений, следственной ситуации, преступнике, потерпевшем, и многие другие объекты. Основным научным продуктом криминалистики является создание типовой информационной модели преступлений определенного вида и соответствующие типовые методики по их расследованию, что, естественно, может быть основано только на изучении таких объектов, как преступная деятельность и деятельность по расследованию преступлений [11].

Профессор А. А. Эксархопуло, предлагая свое определение криминалистики, отмечает, что понимание предмета науки не меняется кардинально, а отражает разные уровни ее развития: «Криминалистика — это наука о закономерностях, имеющих место в механизме совершения преступления и деятельности, направленной на установление истины по уголовному делу, а также на предотвращение преступлений, осуществляемой уполномоченными на то государственными органами с использованием специальных средств, приемов и методов, разрабатываемых на основе познания этих закономерностей, достижений естественных, технических и иных наук, а также обобщения практики» [12, с. 20—21].

Л. Я. Драпкин и В. Н. Карагодин к объекту криминалистики традиционно относят деятельность криминальную и по расследованию преступлений [13].

Профессора Н. П. Яблоков и И. В. Александров выделяют три объекта криминалистики: «1) преступную деятельность; 2) процесс ее отражения в следах; 3) криминалистическую деятельность по ее расследованию и предупреждению» [14, с. 15]. Однако второй объект входит в обязательный элемент функциональной структуры преступной деятельности — механизм ее совершения, связывая между собой другие элементы: например, субъекта, обстановку, действия, способ, — поэтому он является составляющим в объекте «преступление», но не образует новый.

А. С. Андреев в качестве одного из объектов криминалистики предлагает посткриминальную деятельность [15]. На наш взгляд, данное направление исследования в криминалистике связано с выделением новых составляющих (предметных срезов) в двуедином объекте криминалистики. Посткриминальная деятельность преступника неразрывно связана с совершением уголовно наказуемого деяния и мотивирована его отношением к результатам итогового решения уголовного дела по его подозрению и обвинению. К данному объекту необоснованно относятся этапы расследования, судебное разбирательство [16]. Посткриминальная деятельность не может включать в себя как единый объект два разных целостных явления (вида деятельности) с разной мотивацией, целями, субъектами и т. п. — преступление и расследование, а исследует их предметные срезы.

Таким образом, большинство ученых-криминалистов выделяют в качестве объекта криминалистики деятельность преступную и по расследованию уголовных правонарушений. Однако предлагается отнести к указанному основному и дополнительный объект — знания и достижения других наук [17]. Постоянное заимствование новых положений естественных, технических и других наук позволяет получать и расширять объективную информацию из различных источников криминалистической информации, вводить новые ее источники, например электронные, совершенствуя тем самым методологические основы научных исследований, но не образуя объекта.

Развитие и широкое применение компьютерных технологий во всех сферах науки радикальным образом изменило возможности различных отраслей в достижении исследовательских задач, да и характер этих задач. Цифровые технологии вывели криминалистическую науку на новый этап развития, вызвали появление новых научных теорий и учений, таких как цифровая криминалистика, под которой понимается частная криминалистическая теория, система теоретических положений и криминалистических рекомендаций по результативной работе с цифровой информацией и ее источниками в процессе раскрытия, расследования и предупреждения уголовных правонарушений [18]. Предметом указанной теории выделяются, с одной стороны, закономерности работы с компьютерной информацией и ее источниками, с другой — разработка технических средств, приемов и рекомендаций, направленных на результативность данной деятельности. Такое структурирование научно

и методологически обоснованно для любого подраздела криминалистической техники, тактики и методики.

Выделяя новое направление в криминалистической науке — криминалистическое мышление, Д. В. Бахтеев не объявляет о ее новом объекте, а аргументированно формулирует практическое значение нового частного учения. Криминалистическое мышление рассматривается в качестве обязательного элемента познавательной деятельности в уголовном процессе, исследование которого способствует разработке оптимальных и результативных криминалистических методов, приемов при обнаружении, исследовании, оценке, фиксации и использовании криминалистической информации [19].

Таким образом, предмет криминалистики — правовой, комплексной, прикладной науки, ведущими методами которой выступают активное творческое использование данных других наук, а также анализ судебно-следственной практики, — сложно назвать исчерпывающе. Однако если научные исследования должны строиться по структуре объекта, то и предметные срезы должны отвечать его функциональной структуре. Профессор В. Я. Колдин под предметом криминалистики понимает структуру информационно-познавательной деятельности по раскрытию, расследованию, предупреждению преступлений и криминалистические средства, приемы и методики [3].

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что основные свойства криминалистики, выражающиеся в ее правовом, прикладном, комплексном характере, определяют и ее дальнейшее развитие. Изменение правовых основ, системы принципов отправления правосудия по уголовным делам, развитие всех научных отраслей знаний, радикально преобразовавших жизнь общества, обусловили и методологическую основу формирования основных направлений развития криминалистической науки. С прогрессом человеческого знания формируются и новые криминалистические задачи, поскольку расширяются знания о криминалистических источниках информации.

Появление новых источников криминалистической информации повлекло за собой существенное расширение учений и теорий, таких как криминалистическое исследование микрочастиц, криминалистическая одорология, криминалистическое изу-

чение личности преступника, криминалистическая виктимология, криминалистическая кибернетика (цифровая криминалистика), криминалистическое профилирование, криминалистическая биометрия, криминалистическая фоноскопия и др.

Дальнейшее развитие криминалистики связано с активным использованием результатов развития различных научных знаний и, соответственно, расширения источников криминалистической информации.

Можно предложить следующие предметные срезы в криминалистической и преступной деятельности. В объекте «преступление» нужно выделить следующие составляющие, имеющие значение для его совершения и содержащие о нем информацию:

- следы как источники криминалистической информации;
- механизм;
- обстановка;
- объект и предмет преступления;
- способ совершения;
- условия;
- виновное лицо;
- жертва (потерпевший);
- мотив, цель.

В объекте «раскрытие, расследование, предупреждение преступлений» предметными срезами, имеющими значение для достижения успешного результата, являются:

- правовые основы, обуславливающие цель и задачи уголовно-процессуальной деятельности;
- типовые задачи расследования — правовые, тактические и организационные;
- методы и средства расследования (технические, организационные, логические, тактические, специальные);
- этапы расследования и их содержание;
- субъекты расследования (субъекты доказывания);
- взаимодействие субъектов расследования;
- действия (процессуальные, непроцессуальные);
- условия расследования (ситуации);
- тактические операции;
- формы и методы привлечения к расследованию специальных участников;
- виды решений и их реализация.

1. Савенков А. Н., Россинская Е. Р. Вектор развития криминалистической науки в условиях глобальной цифровизации // Государство и право. 2023. № 5. С. 100—110.

2. Волчецкая Т. С. Современные направления развития криминалистики как науки и как учебной дисциплины // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20, № 1. С. 349—352.

3. Колдин В. Я. Криминалистика: теоретическая наука или прикладная методология? // Вестник Московского ун-та. Сер. 11, Право. 2000. № 4. С. 3—18.

4. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. Москва: ЛексЭст, 2002. 1088 с.

5. Кустов А. М. Этапы развития предмета и объекта криминалистики // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. Тула: Изд-во ТулГУ, 2016. С. 71—77.

6. Криминалистика: учебник / под ред. Т. А. Седовой, А. А. Эксархопуло. Санкт-Петербург: Лань, 2001. 928 с.

7. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. Москва: Юрид. лит., 1987. 270 с.

8. Каминский М. К. Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования // Процедурная революция и криминалистика. Екатеринбург: Чароид, 2002. С. 73—77.

9. Коновалов С. И. Теоретико-методологические основы криминалистики: Современное состояние и проблемы развития: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2001. 36 с.

10. Бертовский Л. В., Образцов В. А. Понятие, объект и предмет криминалистики // Пробелы в Российском законодательстве. 2016. Вып. 4. С. 228—233.

11. Криминалистика: учебник. В 5 т. Т. 2. Методология криминалистики и криминалистический анализ / И. В. Александров, В. Я. Колдин, О. А. Крестовников, С. А. Смирнова; под общ. ред. И. В. Александрова; ред. тома В. Я. Колдин. Москва: Юрайт, 2020. 167 с.

12. Эксархопуло А. А. О предмете криминалистики и его определении // Вестник криминалистики. 2003. Вып. 4 (8). С. 19—28.

13. Драпкин Л. Я., Карагодин В. Н. Криминалистика: учебник. Москва: ТК Велби: Проспект, 2007. 672 с.

1. Savenkov A. N., Rossinskaya Ye. R. The Vector of the development of forensic science in the conditions of global digitalization. State and law, 100—110, 2023. (In Russ.).

2. Volchetskaya T. S. Modern directions of the development of criminalistics as a science and as an academic discipline. Journal of Bashkir University, 349—352, 2015. (In Russ.).

3. Koldin V. Ya. Criminalistics: theoretical science or applied methodology? Moscow University Bulletin. Series 11. Law, 3—18, 2000. (In Russ.).

4. Gross G. Manual for forensic investigators as a system of forensic science. New ed., repr. from the 1908 ed. Moscow: LexEst; 2002: 1088. (In Russ.).

5. Kustov A. M. Stages of the development of the subject and object of criminalistics. Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences, 71—77, 2016. (In Russ.).

6. Criminalistics. Textbook. Ed. by T. A. Sedova, A. A. Exarchopulo. Saint Petersburg: Lan; 2001: 928. (In Russ.).

7. Belkin R. S. Criminalistics: problems, trends, prospects. General and private theories. Moscow: Juridical literature; 1987: 270. (In Russ.).

8. Kaminsky M. K. Professional activity of a lawyer as an object of criminalistic research. In: Procedural revolution and criminalistics. Yekaterinburg: Charoid; 2002: 73—77. (In Russ.).

9. Konovalov S. I. Theoretical and methodological foundations of criminalistics: Modern state and problems of development. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Volgograd; 2001: 36. (In Russ.).

10. Bertovsky L. V., Obratsov V. A. The notion, object and subject of criminalistics. Gaps in Russian legislation, 228—233, 2016. (In Russ.).

11. Aleksandrov I. V., Koldin V. Y., Krestovnikov O. A., Smirnova S. A. Criminalistics. Textbook. In 5 vols. Vol. 2. Methodology of criminalistics and criminalistic analysis. Ed. by I. V. Aleksandrov. Ed. of the volume by V. Ya. Koldin. Moscow: Yurait; 2020: 167. (In Russ.).

12. Exarchopulo A. A. About the subject of criminalistics and its definition. Journal of criminalistics, 19—28, 2003. (In Russ.).

13. Drapkin L. Ya, Karagodin V. N. Criminalistics. Textbook. Moscow: TK Velby: Prospect; 2007: 672. (In Russ.).

14. Yablokov N. P., Alexandrov I. V. Criminalistics. Textbook. In 5 vols. Vol. 1. History of crimina-

14. Яблоков Н. П., Александров И. В. Криминалистика: учебник. В 5 т. Т. 1. История криминалистики / под общ. ред. И. В. Александрова. Москва: Юрайт, 2021. 205 с.

15. Андреев А. С. Посткриминальная деятельность как объект познания криминалистики и практики расследования преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2020. 53 с.

16. Андреев А. С. Стадии и объекты посткриминальной деятельности в науке криминалистике и практике раскрытия, расследования и предупреждения преступлений // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 1. С. 88—93.

17. Бирюков В. В., Бирюкова Т. П. Криминалистика: объективная необходимость возникновения, соотношение ее объекта и предмета // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Юридические науки». 2014. Т. 27 (66), № 3. С. 180—186.

18. Цифровая криминалистика: учеб. для вузов / В. Б. Вехов [и др.]; под ред. В. Б. Вехова, С. В. Зуева. Москва: Юрайт, 2022. 417 с.

19. Бахтеев Д. В. Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 41 с.

listics. Ed. by I. V. Alexandrov. Moscow: Yurait; 2021: 205. (In Russ.).

15. Andreev A. S. Post-criminal activity as an object of cognition of criminalistics and practice of crime investigation. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Rostov-on-Don; 2020: 53. (In Russ.).

16. Andreev A. S. Stages and objects of post-criminal activity in the science of and the criminalistics practice of detection, investigation and prevention of crime. Jurist-Pravoved, 88—93, 2022. (In Russ.).

17. Biryukov V. V., Biryukova T. P. Criminalistics: objective necessity of emergence, the ratio of its object and subject. Scientific notes of the V. I. Vernadsky Tavrichesky National University. Series "Juridical sciences", 180—186, 2014. (In Russ.).

18. Vekhov V. B. (et al.). Digital criminalistics. Textbook for universities. Ed. by V. B. Vekhov, S. V. Zuev. Moscow: Yurait; 2022: 417. (In Russ.).

19. Bakhteev D. V. Conceptual bases of the theory of criminalistic thinking and the use of artificial intelligence systems in the investigation of crimes. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Yekaterinburg; 2022: 41. (In Russ.).

Ким Клара Васильевна,

заслуженный профессор

Высшей школы права

Университета Максута Нарикбаева,

кандидат юридических наук, доцент;

kimkv-fzo@mail.ru

Kim Clara Vasiliyevna,

honoured professor

of the Graduate School of Law

of Maksut Narikbayev University,

candidate of juridical sciences, docent;

kimkv-fzo@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.09.2024; одобрена после рецензирования 22.09.2024; принята к публикации 14.11.2024.

The article was submitted 13.09.2024; approved after reviewing 22.09.2024; accepted for publication 14.11.2024.

* * *

УДК 343.98

ЦИФРОВАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ В КРИМИНАЛИСТИКЕ**Яна Александровна Климова**

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, aya3008@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется конвергенция современных IT-технологий и криминалистической деятельности, способствующая развитию цифровой криминалистики и появлению новых направлений исследований, подчеркивается роль нейротехнологий в расследовании преступлений. Делается вывод о том, что особенности использования IT-технологий преступниками обуславливают специфику расследования преступлений. Автор выделяет основные способы применения современных технологий при совершении различных преступлений: цифровых технологий как орудия совершения преступления, современного оборудования и программного обеспечения в качестве средства совершения преступления, виртуального пространства как места совершения преступлений. Акцентируется внимание на растущей популярности метавселенных, создающей предпосылки для совершения киберпреступлений, таких как кибербуллинг, киберфизическое насилие, хищение персональных данных и др. Подчеркивается, что перспективным направлением повышения эффективности расследования является интеграция нейротехнологий в этот процесс. Делается вывод о том, что изучение данной проблематики будет способствовать совершенствованию правоприменительной практики и созданию новых действенных методов расследования различных видов современных преступлений.

Ключевые слова: цифровая криминалистика, информационно-телекоммуникационные технологии, расследование преступлений, IT-технологии, конвергенция, метавселенная, цифровизация.

Для цитирования: Климова Я. А. Цифровая конвергенция в криминалистике // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 4 (71). С. 105—110.

DIGITAL CONVERGENCE IN THE FORENSIC SCIENCE**Yana Aleksandrovna Klimova**

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, aya3008@yandex.ru

Abstract. This paper is consecrated of the convergence analysis of state-of-the-art IT-technologies and forensic activities which leads to the development of the digital forensic science as well as the presentation of new avenues of research; the importance of neurotechnologies aiming to investigation of crimes is also highlighted herein. It is concluded that certain options of IT-technologies application by perpetrators of crimes influence over the special nature of investigation of such crimes. The paper writer highlights the main IT-technologies applications while committing an offence, namely: application of IT-technologies as an instrument of crime, application of up-to-date equipment and software as a crime instrumentality, commission of a crime directly within virtual space. This paper has an emphasis on an increasing popularity of metauniverses that creates risks for cyber-crimes commission namely: cyberbullying, cyber-physical violence, identity theft etc. One of the prospective trends is an integration of neurotechnologies into an investigation process. It is concluded that the study of such range of issues can promote the improvement of the law enforcement practice as well as the creation of new effective methods of investigation of different modern crimes.

Keywords: digital forensic science, information & communication technologies, investigation of crimes, IT-technologies, convergence, metauniverse, digitalization

For citation: Klimova Ya. A. Digital convergence in the forensic science. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 105—110, 2024. (In Russ.).

В настоящее время проблема необходимости трансформации криминалистической науки в контексте цифровизации становится все более актуальной. Об этом свидетельствует тенденция ста-

бильного увеличения показателей роста высокотехнологичных преступлений, которая сохраняется на протяжении нескольких последних лет (рис. 1).

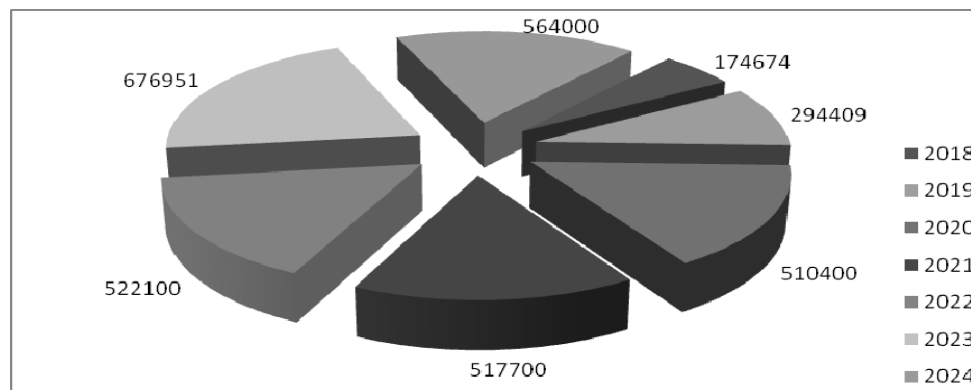

Рис. 1. Статистические данные правоохранительных органов Российской Федерации о количестве преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, за 2018–2024 гг.¹

Особенности применения преступниками IT-технологий, обуславливающие специфику расследования таких преступлений, в соответствии с результатами анализа следственной и судебной практики можно условно разделить на несколько основных групп:

- использование цифровых технологий, таких как искусственный интеллект (в том числе нейросети), блокчейн, виртуальные валюты (криптовалюты), «интернет вещей» (IoT), Big Data, а также различных цифровых устройств как орудия совершения преступления;

- применение современного оборудования и программного обеспечения в качестве средства достижения преступных целей (например, незаконный сбор персональных данных с помощью фишинговых сайтов или взлома аккаунтов в мессенджерах в целях последующего использования для совершения преступлений с применением технологии Deepfake);

- совершение преступлений в виртуальном пространстве.

Последнее можно проиллюстрировать на примере инновационного интересного и многообещающего концепта, которым является метавселенная (metaverse), приобретающая все большую значимость в современном мире. Метавселенная представляет собой новую цифровую среду, объединяющую разнообразные платформы и технологии.

Растущая популярность метавселенных создает риски, связанные с использованием этой среды для кибербуллинга, киберфизического насилия (особенно в отношении несовершеннолетних), хищения персональных данных, NFT, 3D-собственности, виртуальных предметов, цифровых активов, краж и подделки цифровых идентификаторов личности, отмывания денег, мошенничества и др. По мере увеличения числа пользователей и развития технологий этот список будет расти.

С криминалистической точки зрения метавселенная — это синкретизм физической, дополненной и виртуальной реальностей, образующих общее киберпространство. К характерным чертам метавселенной можно отнести ощущение полного погружения, интерактивность в реальном времени, возможность пользователя управлять, владеть, создавать и пр., взаимодействие между платформами и устройствами, одновременное взаимодействие большого количества людей, использование в различных сферах. Можно предположить, что metaverse станет следующим поколением глобальных сетей.

¹ См.: Состояние преступности в России за 2018—2023 гг. URL: file:///C:/Users/HOME/Downloads/Sbornik_23_12.pdf (дата обращения: 03.11.2024); Состояние преступности в России за январь — октябрь 2024 г. URL: file:///C:/Users/HOME/Downloads/Sbornik_2410_UOS.pdf (дата обращения: 03.11.2024).

Таким образом, metaverse — это постоянно функционирующая виртуальная среда, где пользователи могут взаимодействовать друг с другом и с цифровыми объектами через свои аватары, используя иммерсивные технологии (совокупность AR (дополненной реальности), VR (виртуальной реальности) и XR (расширенной реальности)). Однако такое взаимодействие может носить преступный характер и стимулировать развитие Meta Criminal.

Например, метод криминалистического прогнозирования позволяет предположить, что в ближайшем будущем в киберпространстве все более распространенными станут преступные действия, направленные на незаконное завладение цифровыми активами. В связи с этим особый интерес представляет рассмотрение невзаимозаменяемых токенов (Non-Fungible Tokens, NFT) в качестве предмета таких преступных посягательств. NFT являются цифровым представлением уникальных объектов — физических или виртуальных. В настоящее время их широкое использование связано с представлением цифровых произведений искусства или коллекционных предметов.

Проникновение NFT в традиционный мир искусства началось с 2020 г. Однако первый случай, когда произведение изобразительного искусства из физического традиционного мира искусства было преобразовано в NFT, произошел в сентябре 2018 г. Картина Энди Уорхола «14 маленьких электрических стульев», созданная в 1980 г., состоит из 14 небольших фрагментов, расположенных в два ряда. 31,5 % акций физически существующей картины были проданы нескольким людям в виде NFT через смарт-контракт на аукционной платформе Maecenas нескольким инвесторам за 1,7 млн долларов США¹.

Монетизация цифрового искусства и функционирование токенов основаны на технологии блокчейн, которая представляет собой цепочку блоков с информацией. В блокчейне хранятся все данные о проведенных транзакциях, и, в отличие от традиционных баз данных, здесь невозможно удалить или изменить информацию — можно только добавить новые записи. Эта же технология лежит в основе всех криптовалют, начиная с биткоина.

NFT содержат информацию, подтверждающую авторство и историю владения, которая гарантирует подлинность и уникальность произведений,

что важно для коллекционеров. Токены при этом могут быть проданы и куплены в любой точке мира.

Преимущество NFT заключается в том, что они создают практически невозможную ранее форму собственности на небольшую часть произведения искусства. Этот метод «закрепления владения» связан с большими финансовыми вложениями и может рассматриваться как новая экономическая стратегия в мире цифровых изображений. Изучение специфики расследования хищений таких объектов в киберпространстве, безусловно, отвечает новым вызовам современности.

Вместе с тем следует отметить, что киберпреступления могут не только иметь имущественные последствия, но и представлять реальную угрозу физическому здоровью людей. Проиллюстрируем это следующим примером: в начале января 2024 г. британская полиция впервые начала расследование сексуального преступления в метавселенной. Жертвой стала девочка в возрасте до 16 лет, аватар которой подвергся групповому изнасилованию. Подчеркивается, что использованная пострадавшей VR-гарнитура, благодаря встроенным дисплеям и аудиосистеме, создает эффект полного погружения. Нападение расследуется полицией на том основании, что, хотя девочка сама по себе не получила никаких телесных повреждений, из-за захватывающего иммерсивного характера воздействия она получила такую же психологическую и эмоциональную травму, как если бы изнасилование произошло в реальности².

Интерес к проблеме поддерживается на самом высоком уровне. По мнению Президента России Владимира Путина, развитие metaverse выдвигает на первый план вопросы обеспечения кибербезопасности не только самого человека, но и «его виртуального двойника»³. В связи с этим все более значимым становится поиск эффективных методов и средств расследования таких преступлений.

Криминалистическая наука на современном этапе, ввиду своей способности оперативно внедрять новейшие достижения научно-технического прогресса и реагировать на происходящие инновационные изменения в обществе, находится в авангарде борьбы с преступностью.

² См.: Впервые полиция начала расследование в метавселенной. URL: <https://xn--80aafkca5bdpa3bj2p.xn--p1ai/> (дата обращения: 17.09.2024).

³ См.: Конференция по искусственному интеллекту и анализу данных Artificial Intelligence Journey. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67099> (дата обращения: 18.09.2024).

¹ См.: Картину Уорхола продали по частям на первом криптовалютном аукционе. URL: <https://style.rbc.ru/repost/5b321d3d9a79472e748915c7> (дата обращения: 10.10.2024).

Полагаем, что конвергенция как полисистемный термин наиболее точно отражает суть происходящих процессов интеграции современных IT-технологий в криминалистическую деятельность. Цифровая конвергенция в криминалистике направлена на достижение значимого результата в виде максимальной согласованности сближающихся правовых понятий.

Потенциальным итогом такого слияния может стать развитие цифровой криминалистики. Исходя из логики исследования, считаем целесообразным рассматривать цифровую криминалистику в качестве своеобразной надстройки над традиционными разделами криминалистики, нового витка развития криминалистической науки, концепции, ориентированной на цифровую трансформацию всего процесса расследования, в том числе деятельности по собиранию, фиксации и исследованию криминалистически значимой информации с помощью не только устоявшихся средств и методов, но и новых технологий.

По нашему мнению, в структуре цифровой криминалистики можно выделить несколько взаимосвязанных и взаимодополняющих направлений в зависимости от конкретного предмета исследования:

1. Исследование различных устройств — носителей электронной информации — в целях получения цифровых доказательств и установления механизма слеодообразования (компьютеров, планшетов, смартфонов и других девайсов, гаджетов, внешних съемных запоминающих устройств, беспилотных воздушных судов, видеорегистраторов и т. д.).

2. Исследование сетевых устройств для установления следовой картины (маршрутизаторов, серверов, межсетевых экранов (файрволов) и т. д.).

3. Исследование различных баз данных в целях получения информации о личности преступника, потерпевшего, об их финансовых потоках, медицинских записях и т. д.

4. «Облачные» исследования (изучение данных, размещенных в облачных хранилищах, на виртуальных машинах, удаленных рабочих столах и т. д.).

5. Исследование IoT-устройств («интернет вещей»), позволяющее получать и анализировать данные с устройств, входящих в систему «Умный дом».

6. Исследование мультимедийных данных: аудио-, видео-, фотоизображений, в том числе дипфейков.

7. Исследование киберпространства (метавселенных).

Кроме этого, интерес представляет перспектива использования в качестве инструментария цифровой криминалистики LegalTech — межатраслевого способа цифровой трансформации, находящегося на стыке юриспруденции и IT. В широком смысле дефиницию следует рассматривать как концепцию внедрения различных современных технологий в практическую деятельность для ее оптимизации.

В традиционном понимании LegalTech представляет собой класс цифровых продуктов, прежде всего программного обеспечения, направленного на автоматизацию деятельности юристов (например, базы нормативных правовых актов и судебных актов).

Полагаем, что для задач правоохранительной деятельности следует расширенно понимать LegalTech как любое программное обеспечение (и специализированное, и неспециализированное), которое потенциально может быть использовано для повышения эффективности расследования преступлений путем поиска, анализа и обобщения юридической информации, предиктивной аналитики, создания конструкторов процессуальных документов.

Однако одним из самых перспективных направлений цифровой конвергенции считаем интеграцию нейротехнологий в процесс расследования. В соответствии с универсальной теоремой аппроксимации любой существующий процесс можно «предсказать» с помощью нейронов. В самом широком смысле аппроксимация — это метод нахождения в целом наиболее близкого значения, построение приближенной (аппроксимирующей) функции, т. е. определенное «доставание» недостающих этапов деятельности. В связи с этим под нейронной сетью в цифровой криминалистике предлагаем понимать метод искусственного интеллекта, основанный на глубоком обучении (Deep Learning), позволяющем обучать модель «предсказывать» результат по набору входных данных путем воспроизведения работы человеческого мозга, воссоздания абстрактного мышления в программе при помощи слоев нейронов, направленный на изучение и получение информации в целях расследования и раскрытия преступлений.

Учитывая сказанное, считаем, что применение нейротехнологий в криминалистической деятельности позволит расширить горизонт возможностей расследования, при этом передовыми системами искусственного интеллекта следует считать боль-

шие языковые модели (Large Language Model, LLM). Это типы моделей глубокого обучения, предназначенные для обработки, понимания и создания текста, подобного человеческому. Они основаны на методах глубокого обучения и обучены на массивных наборах данных.

Полагаем, что использование алгоритмов искусственного интеллекта призвано повысить эффективность расследования за счет сокращения времени обработки данных и оперативного получения криминалистически значимой информации.

Перспективным направлением использования таких нейросетевых моделей при расследовании современных преступлений видится нам, прежде всего, разработка и использование специальной архитектуры нейронной сети, направленной на выявление признаков апскейлинга (технического улучшения качества исходного контента), применение состязательно-генеративных нейросетей для создания дипфейков.

Однако в настоящее время существуют ограничения применимости моделей (рис. 2).

Рис. 2. Факторы, влияющие на ограничения применимости нейросетевых технологий

Таким образом, изучение указанной проблематики позволит существенно улучшить правоприменительную практику. Цифровая криминалистика постепенно занимает лидирующие позиции и способна произвести революцию в расследовании преступлений, поскольку способствует переосмыслению традиционных и разработке новых дейст-

венных методик расследования различных видов и групп преступлений. Создание научно обоснованного алгоритма расследования в условиях цифровизации обеспечит повышение качества и эффективности предварительного расследования и правосудия в целом.

Климова Яна Александровна,
профессор кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
aya3008@yandex.ru

Klimova Yana Aleksandrovna,
professor at the criminalistics department
of the educational and scientific complex
for preliminary investigations
at internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
aya3008@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 12.10.2024; одобрена после рецензирования 20.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.

The article was submitted 12.10.2024; approved after reviewing 20.10.2024; accepted for publication 14.11.2024.

* * *

УДК 343.102

**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА И ТЕХНОЛОГИИ,
ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЛЯ РОЗЫСКА ЛИЦ,
БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИХ**

Данила Валерьевич Дубаков

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, dubakov.danila@mail.ru

Аннотация. В статье проводится анализ результатов теоретических исследований и основных практических направлений использования современных технических средств и технологий, а именно систем глобального позиционирования (GPS), средств навигации и картографии, беспилотных воздушных судов, нейросетевых технологий в целях непосредственного розыска лиц, без вести пропавших. Выявляются особенности и значимость применения данных технических средств и технологий в решении оперативно-розыскных задач, анализируются недостатки, преимущества и способы улучшения их работы при выполнении поисковых заданий.

Автор раскрывает специфику каждого технического средства и технологий, рассматривая их применение и возможности на практике для определения значимости при проведении особого рода операций по установлению местонахождения лица, пропавшего без вести. Особое внимание уделяется совершенствованию работы сотрудников органов внутренних дел при выполнении задач по розыску лиц, а также необходимым для этого изменениям в законодательстве, регулирующем порядок использования технических средств и технологий.

Ключевые слова: специальные технические средства, технологии; лица, без вести пропавшие; оперативно-розыскная деятельность; розыск лиц; геолокация

Для цитирования: Дубаков Д. В. Современные технические средства и технологии, используемые для розыска лиц, без вести пропавших // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 4 (71). С. 111—118.

**MODERN TECHNICAL MEANS AND TECHNOLOGIES
TO SEARCH FOR MISSING PERSONS**

Danila Valerievich Dubakov

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, dubakov.danila@ru

Abstract. The article analyses the results of theoretical research and the main practical aspects of using modern technical means and technologies, specifically, Global Positioning Systems (GPS), navigation and cartography, unmanned aerial vehicles, neural network technologies to directly search for missing persons. The peculiarities and significance of the use of these technical means and technologies to solve detective tasks are identified, the disadvantages, advantages and ways to improve their work in the providing of search tasks are analyzed.

The author defines the specificity of each technical mean and technologies, examining their application and possibilities in practice to determine their significance in carrying out a special kind of activities to locate a missing person. Specific attention is focused on improving the activities of internal affairs officers in carrying out tasks related to the search for persons, as well as the necessary changes in legislation concerning the use of technical means and technologies.

Keywords: special technical means, technologies; missing persons; detective-activities; search for persons; geolocation

For citation: Dubakov D. V. Modern technical means and technologies to search for missing persons. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 111—118, 2024. (In Russ.).

Ежегодно в России пропадают десятки тысяч людей. Причины этого весьма разнообразны. Не совершеннолетние преимущественно пропадают без вести в связи с возникшими конфликтами в семье, ближайшем окружении или учебном заведении. Взрослые люди скрываются от правосудия или кредиторов, а также совершают суицид. В населенных пунктах, расположенных вблизи дикой природы, люди могут пропасть, став жертвами нападения диких зверей. В некоторых случаях причиной безвестного исчезновения становится болезнь или травма и наступившие последствия от них (например, помутнение сознания, частичная или полная потеря памяти после инсульта или черепно-мозговой травмы). Одна из самых серьезных причин (криминальная) — совершение преступления в отношении пропавшего.

Представленная Единой межведомственной информационно-статистической системой (ЕМИСС) статистика указывает, что в период с 2019 по 2023 г. общее количество разыскиваемых лиц, без вести пропавших, составило 206 859¹. Нередко критически важно установить местонахождение пропавшего (особенно если это ребенок) в кратчайшие сроки. От скорости отыскания человека во многих случаях зависят его шансы остаться в живых. Как отмечается в научной литературе со ссылкой на статистические данные, вероятность найти пропавшего человека живым в первые сутки составляет 95 %, во вторые — 80 %, в третьи — 50 %, а далее снижается с каждым днем [1, с. 26].

Осуществлять розыск лиц, пропавших без вести, — это обязанность полиции в соответствии со ст. 12 Федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (далее — ФЗ «О полиции»). Этой же статьей предусмотрена обязанность органов внутренних дел осуществлять оперативно-розыскную деятельность в случаях, установленных законом. Для поиска применяется совокупность самых разнообразных мер, которые нередко предполагают использование технических средств и технологий. Полиции предоставлено право на использование для реализации своих полномочий беспилотных аппаратов, информационных систем и других безопасных для человека и окружающей среды технических средств (ст. 13 ФЗ «О полиции», ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-

розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (далее — ФЗ «Об ОРД»)). Использование современных технологий органами внутренних дел для реализации возложенных на них задач — одно из инновационных направлений развития правоохранительных органов в России.

Современные технические средства и технологии для розыска лиц, без вести пропавших, включают в себя широкий спектр технологий и методов, которые помогают правоохранительным органам и поисково-спасательным службам в их работе. Рассмотрим наиболее важные направления.

Системы глобального позиционирования (GPS). Использование GPS-трекеров и других устройств для отслеживания местоположения лица может быть эффективным инструментом для поиска пропавших людей. Эти устройства могут быть установлены на мобильные телефоны, наручные часы или другие предметы, находящиеся при человеке.

В последние несколько лет на прорывное развитие средств сотовой связи, которые могут и должны активно применяться в деле розыска без вести пропавших, указывают многие авторы [2; 3].

Если у пропавшего есть с собой предметы с включенным GPS-модулем, то можно отследить его местоположение в режиме реального времени с помощью специальных программ или сервисов. Это может быть полезно, если человек заблудился в лесу, ребенок потерялся в толпе или перемещение пропавшего осуществляется на автомобиле.

Так, З. З. Ложис и Р. В. Чупахин со ссылкой на архив уголовных дел правоохранительных органов Ставропольского края приводят следующий пример. Компетентными структурами в 2019 г. возбуждалось уголовное дело по факту безвестного исчезновения воспитанника детского дома Р. Следователь получил судебное решение на истребование сведений о месте позиционирования мобильного телефона пропавшего. Подросток Р. продолжал использовать свой телефон, что позволило с помощью GPS-модуля установить его местоположение на территории Московской области [4, с. 23].

Сложность применения рассматриваемых технических средств для поиска лиц заключается в том, что в труднодоступных местах качество сотовой связи может не передать нужного сигнала с мобильного устройства потерявшегося.

¹ Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://fedstat.ru/indicator/36194> (дата обращения: 03.09.2024).

Однако существует и другая проблема — сотрудники органов внутренних дел не проявляют в достаточной степени инициативу для использования геолокационных данных мобильных устройств при розыске без вести пропавших. По результатам исследования, проведенного названными выше авторами в 2021 г., из 90 опрошенных сотрудников следственных органов МВД России только 21 информировал о работе на указанном направлении. Правоохранители обосновали такое положение дел тем, что снятие информации с технических каналов связи имеет формализованную процедуру, которая приводит к временным затратам. Как следствие, местоположение пропавших во многих случаях устанавливается с помощью других розыскных мероприятий (проверка возможных мест пребывания, массовый поиск и т. д.) раньше, чем поступает информация из оперативно-технических подразделений об установлении геолокации пропавшего [4, с. 25].

В целом же в юридической науке поднимается вопрос о правовом статусе геолокации с точки зрения уголовного процесса, а также розыска без вести пропавших лиц. Отсутствует однозначная позиция о том, относится геолокация к данным, охраняемым тайной телефонных переговоров, или доступ к ней ограничен в силу того, что это элемент частной жизни. От ответа на этот вопрос зависит процедура получения сведений о геолокации лица.

Например, доступ к частной жизни несовершеннолетних возможен при наличии согласия законных представителей несовершеннолетнего. Следовательно, при согласии законного представителя без вести пропавшего ребенка судебный контроль (предварительный или последующий) для получения сведений о геолокации его мобильного телефона не требуется.

Учитывая изложенное, дальнейшие перспективы использования систем глобального позиционирования в оперативно-розыскной деятельности правоохранительных органов могут быть ориентированы на следующие изменения в законодательной базе:

- внесение изменений в ст. 8 ФЗ «Об ОРД» в части получения информации о соединениях абонентского устройства, находящегося при без вести пропавшем несовершеннолетнем, с иным оборудованием без судебного решения при наличии письменного согласия законного представителя;

- закрепление в Федеральном законе «О связи» от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ максимально короткого срока на исполнение операторами сото-

вой связи запросов правоохранительных органов о снятии информации с технических каналов связи без вести пропавших лиц (например, в течение трех суток с момента получения такого запроса).

Средства навигации и картографии. С одной стороны, эти средства тесно связаны с применением систем глобального позиционирования. Современные навигаторы способны построить маршрут до определенного места, геолокация которого известна. Таким образом, в случае получения данных о локализации предмета, находившегося при пропавшем, по GPS-трекеру средства навигации выстраивают для сотрудника органов внутренних дел безопасный и доступный путь к предполагаемому месту нахождения разыскиваемого лица.

С другой стороны, при необходимости исследования значительной территории или лесных массивов средства навигации не только помогут в ориентировании на местности, но и запишут треки поисковой группы. При загрузке этих данных в штабной компьютер правоохранители смогут увидеть, какая территория уже была исследована поисковой группой, а какую еще предстоит исследовать.

Основная проблема использования описанных технических средств заключается в том, что для работы навигационных систем требуется наличие связи со спутниками, которая в отдаленных и труднодоступных местностях может отсутствовать. Отметим, в настоящее время имеется ряд картографических программ с расширенными характеристиками, внедряемых в силовые ведомства. Например, зарекомендовавшая себя в зоне СВО программа AlpineQuest может отвечать основным требованиям при проведении поисковых мероприятий (способна работать в режиме офлайн; имеет возможность записывать траекторию передвижения, измерять расстояния, азимуты, площади; расчеты, производимые в приложении, более точны, быстры и т. д.).

Беспилотные воздушные судна (БВС). В последнее время использование БВС приобрело популярность во многих сферах человеческой жизни, в том числе в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел.

Использование БВС органами внутренних дел для розыска без вести пропавших имеет ряд преимуществ:

- скорость и эффективность — БВС позволяют оперативно обследовать большие территории, что ускоряет процесс поиска;

- обследование труднодоступных мест — БВС позволяют обследовать такие места, в которых

движение человека пешком или на транспорте затруднено;

- снижение риска для сотрудников органов внутренних дел — использование БВС позволяет избежать непосредственного контакта с потенциально опасными ситуациями, что уменьшает риск для жизни и здоровья сотрудников;

- анализ данных в режиме реального времени — современные БВС оснащены камерами высокого разрешения и датчиками, позволяющими получать и анализировать данные в режиме реального времени, что помогает оперативно принимать решения и корректировать поисковые операции;

- экономическая эффективность — использование БВС снижает затраты трудовых, временных и материальных ресурсов на поиск пропавшего человека.

Как отмечают В. Б. Косовский и С. Н. Мартынюк, применение БВС при осуществлении розыскных мероприятий может заменить целую розыскную группу, которая, как правило, включает в свой состав достаточно большое количество сотрудников [5].

Кроме того, БВС можно использовать для мониторинга поисковых операций и координации действий спасательных групп. С помощью них могут быть собраны данные о местности (рельеф, растительность и другие особенности), которые будут полезны при анализе ситуации и планировании дальнейших действий по поиску без вести пропавшего.

БВС могут оснащаться тепловизорами для обнаружения признаков жизни, что поможет в поиске пропавших людей в ночное время или в условиях плохой видимости. Они также могут быть оснащены камерами высокого разрешения и датчиками движения для поиска следов на местности или других признаков присутствия человека [6]. Между тем Е. Л. Красовская отмечает, что эффективность применения беспилотных летательных аппаратов с тепловизорами при поиске людей на местности напрямую зависит от наличия навыков работы с подобной техникой у лица, которое ей управляет, от его опыта и квалификации [7].

Следовательно, для эффективного использования указанных технических средств в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел требуются кадры, прошедшие теоретическое обучение и получившие базовые практические навыки. Однако в настоящее время отсутствие подготовленных кадров для управления БВС в органах внутренних дел является проблемой.

Основным недостатком применения БВС для розыска без вести пропавших лиц также является

их отсутствие в территориальных подразделениях органов внутренних дел. При необходимости использования БВС в подобных ситуациях сотрудники органов внутренних дел вынуждены привлекать волонтеров, имеющих такие летательные аппараты и обладающих навыками управления ими.

В вопросе применения БВС для розыска без вести пропавших не менее остро встает проблема соблюдения конституционных прав граждан. Данные аппараты исследуют обширные территории, на которых могут находиться третьи лица, не имеющие отношения к пропавшему. Получение информации об их частной жизни в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий по поиску без вести пропавшего нарушает конституционное право на сохранение личной, семейной и иных видов тайн о частной жизни. В связи с этим С. В. Екимцев отмечает, что применение БВС в случаях, ограничивающих конституционные права, требует вынесения судебного решения [6].

Данная позиция не является однозначной, поскольку судебные решения о производстве оперативно-розыскных мероприятий не принимаются в отношении неопределенного круга лиц, чьи права потенциально могут быть затронуты.

Помимо этого, использование правоохранительными органами БВС при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий требует разработки и принятия специальных правил, подробно устанавливающих порядок применения этих устройств (цели, задачи и условия их использования, требования к самим летательным аппаратам, их сертификация; правила и гарантии конфиденциальности полученной информации о частной жизни не только разыскиваемого, но и третьих лиц; алгоритм действий сотрудников в случае технических сбоев в оборудовании во время его использования; квалификационные требования к сотрудникам, которые могут быть допущены к работе в БВС, и пр.).

Таким образом, использование БВС органами внутренних дел для поиска без вести пропавших лиц имеет неоспоримые преимущества, но в настоящее время не является панацеей. В некоторых случаях такие аппараты могут не справиться со своей функцией и не принести должных результатов. Тем не менее БВС — инструмент, который способен повысить скорость и эффективность розыска без вести пропавших лиц. Однако его использование требует разработки дополнительной нормативно-правовой базы, регулирующей порядок применения БВС оперативными подразделениями органов внутренних дел, в том числе для розыска указанных лиц.

Нейросетевые технологии. Как отмечает Т. И. Губарева, применение цифровых технологий уже урегулировано частично различными правовыми актами, а их внедрение в государственное управление ежегодно усиливается. Деятельность многих органов государственного управления стремится к тотальной цифровизации. О мерах по цифровой трансформации упоминается в Перечне поручений Президента Российской Федерации по итогам конференции по искусственному интеллекту [8].

Не обошло стороной внедрение цифровых технологий и работу органов внутренних дел. На основе принятого в 2021 г. распоряжения Правительства Российской Федерации¹, утвердившего стратегическое направление в области цифровой трансформации государственного управления, Министерством внутренних дел России была разработана и внедрена ведомственная программа цифровой трансформации, рассчитанная на 2022—2024 гг.²

В современном обществе широко распространено использование различных возможностей искусственного интеллекта. Он представляет собой комплекс технологических решений, способный к имитации когнитивных функций человека, в том числе поиск решений в условиях отсутствия заранее заданных алгоритмов. Результаты, которые выдает искусственный интеллект, сравнимы с результатами интеллектуальной деятельности живого человека.

Среди всех возможностей искусственного интеллекта в вопросе розыска без вести пропавших лиц важно обратить внимание на нейросетевые технологии. Анализ связи, проводимый нейросетью, позволяет ей выявлять существующие зависимости между входными и выходными данными, обобщать их, делать выводы, выстраивая новые логические цепочки.

Следует отметить, что в научной литературе не уделяется должного внимания вопросу применения нейросетей в деятельности органов внутренних дел в целом и при розыске без вести пропавших в частности. Это обусловлено тем, что практику их применения нельзя назвать обширной. Однако стоит согласиться, что применение систем искусственного интеллекта способно значительно облегчить работу правоохранительных органов, поскольку они могут обрабатывать большие объемы цифровой информации в короткие сроки в автоматизированном режиме.

По мнению В. Б. Батоева, продукты искусственного интеллекта неизбежно войдут в работу органов внутренних дел и станут ее неотъемлемой частью [9].

Основное направление использования нейросетевых технологий в розыске без вести пропавших лиц — это идентификация по внешнему виду. В качестве положительного примера можно отметить практику, существующую в Москве с 2017 г. Здесь установлено несколько десятков тысяч камер, в систему которых вносятся фотографии разыскиваемых лиц. Как только человек попадает в поле зрения одной из видеокамер, органы внутренних дел получают соответствующий сигнал³.

Согласно данным, распространяемым в средствах массовой информации, по состоянию на начало 2024 г. система видеонаблюдения Москвы насчитывала около 290 тыс. камер. Названный регион не является единственным в этом отношении. Городское видеонаблюдение Санкт-Петербурга насчитывает 104 тыс. видеокамер, а Московской области — 132 тыс. камер⁴.

Ряд ученых, среди которых А. Н. Сретенцев, обращают внимание на недостаточную точность идентификации (70—82 %), поскольку видеосцена городской жизни многообъектна и динамична. Нейросетевые технологии еще не в состоянии выдать на 100 % точный результат, что может привести к ошибкам в работе правоохранительных органов [10]. Между тем не стоит умалять и тот положительный эффект, который можно достиг-

¹ Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления: распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 октября 2021 г. № 2998-р // СЗ РФ. 2021. № 44 (ч. 3). Ст. 7467 (документ утратил силу).

² Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2022—2024 годы: распоряжение МВД России от 11 января 2022 г. № 1/37 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_414300/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 30.05.2024).

³ Москвичка просит суд запретить распознавание лиц городской системой видеонаблюдения. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/10/06/812955-moskvichka-prosit-sud> (дата обращения: 30.05.2024).

⁴ Исследование: какие регионы лидируют по количеству камер городских систем видеонаблюдения. URL: <https://telesputnik.ru/materials/tech/news/issledovanie-kakie-regiony-lidiruyut-po-kolicestvu-kamer-gorodskix-sistem-videonablyudeniya> (дата обращения: 30.05.2024).

нуть благодаря описанным выше возможностям нейросетей.

В тех случаях, когда без вести пропавший человек жив и находится в населенном пункте, продолжая свою жизнедеятельность на новом месте (по разным причинам: потеря памяти или добровольный уход из дома), нейросети с помощью возможностей идентификации способны дать нужный след органам внутренних дел.

В то же время сложно спорить с тем, что любые механизмы, в том числе алгоритмы работы нейросетевых технологий, должны совершенствоваться. В свою очередь, выявить недостатки системы и направления ее доработки гораздо проще после апробации в реальных условиях. Одновременно с этим следует говорить о тесном взаимодействии человека и механизма, которое требуется для снижения количества ошибок. Система видеoidентификации способна подать первичный сигнал сотрудникам органов внутренних дел, но окончательное решение всегда останется за людьми, которые способны при необходимости перепроверить полученную информацию [11].

В начале марта 2018 г. Управлением МВД России по Рязанской области были представлены мобильные биометрические комплексы (далее — МБК), оснащенные нейросетью, позволяющей осуществлять идентификацию физических лиц. Сервер МБК размещается на шасси транспортного средства полиции, подключается к десяти видеокамерам, которые устанавливаются на рамках металлодетекторов, используемых при проведении массовых мероприятий. Система сопоставляет живых людей с фотографиями, имеющимися в базе разыскиваемых лиц органов внутренних дел. В случае распознавания человека системой МБК информация о личности с кратким описанием деяния направляется сотруднику органов внутренних дел в режиме реального времени. Как было заявлено на презентации МБК, точность идентификации приближается к 100 %¹.

К сожалению, после проведенной презентации на протяжении более шести лет ни в средствах массовой информации, ни на официальном сайте Управления МВД России по Рязанской области не сообщается о фактическом внедрении системы МБК в работу органов внутренних дел и достигнутых результатах. Какие-либо комментарии официаль-

ных лиц о причинах, препятствующих использованию МБК на практике, также отсутствуют. В связи с этим на данный момент применение описываемой нейросети в деятельности правоохранительных органов является скорее перспективой будущего, чем реалиями настоящего.

Оперативными подразделениями МВД России также принят в работу программный комплекс мониторинга и анализа социальных сетей и онлайн-СМИ «Демон Лапласа» (LD 3.0). В настоящее время с его помощью в автоматизированном режиме выявляются аккаунты, через которые в сети Интернет публикуется противоправная информация [12]. Вместе с тем данный программный комплекс может быть использован для розыска без вести пропавших лиц. Из социальных сетей могут быть получены сведения о круге общения пропавшего, который следует опросить; о лице, разместившем в своем аккаунте после пропажи человека фото, на котором присутствует пропавший; о месте нахождения пропавшего, если он выложил в сети фотографию с отметкой о его геолокации, и пр.

Таким образом, нейросетевые технологии для правоохранительных органов могут выступать средством получения оперативно значимой информации при розыске без вести пропавших лиц. Для совершенствования деятельности правоохранительных органов посредством внедрения нейросетевых технологий необходимо в первую очередь создать техническую базу.

Подводя итог изложенному, можно сделать следующие выводы. Использование современных технических средств и технологий для розыска без вести пропавших лиц — одно из актуальных направлений деятельности органов внутренних дел. Среди перспективных технологий особое внимание следует уделить применению систем глобального позиционирования (GPS), беспилотных воздушных судов и нейросетевых технологий. В настоящее время для их повсеместного внедрения в работу правоохранителей не создана надлежащая техническая база, а нормативно-правовое регулирование требует совершенствования. Вместе с тем использование перечисленных средств и технологий поиска пропавших может существенно упростить деятельность сотрудников внутренних дел, снизить временные и экономические затраты, повысить эффективность работы.

¹ Рязанская полиция и NtechLab представили мобильный биометрический комплекс. URL: <https://lenta.ru/news/2018/03/06/ntechlab/> (дата обращения: 30.05.2024).

1. Головченко А. А. Применения искусственного интеллекта в поисках без вести пропавших людей // Инновационная наука. 2021. № 4. С. 25—27.

2. Исмаилов Ч. М. Розыск безвестно исчезнувших лиц: правопонимание и правоприменение. Москва: Ваш формат, 2018. 167 с.

3. Абуталипов А. Р., Нуриев Т. М. Расширить полномочия для повышения эффективности розыска без вести пропавших лиц // Законность. 2018. № 6. С. 49—51.

4. Ложис З. З., Чупахин Р. В. Актуальные проблемы использования геолокационных данных при розыске несовершеннолетних, пропавших без вести // Российский следователь. 2022. № 4. С. 23—27.

5. Косовский В. Б., Мартынюк С. Н. Актуальные вопросы практического применения беспилотной техники в органах внутренних дел Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 3 (80). С. 25—29.

6. Екимцев С. В. Использование беспилотных летательных аппаратов в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Проблемы уголовно-процессуального права и криминалистики: сб. науч. ст. Орел: Орлов. юрид. ин-т МВД России им. В. В. Лукьянова, 2021. С. 28—34.

7. Красовская Е. Л. Использование беспилотных летательных аппаратов в системе МВД России при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, в том числе розыска без вести пропавших // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 3 (67). С. 190—195.

8. Губарева Т. И. Цифровые технологии на страже правопорядка: актуальные вопросы осуществления государственного управления посредством системы распределения ситуационных центров // Административное право и процесс. 2024. № 3. С. 70—72.

9. Батоев В. Б. Применение искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 4 (26). С. 83—87.

10. Сретенцев А. Н. Возможности и перспективы внедрения систем автоматического распознавания лица человека в процесс раскрытия и расследования преступлений // Российский следователь. 2021. № 1. С. 17—20.

11. Кетия Т. А. Нейросетевые технологии в деятельности правоохранительных органов

1. Golovchenko A. A. Application of the artificial intelligence to search the missing person. Innovation science, 25—27, 2021. (In Russ.).

2. Ismailov Ch. M. Search for missing person: legal consciousness and law enforcement. Moscow: Vash format; 2018: 167. (In Russ.).

3. Abutalipov A. R., Nuriev T. M. Expanded powers to improve the effectiveness of the search for missing persons. Legality, 49—51, 2018. (In Russ.).

4. Lozhis Z. Z., Chupakhin R. V. Current problems of using geolocation based data in the search for juveniles missing. Russian investigator, 23—27, 2022. (In Russ.).

5. Kosovsky V. B., Martynyuk S. N. Actual issues of practical applications of unmanned aerial systems in the internal affairs bodies of the Russian Federation. Society: politics, economics, law, 25—29, 2020. (In Russ.).

6. Yekimtsev S. V. The use of unmanned aerial vehicles in detective activities of internal affairs bodies. In: Problems of criminal-procedural law and criminalistics. A collection of scientific works. Orel: Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia named after V. V. Lukyanov, 28—34, 2021. (In Russ.).

7. Krasovskaya E. L. The use of unmanned aerial vehicles in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the implementation of detective activities, including the search for missing persons. Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 190—195, 2023. (In Russ.).

8. Gubareva T. I. Digital technologies on the guard of the law and order: topical issues of the implementation of state government through the system of distribution of situation centers. Administrative Law and Procedure, 70—72, 2024. (In Russ.).

9. Batoyev V. B. Application of artificial intelligence in the activities of law enforcement agencies. Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 83—87, 2020. (In Russ.).

10. Sretentsev A. N. Opportunities and prospects to implement systems of automatic human facial recognition in the process of crime detection and investigation. Russian investigator, 17—20, 2021. (In Russ.).

11. Ketya T. A. Neural network technologies in the activities of law enforcement agencies of

России и зарубежных стран // Евразийская адвокатура. 2022. № 4 (59). С. 62—67.

12. Кубасов И. А., Лекарь Л. А. Внедрение перспективных систем мониторинга и анализа больших данных, полученных в сети Интернет, для обеспечения деятельности оперативных подразделений МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 3 (67). С. 154—161.

Дубаков Данила Валерьевич,

преподаватель кафедры
оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
Волгоградской академии МВД России,
dubakov.danila@mail.ru

Russia and foreign countries. Eurasian advocacy, 62—67, 2022. (In Russ.).

12. Kubasov I. A., Lekar L. A. Implementation of advanced systems for monitoring and analyzing big data obtained in the network Internet to support the activities of detective units of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 154—161, 2023. (In Russ.).

Dubakov Danila Valerievich,

lecturer at the department of detective activities
and special equipment
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
dubakov.danila@ru

Статья поступила в редакцию 15.07.2024; одобрена после рецензирования 22.07.2024; принята к публикации 14.11.2024.

The article was submitted 15.07.2024; approved after reviewing 22.07.2024; accepted for publication 14.11.2024.

* * *

УДК 343.9

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ
В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Юлия Владиславовна Контемирова

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, contemirova@yandex.ru

Аннотация. Злоупотребление наркотическими средствами и психотропными веществами является одной из острейших социальных проблем современности.

Противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров относится к одному из приоритетных направлений деятельности территориальных органов МВД России и их оперативных подразделений. Анализ ситуации в данной сфере свидетельствует о высоком уровне наркотизации населения России, который остается основным фактором подрыва демографического и социально-экономического потенциала страны. Сложившаяся обстановка заставляет искать и применять адекватные и эффективные меры по борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

Статья посвящена актуальным вопросам противодействия незаконному обороту наркотиков в современных условиях. Автором на основе анализа статистических данных выделены основные тенденции исследуемого вида преступности, а также рассмотрены основные способы распространения наркотиков в теневом секторе сети Интернет, где оплата за их приобретение осуществляется посредством платежных систем и различных криптовалютных форм в рублевом эквиваленте. Опираясь на специфику указанных посягательств, автор определяет способы оперативного реагирования на них.

Ключевые слова: наркотические средства, психотропные вещества, незаконный оборот наркотиков, информационно-телекоммуникационные технологии, платежные системы, оперативно-разыскная деятельность, противодействие наркопреступности

Для цитирования: Контемирова Ю. В. Противодействие преступности в сфере незаконного оборота наркотиков в современных условиях // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 4 (71). С. 119—125.

**TO COUNTERACT CRIME IN THE SPHERE
OF ILLICIT DRUG TRAFFICKING IN MODERN CONDITIONS**

Yulia Vladislavovna Kontemirova

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, contemirova@yandex.ru

Abstract. To abuse drugs and psychotropic substances is one of the most pressing social problems of our time.

To counteract illicit trafficking of drugs, psychotropic substances and their precursors is one of the priority areas of activity of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia and their operative (detective) units. An analysis of the situation in this area indicates a high level of drug addiction among the population of Russia, which remains the main factor to decrease the demographic and socio-economic potential of the country. The acting situation forces us to seek and apply adequate and effective measures to combat illicit drug trafficking.

The article deals with the topical issues to counteract illicit drug trafficking in modern conditions. Based on the analysis of statistical data the author identifies the main trends of the studied types of crime as well as examines the main methods to distribute drugs in the shadow sector of the Internet, where payment for their purchase is exercised through payment systems and various cryptocurrency forms in ruble equivalent. Based on the specifics of these activities, the author determines ways to quickly respond to them.

Keywords: illegal drugs, psychotropic substances, illicit drug trafficking, information and telecommunication technologies, payment systems, detective activities, counteraction to drug-related crime

For citation: Kontemirova Yu. V. To counteract crime in the sphere of illicit drug trafficking in modern conditions. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 119—125, 2024. (In Russ.).

Достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на предупреждение и пресечение правонарушений и преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий (далее — ИТ-технологий), в том числе легализации преступных доходов, финансирования терроризма, организации незаконного распространения наркотических средств и психотропных веществ (далее — НС и ПВ)¹.

Следовательно, повышение эффективности противодействия незаконному обороту НС и ПВ и наркомагии становится императивом современной системы обеспечения безопасности общества и государства от вызовов и угроз.

Современная наркопреступность обладает способностью к самоорганизации и высокой устойчивостью, поскольку принимает активные меры по обеспечению своей безопасности, целенаправленно формирует потребительский рынок. Всеми этому способствует активное использование лидерами и участниками организованной наркопреступности возможностей новейших ИТ-технологий. Не способствуют стабилизации ситуации в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков (далее — НОН) и нарастающий объем поставок на территорию Российской Федерации синтетических НС и ПВ, а также заявления международных организаций, в том числе Глобальной комиссии по вопросам наркополитики, о необходимости изменений подходов к системе контроля над оборотом наркотиков на национальном и международном уровнях².

В результате реализации антинаркотической политики в последние годы наркоситуация в стра-

не в целом стабилизировалась, но в большинстве регионов остается напряженной.

Так, в январе — августе 2024 г. выявлено 128,1 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 3,0 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Вместе с тем сотрудники органов внутренних дел выявили 124,1 тыс. преступлений (–3,3 %). По сравнению с январем — августом 2023 г. на 2,5 % сократилось число выявленных преступлений, совершенных в целях сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а их удельный вес в числе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, возрос с 66,0 % в январе — августе 2023 г. до 66,3 %³.

Что касается раскрываемости преступлений в сфере НОН в Волгоградской области, то она остается на прежнем уровне, а по некоторым позициям наблюдается устойчивое повышение эффективности противодействия наркопреступности. Так, по данным ИЦ ГУ МВД России по Волгоградской области, на территории субъекта за 8 месяцев 2024 г. сотрудники органов внутренних дел выявили 1 619 (+30,5 %; ЮФО: +2,3 %; Россия: –4,8 %) преступлений, связанных с НОН. В их числе 1 382 тяжких и особо тяжких состава (+41,6 %; ЮФО: +8,2 %; Россия: –4,3 %), 590 совершенных в крупном (+24,2 %; ЮФО: –0 %; Россия: +0,7 %) и 79 в особо крупном размере (+83,7 %; ЮФО: +24,2 %; Россия: +16,4 %). Установлено 1 170 фактов сбыта НС (+45,7 %; ЮФО: +10,6 %; Россия: –5 %), из которых 442 уголовных дела направлено в суд (+49,3 %; ЮФО: +20,4 %; Россия: –1,6 %). Из незаконного оборота на момент возбуждения уголовных дел сотрудники ОВД изъяли 100 193 граммов (–48,6 %) НС и ПВ⁴.

¹ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. Раздел IV «Обеспечение национальной безопасности». Подп. 11, п. 47 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.07.2024).

² Взять под контроль: на пути к эффективной наркополитике. URL: https://www.globalcommissionondrug.org/GCDP_2014_taking-control_ru.pdf. С. 4. (дата обращения: 26.07.2024).

³ Краткая характеристика состояния преступности в РФ за январь — август 2024 года. Состояние преступности в России за январь — август 2024 года. URL: <https://мвд.пф/reports/item/55225633/?ysclid=m4bizx588w804708628> (дата обращения: 07.09.2024).

⁴ О состоянии правопорядка и основных результатах служебной деятельности ГУ МВД России по Волгоградской области за 8 месяцев 2024 г. URL: <https://34.мвд.пф/document/55411292> (дата обращения: 07.09.2024).

Практически в каждом регионе к факторам, оказывающим негативное влияние на оперативную обстановку в сфере НОН, можно отнести:

- использование современных IT-технологий при совершении наркопреступлений;
- использование бесконтактного способа сбыта НС и ПВ, распространение синтетических наркотиков;
- деятельность организованных групп и преступных сообществ.

Вместе с тем отмечается сложное положение в новых регионах. Длительное культивирование наркосодержащих растений привело к формированию обширной сырьевой базы. Последствия наиболее ощутимы в Херсонской и Запорожской областях¹.

Значимым криминогенным фактором преступности в сфере НОН выступает пронаркотический контент, противодействию которому затруднено до принятия соответствующих законов. Выявлено порядка 7 000 сайтов, нарушающих законодательство РФ в сфере контроля за оборотом наркотиков².

Здесь важно понимать, что факторы, определяющие состояние и тенденции развития оперативной обстановки, связанной с НОН, могут изменяться в зависимости от особенностей региона.

Сбор, систематизация и анализ элементов и факторов оперативной обстановки осуществляются оперативными подразделениями ОВД на постоянной основе, поскольку только так обеспечивается возможность своевременного реагирования на ее изменение в регионе.

Помимо этого развиваются Telegram- и YouTube-каналы блогера «Мориарти», который — а скорее всего, стоящая за ним организация — позиционирует себя как бывший участник проекта Hydra (запрещен в РФ). В своих публикациях и роликах он освещает работу торговых площадок, распространяющих наркотики, а также деятельность спецслужб по борьбе с ними как неэффективную, поднимает иные темы, связанные с наркотиками и

нелегальной деятельностью в «теневом интернете». Telegram-канал «Мориарти» при этом находится в свободном доступе и охватывает порядка 650 тыс. подписчиков. В связи с этим необходимо смещение акцента с блокировок контента на поиск авторов подобных каналов [1].

В условиях продолжающейся борьбы между маркетплейсами, торгующими наркотиками, наиболее крупными из которых в настоящее время являются Kraken и Meга, методы пропаганды становятся все более изощренными, а объемы контента увеличиваются.

Структура общей деятельности незаконных маркетплейсов включает в себя следующие элементы:

1. Используемые в процессе деятельности незаконных маркетплейсов анонимайзеры, такие как Tor, VPN и т. д.

2. Финансовые системы, позволяющие простым гражданам быстро и эффективно осуществлять денежные переводы «финансовым бухгалтерам», обеспечивающим процесс денежного оборота внутри наркосистемы.

3. Интернет-сайты и мессенджеры, на которых размещаются объявления о наборе «наркокурьеров» и предложения о покупке различного вида наркотиков.

Для полноценного освещения данной проблемы необходимо проанализировать все перечисленные структурные элементы.

Говоря о средствах обеспечения анонимности в сети Интернет, для начала необходимо упомянуть о таком цифровом явлении, как IP-адрес.

IP-адрес представляет собой уникальный цифровой идентификатор, присваивающийся любому техническому устройству для подключения к сети Интернет, т. е. используется для формирования индивидуализированного «местоположения» оборудования абонента. В свою очередь IP-адрес может быть статическим и динамическим. Данное разделение на виды уже вызывает определенного рода проблемы при выявлении и документировании преступлений рассматриваемой категории.

Статический IP-адрес является неизменным адресом, который назначается техническому устройству и сохраняется на протяжении всего периода его существования, а также остается неизменным относительно количества подключений к сети Интернет³. Динамический IP-адрес каждый

¹ Владимир Колокольцев провел заседание коллегии МВД России, посвященное противодействию незаконному обороту наркотиков. URL: <https://мвд.рф/news/item/44419992?ysclid=lyqwea86хu685937829> (дата обращения: 26.07.2024).

² Подведены итоги ежегодной антинаркотической акции МВД России «Сообщи, где торгуют смертью». URL: <http://мвд.рф/news/item/44198582?year=2024&month=7&day=15&ysclid=lygw4if0hq257110533> (дата обращения: 26.07.2024).

³ Сидорова К. С. IP-адрес как один из идентификаторов личности в расследовании преступлений // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 3 (74). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ip-adres>

раз изменяется при подключении к сети Интернет, формируя новый идентификатор соединения.

Стоит отметить, что указанные технические особенности создают ряд проблем при осуществлении оперативно-разыскной деятельности. К примеру, в ходе оперативной разработки в целях документирования преступной деятельности лица, подозреваемого в причастности к НОН в сети Интернет и наличии у него динамического IP-адреса, нельзя с точностью установить адрес его сетевого узла, поскольку при повторном подключении к сети Интернет он изменится.

Отметим, что не совсем ясно, каким образом следует устанавливать лицо, совершающее преступление через интернет-соединение, которое находится в публичном доступе и может идентифицироваться посредством единого IP-адреса (к примеру, Wi-Fi-роутер, расположенный в публичном месте, доступом к которому обладают все посетители).

Кроме того, организаторы и активные участники организованных групп прибегают к функционалу так называемых анонимайзеров — Tor и VPN. Подобного рода средства обеспечения анонимности в сети Интернет являются общедоступными. Так, различного рода VPN-программы можно установить с помощью простого скачивания с интернет-платформ Play Market или Apple Store. С установкой браузера Tor у рядового пользователя сети Интернет тоже не возникает особых трудностей. Данные программы формируют приватную сеть между устройством пользователя и компьютером-сервером, зашифровывая постраничную локацию самого сервера и IP-адреса абонента.

Для решения задач, связанных с установлением IP-адресов лиц, осуществляющих незаконную деятельность в сфере НОН, оперативные подразделения ОВД могут обратиться к функционалу таких общедоступных программ, как 2IP¹, IPlogger², которые можно использовать в синергии. К примеру, посредством 2IP можно определить IP-адрес интересующего нас устройства, его физическое местоположение, браузер, а также факт применения каких-либо VPN-программ. Стоит обратить внимание, что данная программа по своей сути статична. Для ее работы требуется запустить 2IP на са-

мом устройстве дистанционно, например с использованием программ обеспечения удаленного доступа (TeamViewer) или на изъятом оборудовании.

В свою очередь программа IPlogger позволяет сформировать фишинговую ссылку, при активации которой данные лица (дата и время, IP-адрес, используемый лицом браузер, тип устройства, информация о провайдере) поступают в распоряжение оперативного сотрудника. Домен подобной ссылки, а также исходную точку можно изменить вручную, что обеспечит возможность гибкого использования данной программы. К примеру, оперативный сотрудник в ходе общения с лицом, осуществляющим НОН, может сгенерировать ссылку на исходную точку, которой может быть назначен сам сайт по продаже наркотиков. Таким образом оперативный сотрудник получит в распоряжение идентификационные данные о сети наркоторговца, соблюдая при этом полную конспирацию своих действий.

В связи с этим возникает вопрос относительно степени доверия оперативных подразделений к сведениям, размещаемым на таких сайтах. Поэтому использовать данные, полученные посредством данной программы, в качестве доказательств по уголовному делу, в соответствии со ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ), попросту нельзя. Однако данную информацию можно использовать оперативным подразделениям в качестве ориентирующей, но только после ее тщательной проверки и сопоставления с иными имеющимися данными.

Отметим, что VPN-программы в настоящее время используются и обычными гражданами в целях исключения возможности совершения в их отношении противоправных действий. Соответственно, подход, связанный с тотальным запретом использования анонимайзеров в сети Интернет, с большой вероятностью не оправдает себя. Вместе с тем последние тенденции официальных властей направлены на сокращение числа пользователей цифровых анонимайзеров посредством издания различных нормативных актов. Речь идет о дополнениях к приказу Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее — Роскомнадзор) от 27 февраля 2023 г. № 25³. На

kak-odin-iz-identifikatorov-lichnosti-v-rassledovanii-prestupleniy (дата обращения: 26.07.2024).

¹ Узнать IP-адрес. URL: <https://2ip.ru/?ysclid=iz7yx-13amd617579044> (дата обращения: 26.07.2024).

² IP Logger — узнать чужой IP. URL: <https://iplogger.org/ru> (дата обращения: 26.07.2024).

³ Об утверждении Критериев оценки материалов и (или) информации, необходимых для принятия Феде-

основании новых положений, вступивших в законную силу с 1 марта 2024 г., Роскомнадзору было предоставлено право ограничивать «рекламу» VPN-сервисов, при этом о запрете использования самих VPN-программ речи не идет. Подобного рода решение является неоднозначным и спорным, поскольку запрет на распространение сведений о VPN-программах в информационном поле в дальнейшем может спровоцировать резкий всплеск числа преступлений и правонарушений ввиду перехода большого количества россиян на бесплатные и более дешевые VPN-сервисы. Есть и другая точка зрения, согласно которой вышеуказанные действия властей — это лишь первый этап на пути к полному запрету цифровых анонимайзеров, и этап этот связан прежде всего с анализом и обобщением общественного мнения по данному вопросу.

Вместе с тем со стороны властей должны быть приняты соответствующие меры, направленные на формирование официального VPN-сервиса, позволяющего устанавливать доступ к незапрещенным и общедоступным сетевым ресурсам. Этот VPN-сервис должен предотвращать доступ к запрещенным сетевым ресурсам, особенно к сайтам, посредством которых осуществляется незаконный оборот НС и ПВ.

Что касается финансовой стороны системы наркооборота, то здесь можно наблюдать тенденцию к пресечению деятельности наркоторговцев.

В данном аспекте система НОН основывалась на принципе максимальной анонимизации клиента и продавца. В этих целях финансовый обо-

рот осуществлялся при помощи электронных платежных систем, таких как Qiwi, Webmoney, «Яндекс Деньги». Согласно официальной статистике, почти 80 % случаев бесконтактного сбыта синтетических НС связано именно с платежной системой Qiwi, с электронными платежными системами Webmoney и «Яндекс Деньги» — почти 20 % случаев [2]. Причина использования именно этих платежных систем заключалась в минимальных требованиях к идентификации личности, а также отсутствию необходимости ввода личных паспортных данных. Относительно Qiwi-кошелька эта ситуация продолжалась до лета 2019 г. После чего, согласно Федеральному закону от 2 августа 2019 г. № 264-ФЗ, в федеральные законы «О национальной платежной системе» и «О Центральном банке Российской Федерации» были внесены изменения, суть которых заключалась в запрете пополнения анонимных электронных кошельков наличными денежными суммами без предварительной идентификации личности посредством паспортных данных¹. Для осуществления подобного рода операций в дальнейшем требовался банковский счет, который, по сути, не может обладать статусом анонимного. Однако количество транзакций, связанных с незаконным приобретением НС, так и не сокращалось.

В связи с этим 21 февраля 2024 г. Центральный банк Российской Федерации приказом от 21 февраля 2024 г. № ОД-266 отозвал лицензию² на осуществление банковских операций у кредитной организации «Qiwi банк» (акционерное общество), руководствуясь при этом пп. 6 и 6.1 ч. 1 ст. 20 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» и тем, что «Qiwi банк» систематически допускал нарушения требований законодательства в области противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма³.

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О национальной платежной системе» и Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»: федер. закон от 2 августа 2019 г. № 264-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.07.2024).

² Об отзыве лицензии на осуществление банковских операций у кредитной организации КИВИ Банк (акционерное общество) КИВИ Банк (АО) (г. Москва): приказ Банка России от 21 февраля 2024 г. № ОД-266 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.07.2024).

³ О банках и банковской деятельности: федер. закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 // Справ.-правовая система

ральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций решений, являющихся основаниями для включения доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в единую автоматизированную информационную систему «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети „Интернет“ и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети „Интернет“, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено»: приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 27 февраля 2023 г. № 25 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.07.2024).

Принимая во внимание, что посредством «Qiwi банка» и входящей в него системы платежей осуществлялось большинство транзакций, связанных с НОН, можно констатировать, что данный ход со стороны Центрального Банка Российской Федерации и российских властей является единственно верным, способствующим сильному ухудшению положения лиц, занимающихся незаконным распространением НС на территории РФ. Аналогичным образом сложилась ситуация с системой электронных платежей WebMoney.

Для непосредственного контакта с лицами, стремящимися к приобретению НС и ПВ, нарко-торговцы используют весь спектр технических возможностей, связанных с эксплуатацией сети Интернет, начиная от использования в своих целях обычных сайтов, размещаемых в открытом интернет-пространстве, и заканчивая созданием собственных шифрованных сетей, таких как DarkNet и т. д. Если вариант, связанный с созданием полностью шифрованной сети, требует от пользователей специальных познаний в области техники и информатики, что для них часто является проблематичным, то первый вариант, связанный с публикацией предложений о покупке наркотиков и трудоустройстве в должности наркокурьера в открытой сети, соответственно, не требует от клиента ничего подобного. Следовательно, второй вариант, по нашему мнению, наиболее опасен для общества, поскольку предоставляет возможность для сбыта и покупки наркотиков всем желающим, включая подростков и малолетних детей. В качестве примера может выступать известный всему миру мессенджер Telegram. Проанализировав часть судебных решений, находящихся в открытом доступе в сети Интернет, мы пришли к выводу, что примерно в 90 % случаев покупка и сбыт НС осуществляется именно с помощью этого мессенджера (см.: приговор Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл по делу № 1-743/2023, в соответствии с которым подсудимый А. совершил покушение на незаконный сбыт НС с использованием сети Интернет, группой лиц по предварительному сговору, в крупном размере¹; приговор Ленинского районного суда г. Оренбурга по делу № 1-249/2020, в соответствии с которым гражда-

нин Б. посредством переписки в сети Интернет вступил с неустановленным следствием лицом, зарегистрированным в мессенджере Telegram, в преступный сговор, направленный на незаконный сбыт НС в значительном и крупном размере, посредством тайников²).

Подчеркнем, что подобного рода манипуляции в сетевых мессенджерах, в том числе в Telegram, очень часто ведут к развитию ситуаций, связанных с мошенническими действиями. Рассмотрим данный проблемный аспект на примере алгоритма, связанного с вербовкой и набором наркокурьеров в сети Интернет. Для поиска подходящего рода деятельности, связанного с распространением наркотиков на территории своего города, региона или другой страны, потенциальные наркокурьеры, которые ранее не сталкивались с системой незаконного оборота НС, обращаются к открытым информационным источникам, которые в большинстве случаев расположены на просторах ранее указанного мессенджера Telegram. В данном мессенджере имеется большое количество групп. Эти группы для сокрытия своего статуса наркохаба переименовываются или используют функцию закрытой группы, для вступления в которую необходим первичный денежный взнос, с его помощью мошенники уже обогащаются на достаточно крупные денежные суммы. Однако факт первичного обогащения не препятствует дальнейшим мошенническим действиям по уже спланированному алгоритму. Далее претенденту в наркокурьеры для идентификации личности и предотвращения обмана с его стороны (к примеру, кражи НС) дается возможность предоставить свои паспортные данные (это должны быть фотографии, на которых отображены паспорт со всеми имеющимися на нем реквизитами и лицо владельца данного паспорта). Затем, после прохождения этапа аутентификации и получения указанных фотографий, алгоритм дальнейших действий мошенников может отличаться, но часто уже на этой стадии последние прибегают к функционалу имеющихся в сети Интернет сервисов, таких как «еКапуста», которые предоставляют микрозаймы по фотографиям с изображением паспорта и лица его владельца.

Примечательно, что речь о борьбе с открытыми источниками в сети Интернет, предоставляю-

«КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842 (дата обращения: 09.07.2024).

¹ Приговор № 1-741/2023 от 17 октября 2023 г. по делу № 1-741/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SNDZz8ybi36f/?ysclid=lyr2fuuj0900940690> (дата обращения: 26.07.2024).

² Приговор № 1-249/2020 от 28 апреля 2020 г. по делу №1-249/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YbRhtDw4RCg3/?ysclid=lyr1sf0m2v52858131> (дата обращения: 26.07.2024).

щими услуги, связанные с незаконным оборотом НС, идет уже очень давно. Первые упоминания о создании программного обеспечения, посредством которого можно будет отслеживать сайты и открытые источники, сообщающие о продаже НС, датируются 2006 годом. Однако информации о воплощении подобной идеи в реальную действительность нет до сих пор.

С учетом современных тенденций возможности развития и эксплуатации все более популярных нейросетей перспектива, связанная с созданием отечественной нейросети или программного обеспечения, становится все более реальной.

Для воплощения подобной идеи в жизнь стоит проанализировать списки запрещенных на территории Российской Федерации сайтов, а также сайтов, еще не успевших попасть под запрет, связанных с оборотом НС. На основе данного анализа необходимо вычлениить понятия, чаще всего используемые на подобных сайтах. После этого нужно составить узкоспециализированный частотный глоссарий, в который и будут включены понятия, относящиеся к незаконному обороту НС.

Необходимо также определиться с зоной поиска (к примеру, домены категории ru). Потом вышеуказанные алгоритмы необходимо внедрить в поисковую систему нейросети или программного обеспечения и приступить к поиску сайтов, занимающихся продажей НС. Как только сайт найден, логично предположить, что его необходимо оперативно заблокировать в целях пресечения дальнейшего развития системы оборота наркотиков.

В заключение можно сделать вывод, что пресечение распространения наркотиков в сети Интернет является актуальной и сложной проблемой, требующей многостороннего и комплексного подхода. Для этого надо обратить внимание на такие аспекты, как совершенствование законодательства, развитие технологий мониторинга и блокировки онлайн-торговли наркотиками, а также на элементы пропаганды среди подростков и молодежи о вреде их употребления. Только совместными усилиями государства, общественных организаций и частных компаний мы сможем добиться успеха в борьбе с наркотиками в интернет-пространстве и построить безопасное и здоровое общество.

1. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2023 года и ожидаемые тенденции ее развития: аналит. обзор / М. В. Гончарова, М. М. Бабаев, С. А. Невский [и др.]. Москва: ВНИИ МВД России, 2024. 98 с.

2. Анешева А. Т., Аксенова Л. Ю. Алгоритм действий следователя по установлению обстоятельств сбыта наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей (включая Интернет) // Российский следователь. 2019. № 6. С. 8—11.

Контемирова Юлия Владиславовна,
доцент кафедры
оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
contemirova@yandex.ru

1. Goncharova M. V., Babaev M. M., Nevsky S. A. (et al.) Comprehensive analysis of crime in the Russian Federation based on the results of 2023 and expected trends in its development. Analyt. review. Moscow: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2024: 98. (In Russ.).

2. Anesheva A. T., Aksenova L. Yu. Algorithm of actions of an investigator to establish the circumstances of the sale of illegal drugs, psychotropic substances and their analogues through the use of information and telecommunication networks (including the Internet). Russian investigator, 8—11, 2019. (In Russ.).

Kontemirova Yulia Vladislavovna,
associate professor at the department
of detective activities and special equipment
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
contemirova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 25.07.2024; одобрена после рецензирования 29.07.2024; принята к публикации 14.11.2024.

The article was submitted 25.07.2024; approved after reviewing 29.07.2024; accepted for publication 14.11.2024.

* * *

УДК 343.9

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ
В СФЕРЕ ОБОРОТА ЭЛЕКТРОННЫХ ПЛАТЕЖНЫХ СРЕДСТВ**

Наталья Геннадьевна Корнаухова*, Нина Валерьевна Солонникова**

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, pongo_07@mail.ru

** Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, nina5846526@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены различные способы совершения преступлений в сфере оборота электронных платежных средств. На основе изучения ведомственных аналитических материалов сделан вывод о возрастающем количестве таких противоправных деяний. Авторами исследованы причины латентности преступлений, совершаемых с использованием или применением расчетных (пластиковых) карт, приведены примеры из судебной практики. Анализ материалов правоприменительной деятельности и мнений ученых позволил составить психологический портрет лиц, причастных к совершению подобных деяний, описать алгоритм действий, совершаемых в целях хищения денежных средств у потенциальных жертв. Подробно описана одна из многочисленных преступных схем хищений денежных средств в сфере оборота электронных платежных средств, которые совершаются при продаже своей или покупке чужой вещи на различных торговых площадках. Рассмотрены направления деятельности на примере одного из оперативных подразделений органов внутренних дел Волгоградской области, в чьи полномочия входит документирование и раскрытие отдельных видов вышеуказанных преступлений. Сделаны выводы о необходимости совершенствования работы в сфере противодействия киберпреступлениям.

Ключевые слова: Интернет, киберпространство, хищение, электронные платежные средства, пластиковые карты, денежные средства

Для цитирования: Корнаухова Н. Г., Солонникова Н. В. Противодействие преступлениям, совершаемым в сфере оборота электронных платежных средств // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 4 (71). С. 126—132.

**COUNTERACTION TO CRIMES COMMITTED IN THE SPHERE
OF CIRCULATION OF ELECTRONIC PAYMENT MEANS**

Natalya Gennadyevna Kornaukhova*, Nina Valeriyevna Solonnikova**

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, pongo_07@mail.ru

** Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Krasnodar, Russia, nina5846526@mail.ru

Abstract. The article considers various methods of committing crimes in the sphere of circulation of electronic payment means. Based on the study of departmental analytical materials, a conclusion is made about the increasing number of such illegal acts. The authors studied the reasons for the latency of crimes committed with the use or application of payment (plastic) cards, and provided examples from judicial practice. The analysis of law enforcement materials and the opinions of scientists made it possible to build a psychological profile of persons involved in the commission of such acts, to describe the algorithm of actions committed in order to steal money from potential victims. One of the many criminal schemes for thievery of funds in the sphere of circulation of electronic payment means, which are committed when selling one's own or buying someone else's thing on various trading platforms, is described in detail. The areas of activity are considered using the example of one of the field divisions of the internal affairs bodies of the Volgograd region, whose powers include documenting and solving certain types of the above crimes. Conclusions are made on the need to improve work in the sphere of counteraction to cybercrimes.

Keywords: Internet, cyberspace, thievery, electronic payment means, plastic cards, funds

For citation: Kornaukhova N. G., Solonnikova N. V. Counteraction to crimes committed in the sphere of circulation of electronic payment means. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 126—132, 2024. (In Russ.).

Преступления, совершаемые в сфере оборота электронных платежных средств, сегодня приобретают все более актуальный характер. Растущий профессионализм киберпреступников, постоянное совершенствование информационных технологий и, как следствие, постоянная эволюция возможностей для совершения преступлений создают новые угрозы для пользователей глобальных информационных сетей [1, с. 45]. Более трети всех преступлений в России совершено с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее — ИТТ).

В январе — октябре 2024 г. почти 60 % в общем количестве тяжких и особо тяжких преступлений составляют противоправные деяния, совершенные с использованием ИТТ.

Общее число зарегистрированных киберпреступлений возросло на 14,6 % по сравнению с 10 месяцами прошлого года. Это обусловлено существенным ростом преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации. Количество дистанционных краж при этом сократилось на 11,5 %¹.

Вместе с этим в качестве некоторых причин утаивания фактов совершения преступлений в сфере оборота электронных платежных средств можно выделить следующие, на наш взгляд, наиболее распространенные:

1. Покупка (продажа) товаров, запрещенных в гражданском обороте (наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров, оружия, запрещенных компьютерных программ и т. д.). Жертва осознает противоправность своих действий и не будет заявлять о преступлении, совершенном в отношении нее.

2. Недоверие к деятельности правоохранительных органов. Пострадавшему целесообразнее, как ему кажется, воспользоваться возможностью «деанонимизации», т. е. установления личности пользователя в сети или подлинного места выхода в сеть Интернет, и впоследствии самостоятельно «разобраться» с обидчиком. Такие услуги предоставляются на различных «теневых» форумах.

3. Жертва киберпреступления не видит необходимости обращения за помощью в компетентные органы и, желая вернуть потерянные денежные средства, начинает искать схемы, способы

и методы совершения аналогичных противоправных действий в отношении уже других граждан. В данном случае преступление порождает преступника.

Таким образом, считаем уместным утверждать, что предупреждение преступлений в сфере оборота электронных платежных средств позволит снизить число латентных киберпреступлений. Наиболее эффективными способами предупреждения преступлений в информационном пространстве могли бы стать публикации в средствах массовой информации об уже раскрытых фактах подобных преступных деяний.

На наш взгляд, ощущение своей безнаказанности у интернет-мошенника или кардера² основывается на том, что разработанные им методы и схемы преступной деятельности предполагают их полную цифровую защиту от правоохранительных органов. Различные способы предупреждения могли бы поставить под сомнение скрытность и защищенность их преступной деятельности. Впоследствии, возможно, это могло бы предотвратить совершение преступлений, а также заставить преступника задуматься: стоит ли игра свеч?

Лица, совершающие преступления в сфере оборота электронных платежных средств, в общении с жертвой часто используют методы «социальной инженерии». В ходе установления контакта потерпевшие начинают доверять преступнику больше, чем листовкам и всевозможным оповещениям о мошеннической деятельности, которыми правоохранительные органы стараются убедить население не попадаться на уловки мошенников.

Это общение опасно тем, что киберпреступники «продают свой опыт». Многие из них, поняв, как преступная деятельность приносит им доход, описывают алгоритмы совершения преступлений, называя их скам-схемами, для того чтобы впоследствии их продать и получить дополнительный доход.

Возникает вопрос: действительно ли киберпреступники имеют психологическое образование, как утверждают некоторые? Не думаем. Потенциальные покупатели подобных кейсов ранее могли даже не связывать свою жизнь с преступной деятельностью и приобретали данный продукт из интереса, только потому, что в нем обычно и на-

¹ Состояние преступности в Российской Федерации за январь — октябрь 2024 г. // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 09.07.2024).

² Кардер — человек, использующий различные способы и средства для кражи информации и денежных средств с пластиковых карт.

ходятся все шаблоны общения с жертвой. Это также объясняется желанием быстро и легко заработать.

Так, гр. Т. приговором Северского городского суда Томской области от 19 октября 2020 г. был признан виновным в совершении тайного хищения денежных средств с банковского счета (п. «г» ч. 3 ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ)). Установлено, что он из корыстных побуждений посредством использования услуги «Мобильный банк» перевел с чужого банковского счета на личный счет банковской карты денежные средства на общую сумму 51 119 руб. Потерпевшему тем самым был причинен значительный ущерб¹. То есть мы видим, что денежные средства были переведены сразу на личный банковский счет преступника.

Из приведенного примера, ввиду открытости этого преступного деяния, можно судить о том, что гр. Т., скорее всего, до этого не имел преступного прошлого и ранее не был связан с киберпреступлениями. Лицам, обучающимся «скам-схемам», объясняется лишь последовательность их действий, подкрепляемая примерами успешно выполненных задач другими, и шаблоны разговоров при общении с жертвой. Однако о легализации денежных средств, добытых преступным путем, ничего не говорится. Это связано с тем, что создателю такого рода обучения абсолютно не важна дальнейшая судьба неудавшегося киберпреступника.

Обыкновенному рядовому пользователю сети Интернет найти такие обучающие кейсы не составляет труда. Их размещают на общедоступных Telegram-каналах или теневого форумах, которые для обхода блокировки со стороны правоохранительных органов просто меняют домен. Для того чтобы стать потенциальным или реальным киберпреступником, не важен возраст, не надо иметь специального образования, нет требований к профессии, полу, национальности и т. д. Как общаться с потенциальной жертвой, где такую жертву найти, как быстро получить заветный доход — все ясно и доступно, разложено по полочкам, каждый шаг поэтапно расписан.

Деятельность профессиональных киберпреступников часто не ограничивается только написанием алгоритмов преступных схем и обучением их применения. Такие лица способны создавать свои

преступные сообщества в интернет-пространстве. Во-первых, это более прибыльно для них. Во-вторых, они видят в этом личный карьерный рост в преступном мире.

Рассмотрим одну из многочисленных преступных схем хищения денежных средств в сфере оборота электронных платежных средств, которые совершаются при продаже своей или покупке чужой вещи на таких торговых площадках, как «Юла» или «Авито». Она предполагает покупку или продажу товара посредством фиктивного перевода денежных средств или их получения путем сервиса «Доставка». Мошенник дает фиктивный сайт для ввода данных банковской карты жертве, после чего уже другое лицо, также состоящее в преступной организации, обналичивает весь баланс с банковской карты и далее переводит заработанный мошенником процент последнему.

Участниками подобной преступной схемы являются:

- 1) организатор, который придумал алгоритм получения денежных средств;
- 2) руководители, следящие за всем процессом и предоставляющие информацию, которая может быть полезна при совершении подобных преступлений;
- 3) пособники, предоставляющие доступ к фиктивным сайтам с оплатой;
- 4) подстрекатели, активно занимающиеся рекламой таких сообществ в социальных сетях;
- 5) исполнители, т. е. те лица, которых данная преступная схема заинтересовала, и они готовы к поиску потенциальной жертвы с целью совершить преступление.

Таким образом, исходя из положений ст. 33 УК РФ, можно утверждать, что подобные преступления, как правило, совершаются организованными группами.

Жертвами таких мошеннических схем становятся не только граждане. Например, сотрудниками Управления по организации борьбы с противоправным использованием ИТТ МВД России² во вза-

¹ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22 июля 2021 г. № 77- 3009/2021. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base> (дата обращения: 22.06.2024).

² О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 30 сентября 2022 № 688 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 29.06.2024); О создании Управления по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 11 октября 2022 № 747 // Там же.

имедействии с сотрудниками МУ МВД России «Раменское» была пресечена деятельность организованной группы, которая посредством фишинговых сайтов с использованием методов социальной инженерии распространяла вредоносные программы. С их помощью она получала доступ к управлению банковскими счетами юридических лиц и совершила хищения денежных средств на общую сумму 100 млн руб. Уголовное дело возбуждено по ч. 1 ст. 273 и ч. 3 ст. 159.6 УК РФ¹.

Известны случаи хищения бюджетных средств. В Омске сотрудниками региональных Управлений ФСБ и МВД пресечена деятельность группы лиц, занимающейся обналичиванием денег, зачисленных на «Пушкинские карты». Мошенники скупали «Пушкинские карты» у молодых людей в возрасте 14—22 года, которым государство ежегодно выделяло 5 000 рублей на посещение культурных мероприятий.

Для обналичивания указанных денежных средств преступниками были организованы фиктивные культурные мероприятия, билеты на которые продавались исключительно по «Пушкинским картам». Например, на спектакль «Питер Пен», который показывали на новогодних праздниках, продавали билеты за 2 500 руб., в разы завысив их стоимость. Общий ущерб составил 35 млн руб. По данному факту было возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 159 УК РФ².

В связи с этим акцентируем внимание на наиболее значимых, на наш взгляд, направлениях деятельности такого оперативного подразделения, как отдел по борьбе с противоправным использованием ИТТ (далее — ОБК ГУ МВД России по Волгоградской области), связанных с документированием и раскрытием отдельных видов вышеуказанных преступлений, на примере Волгоградской области.

Данное оперативное подразделение осуществляет оперативно-разыскную деятельность (далее — ОРД) в полном объеме³. ОБК ГУ МВД

России по Волгоградской области был образован 1 февраля 2023 г., а фактически осуществлять ОРД его сотрудники стали с ноября 2023 г.

Основные задачи ОБК ГУ МВД России по Волгоградской области⁴ — выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие широкого перечня тяжких и особо тяжких преступлений:

- против жизни и здоровья, половой неприкосновенности и половой свободы, а также семьи и несовершеннолетних, связанных с использованием и распространением запрещенной информации в информационно-телекоммуникационных сетях, включая Интернет;

- сопряженных с нарушением неприкосновенности частной жизни, тайны переписки и сообщений, передаваемых по сетям электрической связи, посредством неправомерного доступа к компьютерной информации и (или) использования вредоносного программного обеспечения;

- против собственности и в сфере экономической деятельности, совершенных по совокупности с неправомерным доступом к компьютерной информации и (или) использованием вредоносного программного обеспечения;

- направленных на неправомерный доступ к компьютерной информации;

- связанных с созданием, использованием и распространением вредоносных компьютерных программ, нарушением правил эксплуатации информационно-телекоммуникационных сетей и средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации;

- касающихся нарушений авторских и смежных прав, совершенных по совокупности с неправомерным доступом к компьютерной информации и (или) использованием вредоносного программного обеспечения;

- ориентированных на выявление и пресечение деятельности транснациональных, межрегиональных организованных групп и преступных сообществ (преступных организаций), совершающих преступления с использованием (в сфере) ИТТ.

С учетом концепции данной статьи для оценки эффективности работы подразделений ОБК МВД России, осуществляющих противодействие престу-

¹ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22 июля 2021 г. № 77-3009/2021. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base> (дата обращения: 29.06.2024).

² URL: <https://ngs55.ru/text/culture/2023/08/21/72618929/> (дата обращения: 29.06.2024).

³ Об утверждении Перечня оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность: приказ МВД России от 31 марта 2023 г. № 199 //

Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 29.06.2024).

⁴ Об утверждении Положения об отделе по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий ГУ МВД России по Волгоградской области: приказ ГУ МВД России по Волгоградской области от 30 марта 2023 г. № 176 // Там же.

плениям, совершаемым в сфере ИТТ или в сфере компьютерной информации (ИТ-преступления), детально проанализируем противодействие преступлениям в сфере компьютерной информации, представленным в гл. 28 УК РФ (ст. 272, 272.1, 273, 274, 274.1 УК РФ), которые, на наш взгляд, заслуживают пристального внимания.

Так, ключевую роль в совершении указанных преступлений играют хакеры. Например, с их помощью киберпреступники могут:

1) устраивать DDoS-атаки, когда они используют атаки отказа в обслуживании (DDoS), чтобы перегрузить серверы и временно отключить доступ к веб-сайтам или онлайн-сервисам;

2) создавать вредоносное программное обеспечение, такое как вирусы и шпионские программы, чтобы получить доступ к компьютерам пользователей и похитить их личные данные;

3) совершать хищения учетных данных, когда они взламывают базы данных и крадут учетные записи пользователей для последующего использования в мошеннических целях;

4) проводить криптовалютные атаки, когда ими используется программное обеспечение для майнинга криптовалюты на компьютерах других людей без их согласия, или проводить мошеннические схемы с использованием криптовалют;

5) зашифровывать данные пользователей в целях получения выкупа за их разблокировку.

Например, Курганский городской суд приговорил к двум годам лишения свободы условно хакера, обвиняемого в майнинге биткоинов с помощью серверов государственных компаний и частных компаний Алтайского края, Орловской, Челябинской и Ярославской областей. Молодой человек взламывал веб-страницы и использовал серверы для совершения операций с криптовалютой. Пострадавшие не заявили гражданских исков, поскольку не смогли определить ущерб¹.

Киберпреступники с каждым днем повышают уровень своей защищенности в сети, обновляя схемы и методы осуществления преступной деятельности. Их число постоянно растет, а знания в данной криминальной сфере деятельности расширяются. Телекоммуникационные инфраструктуры приспособляются к тому, чтобы максимально способствовать перемещению гигантских объемов информации в самой удобной для потребителя форме [2, с. 19]. В то же время, по нашему мнению, Министерству внутренних дел Российской

Федерации не хватает сотрудников, обладающих специальными познаниями в области совершения таких преступлений.

Другой проблемой в выявлении и раскрытии преступлений в сфере оборота электронных платежных средств можно выделить ограниченность возможностей сотрудников правоохранительных органов. Если в «киберпреступном мире» так называемый доксер² может разыскать абсолютно любое лицо за неделю или две, какими бы методами защиты оно ни пользовалось, то у рядового оперативного сотрудника на это уходят месяцы, а то и годы. За такое время преступник успеет совершить еще не один эпизод.

Согласимся с мнением отдельных ученых о том, что территориальные органы не проводят исчерпывающей оперативной и следственной работы по указанной категории уголовных дел, ограничиваясь лишь направлением формальных запросов в кредитно-финансовые организации. А в некоторых случаях и этого не делается: не анализируются поступающие ответы, не проводятся дальнейшие оперативно-разыскные мероприятия и следственные действия, предварительное следствие приостанавливается по окончании двух месяцев [3, с. 120].

Некоторым решением проблемы стало издание Федерального закона³ об информационном взаимодействии Банка России и МВД России, который создал условия для автоматизированного обмена данными между ведомствами. Закон предусматривает подключение МВД России к автоматизированной системе обработки инцидентов ФинЦЕРТ Банка России, в которой содержится информация об операциях, проведенных без согласия клиентов. Благодаря этому правоохранительные органы смогут практически в онлайн-режиме получать сведения о мошеннических операциях, в том числе о получателях похищенных денег. Теперь становится возможным установить маршрут движения похищенных денежных средств в значительно более короткие сроки, а не как раньше — направлять

² Доксер — лицо, публикующее личную информацию о человеке без его согласия в целях травли, шантажа или получения выгоды.

³ О внесении изменений в статью 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» и статью 27 Федерального закона «О национальной платежной системе»: Федеральный закон РФ от 20 октября 2022 года № 408-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 29.06.2024).

¹ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3814344> (дата обращения: 02.07.2024).

запросы банкам и электронным кошелькам, ответы на которые поступали долгое время.

Анализ преступных схем в сфере оборота электронных платежных средств позволил выделить наиболее распространенные из них:

— Bitcoin миксеры — это сервисы, которые позволяют смешивать свои монеты с монетами других пользователей, чтобы сохранить свою конфиденциальность;

— услуги «дропов» — лиц, использующих свои либо предоставленные им карты и счета для обналичивания похищенных денежных средств и впоследствии отправляющих данные денежные средства на другие счета;

— P2P-обменники — сервисы, предоставляющие возможность обмена одной валюты на другую путем перевода денежной суммы лицу, которое впоследствии осуществит перевод на данные ему реквизиты уже другого счета. Нередко это неофициальные биржи, предлагающие обмен на криптовалюту или наоборот;

— вывод средств через юридических лиц.

Глобальная сеть не имеет границ. Поэтому в противодействии преступлениям в сфере оборота электронных платежных средств, на наш взгляд, немаловажное значение имеет вопрос взаимодействия правоохранительных органов разных стран. Усилия должны быть направлены на обеспечение безопасности в Интернете, предотвращение преступлений и привлечение к ответственности лиц, совершающих деяния в виртуальном пространстве. Рассмотрим несколько составляющих такого взаимодействия.

1. Международное сотрудничество. Многие виды преступлений в сети Интернет имеют трансграничный характер, и их раскрытие часто требует сотрудничества между правоохранительными органами разных стран. Существуют различные формы международного сотрудничества, такие как обмен информацией, совместные расследования и экстрадиция.

2. Международные организации. В целях эффективной борьбы с киберпреступностью сотрудничество стран осуществляется через международные организации, такие как Интерпол, Европол и др. Эти организации предоставляют платформы для обмена информацией, разработки стратегий и совместных операций.

3. Правовая регламентация процесса сотрудничества. Важно, чтобы заинтересованные страны имели четкие правовые механизмы осуществления взаимодействия, включая процессы передачи информации, обеспечения конфиденциальности дан-

ных и другие аспекты в целях соблюдения законов и прав граждан.

4. Наличие специализированных подразделений. Во многих странах функционируют специализированные подразделения и центры, занимающиеся раскрытием киберпреступлений, которые облегчают взаимодействие с другими странами в этой области.

5. Обмен опытом. Для повышения эффективности борьбы с преступлениями в сети Интернет немаловажным является обмен опытом между странами.

6. Информационная безопасность. Уровень информационной безопасности национальных и международных систем должен постоянно повышаться, чтобы всегда быть впереди киберпреступников.

В подтверждение вышесказанного обратимся к мнению К. К. Клевцова: «Одной из самых главных проблем остается длительность сроков исполнения запросов об оказании правовой помощи. Например, общий срок рассмотрения и исполнения запросов о правовой помощи по уголовным делам, направляемых компетентными органами РФ в иностранные государства, составляет от 3 до 12 месяцев и более. Часто срок исполнения запросов об оказании правовой помощи исключительно по уголовным делам о киберпреступлениях занимает 120 дней, а по запросам о выдаче — 150 дней. Механизмы официального сотрудничества, как правило, требуют определения центрального органа, который отвечает за обработку входящих и исходящих запросов по обычной или дипломатической почте» [4, с. 682].

С данным мнением сложно не согласиться, ведь существующие механизмы взаимодействия еще далеки от совершенства. Вместе с тем существуют и другие трудности, такие как сложные политические взаимоотношения государств, различия в законодательствах стран, киберсуверенитет, которые также могут создать сложности в реализации совместных мер по борьбе с киберпреступлениями.

Подводя итоги, мы можем утверждать, что составы вышеперечисленных преступлений, совершаемых в сфере оборота электронных платежных средств, являются труднодоказуемыми ввиду высокой степени защиты лиц, совершающих преступления в сети Интернет. Причиной этого является отмыwanie доходов, полученных преступным путем. Проблемы же их раскрытия кроются не только в недостатке сил и средств МВД России, но и в самом ценном ресурсе — времени, в данном случае затрачиваемом на розыск лица, совершившего преступление в сети Интернет.

Частичным решением одной из проблем может стать закон об информационном взаимодействии Банка России и МВД России, который существенно сократит то самое время, затрачиваемое на раскрытие киберпреступления. Решением таких проблем, как недостаток сил и средств для раскрытия и расследования, может быть только по-

стоянное обновление программного обеспечения, помогающего оперативным сотрудникам быстрее установить лицо, совершившее преступление, а также грамотный подбор на должности лиц, которые понимают, как данные преступления совершаются, и могут найти пути их раскрытия.

1. Номоконов В. А., Тропина Т. Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 24. С. 45—55.

2. Кашлев Ю. Б. Становление глобального информационного общества и место России // Информация. Дипломатия. Психология. Москва: Известия, 2002. С. 18—20.

3. Контемирова Ю. В., Тарасова М. Ю. Современное состояние деятельности оперативных подразделений по противодействию хищениям денежных средств граждан, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 1 (56). С. 118—126.

4. Клевцов К. К. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью в контексте противодействия новым вызовам и угрозам // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13, вып. 3. С. 678—695.

Корнаухова Наталья Геннадьевна,
начальник кафедры
конституционного и административного права
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
pongo_07@mail.ru

Солонникова Нина Валерьевна,
доцент кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
nina5846526@mail.ru

1. Nomokonov V. A., Tropina T. L. Cybercrime as a new criminal threat. Criminology: yesterday, today, tomorrow, 45—55, 2012. (In Russ.)

2. Kashlev Yu. B. Genesis of the global information society and Russia's place. In: Information. Diplomacy. Psychology. Moscow: Izvestia; 2002: 18—20. (In Russ.)

3. Kontemirova Yu. V., Tarasova M. Yu. Current state of the activities of field divisions of countering the thievery of citizens' funds committed with the use of information and telecommunication technologies. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 118—126, 2021. (In Russ.)

4. Klevtsov K. K. International cooperation in the fight against cybercrime in the context of countering new challenges and threats. Vestnik of Saint Petersburg University. Law, 678—695, 2022. (In Russ.)

Kornaukhova Natalya Gennadyevna,
head of the department
of constitutional and administrative law
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
pongo_07@mail.ru

Solonnikova Nina Valeriyevna,
associate professor
at the department of criminalistics
of the Krasnodar University
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
nina5846526@mail.ru

Статья поступила в редакцию 17.10.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.

The article was submitted 17.10.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 14.11.2024.

* * *

УДК 343.102

**НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ И ОПЕРАТИВНЫХ
ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

Мария Юрьевна Тарасова

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, tarasovawo.mariya@yandex.ru

Аннотация. Особенности осуществления взаимодействия в процессе раскрытия и расследования преступлений посвящены труды различных ученых, это является объектом внимания со стороны руководства страны и ведомств. В настоящее время, в эпоху стремительного роста преступлений, совершаемых с применением информационно-телекоммуникационных технологий и характеризующихся высокой степенью затруднений при раскрытии и расследовании, взаимодействие следователя и оперативного сотрудника приобретает все большую значимость и актуальность. В данной статье рассмотрены дискуссионные проблемы взаимодействия сотрудников органов внутренних дел на разных этапах и в различных формах. Обращено внимание на значимость каждого субъекта взаимодействия; ошибки при осмотре места происшествия; проблемы, связанные с направлением и исполнением поручений; необходимость системного и полного информирования друг друга, возможность исключения формализма, дублирования документов; целесообразность равнозначного участия при совместном планировании, корректировке и реализации намеченных действий.

Ключевые слова: взаимодействие, следователь, оперативный сотрудник, следственные действия, оперативно-разыскные мероприятия, поручение, информирование, планирование

Для цитирования: Тарасова М. Ю. Некоторые дискуссионные проблемы взаимодействия следственных и оперативных подразделений органов внутренних дел // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 4 (71). С. 133—138.

**SOME DISCUSSABLE ISSUES OF INTERACTIONS
AMONG INVESTIGATIVE AND DETECTIVE DEPARTMENTS
OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES**

Maria Yurievna Tarasova

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia,
tarasovawo.mariya@yandex.ru

Abstract. Works of various scientists are devoted to the peculiarities of interaction, while solving and investigating crimes. They are the object of attention from the state leaders and departments. Nowadays in the epoch of rapid increase of crimes committed with the use of information and telecommunication technologies and characterized by a high degree of difficulty to detect and investigate, the interaction between an investigator and a detective is becoming increasingly important and topical. This article examines the discussable issues of interaction among officers of internal affairs bodies at different stages and in various forms. Attention is paid to the importance of each subject of interaction; mistakes made while searching a crime scene; problems associated with addressing and executing assignments; the need to systematically and completely inform each other, the possibility to eliminate formalism and duplication of documents; the reasonability of equal participation in joint planning, correction and implementation of planned actions.

Keywords: interaction, investigator, detective, investigative actions, detective activities, assignment, informing, planning

For citation: Tarasova M. Yu. Some discussable issues of interactions among investigative and detective departments of the internal affairs bodies. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 133—138, 2024. (In Russ.).

На современном этапе борьбы с преступностью важнейшей задачей является обеспечение эффективного взаимодействия всех заинтересованных в раскрытии преступлений служб и ведомств. На расширенном заседании коллегии МВД России Президентом Российской Федерации В. В. Путиным было акцентировано внимание на том, что одной из ключевых задач является укрепление тесной координации всех правоохранительных и специальных служб¹. Логично предположить, что речь идет не только о внешней координации, но и о внутреннем взаимодействии. От тесной взаимосвязи процессуальной и оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД) ОВД в незыблемой целостности и слаженности двух данных элементов зависит итоговый результат в достижении цели всей правоохранительной деятельности. Следует отметить, что, несмотря на единую цель и заинтересованность в успешном результате совместной работы, деятельность следователя и оперуполномоченного довольно специфичны, как в правовой регламентации, так и в выборе тактик и теоретической концепции. Разноплановость способов решения задач в деятельности данных подразделений, наличие или отсутствие желания взаимодействовать и осуществлять свою профессиональную деятельность на должном уровне неизбежно влияет на результат раскрытия преступлений.

Взаимодействие следственных и оперативных подразделений ОВД регламентировано статьями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ), Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ, а также некоторыми ведомственными нормативными правовыми актами ограниченного доступа. Анализ нормативной базы позволяет заключить, что под взаимодействием понимается согласованная по месту, времени и тактике деятельность, осуществляемая в соответствии с действующим законодательством, сотрудниками следственных и оперативно-разыскных подразделений ОВД, посредством проведения оперативно-разыскных, процессуальных и иных управленческо-организационных мероприятий, в целях раскрытия и расследования преступлений. Кроме того, анализируя вышеприведен-

ные нормативные акты в рамках исследования проблемы, можно выделить основные направления, по которым осуществляется взаимодействие:

- стадия проверки сообщения о готовящемся, совершенном или совершающемся преступлении;
- анализ результатов ОРД и других мероприятий на стадии возбуждения уголовного дела;
- планирование совместной деятельности;
- анализ результатов следственных действий, их сопоставление с имеющимися результатами ОРД;
- направление / исполнение поручений.

Указанные направления реализуются как в процессуальной, так и в непроцессуальной (организационной) формах. Процессуальная форма предполагает обязательное документальное оформление всей оперативно-служебной деятельности сотрудников, организационная форма, наоборот, характеризуется менее формальным взаимодействием, осуществляется поиск наиболее эффективных решений, тактик, предполагает деловое общение сотрудников. Проблему недоверительных межличностных отношений следователя и оперуполномоченного поднимал в своих трудах В. Н. Карагодин, считающий, что «низким уровнем профессиональной подготовки обладают сотрудники органов оперативно-розыскной деятельности, довольно слабо к тому же ориентированные и относительно требований уголовно-процессуального законодательства» [1, с. 6—7]. Проведенный анализ научной литературы и правоприменительной деятельности дает основание полагать, что нередко недостаточные знания оперативных сотрудников (или пренебрежение ими) проявляются прежде всего в ходе осмотра места происшествия, особенно до приезда эксперта-криминалиста и следователя. Оперуполномоченные, в силу осуществления ОРД за пределами отдела полиции, нередко добираются к месту происшествия раньше других участников следственно-оперативной группы, и, не осознавая последствий вмешательства и нарушения следовой картины (к примеру, не располагая бахилами и перчатками), часто предпринимают с предметами действия, которые в дальнейшем приводят к затруднению идентификации лиц и проблемам с процессом доказывания. Нередко оперативные сотрудники оставляют свои следы на месте происшествия, что оборачивается в дальнейшем комплексом проблем как для них самих, так и для следователя за некорректную организацию осмотра места происшествия.

К сожалению, трудно оставить выявленную проблему без внимания. Однако данный фактор яв-

¹ Расширенное заседание коллегии МВД России // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51515#sel=6:27,6:31> (дата обращения: 23.07.2024).

ляется весьма субъективным и относительным. Не умаляя общей подготовленности оперативных сотрудников, обратим внимание на то, что, реализуя свои полномочия в различных формах ОРД, они в обязательном порядке, тщательно изучают значительный массив нормативно-правовой информации, исследуют судебную практику, анализируют и систематизируют информацию, содержащуюся в уголовных делах. Кроме того, контроль руководителя подразделения, предварительное обсуждение первоначальной информации и консультативные совещания с курирующим прокурором также обеспечивают соответствующую правовую подготовку сотрудников. Не исключено, что такое мнение сложилось из-за предписанной следователю ч. 2 ст. 38 УПК РФ руководящей роли в ходе направления расследования. Однако изучение рассматриваемого вопроса и мнение некоторых ученых в этой области [2, с. 56—61] дает основание полагать, что в расследовании некоторых многоэпизодных преступлений и при их оперативном сопровождении именно выбранные оперативным сотрудником оперативно-разыскные мероприятия (далее — ОРМ) в рамках дел оперативного учета и тактика их проведения позволяют достичь целей расследования.

Другой проблемой является поручение о производстве ОРМ — одна из наиболее распространенных процессуальных форм взаимодействия рассматриваемых подразделений¹. Сложностью в реализации данной формы взаимодействия является отсутствие в УПК РФ регламентации срока исполнения поручения следователя, за нарушение которого или неисполнение поручения в целом была бы предусмотрена ответственность. Согласно ст. 152 УПК РФ срок исполнения поручений, направляемых в другой регион, не должен превышать 10 суток. Однако существуют поручения, исполнить которые должным образом в указанный срок не представляется возможным. Вместе с тем для ряда поручений срок 10 суток можно рассматривать как явное затягивание. В связи с этим целесообразно признать право следователя самостоятельно определять срок исполнения отдаваемого им поручения, но при согласовании с органом дознания, которому адресовано поручение; закрепить данную норму в УПК РФ в части поряд-

ка исполнения поручения, а также разграничения полномочий следователя и обязанностей оперуполномоченного.

Законодателем не предусмотрен перечень конкретных мероприятий и действий, исполнение которых следователь может поручить сотрудникам оперативных подразделений. Исходя из этого, можно сделать вывод, что он неограничен и включает в себя и ОРМ, и следственные действия. Однако не следует рассматривать нерегламентированность данного положения как возможность следователем необоснованно поручать производство следственных действий, которые он уполномочен производить сам. Известно, что производство следственных действий довольно специфично в уголовно-процессуальном плане и не совсем отвечает особенностям деятельности оперуполномоченных. Во избежание некорректности оформления и производства следственных действий, влекущих в дальнейшем их недопустимость, следователю не стоит поручать исполнение ряда действий, производство которых является исключительной компетенцией следователя, а оформление их результатов потребует вынесения постановления. Не следует также поручать производство следственных действий, отличающихся процессуальной сложностью.

Кроме того, проблемой является непосредственно качество структуры поручения, а также качество его исполнения. Анализ правоприменительной практики позволяет утверждать, что структура поручений — это ряд клише о необходимости установить «местонахождение похищенного имущества», «установить лиц, причастных к совершению преступления», «отработать лиц, состоящих на учете за совершение аналогичных преступлений» и прочие весьма неконкретные фразы. Формализм поручения порождает формализм его исполнения, который, в свою очередь, часто включает не менее обобщенные фразы, такие как «установить свидетелей преступления не представилось возможным» и т. п. И не всегда такой ответ связан с запретом на распространение сведений ограниченного доступа. Вполне очевидно, что следователь должен более детально обрабатывать описательную часть поручения с указанием желательного направления в выборе тактики, более предметным определением задач и предоставлением наиболее полной информации об интересующем факте совершения преступления [3]. А в случае необходимости длительного исполнения поручений наделить оперуполномоченного обязанностью предоставлять промежу-

¹ Результаты интервьюирования руководителей и сотрудников оперативных и следственных подразделений ГУ МВД России по Волгоградской области. Интервьюирование проводилось в июле 2024 г., в нем приняли участие 67 сотрудников.

точные отчеты о проделанной работе по исполнению поручения в относительно свободной форме.

Не следует воспринимать выдвинутые предложения как умаление полномочий оперативных сотрудников в самостоятельном выборе методики и тактики проведения ОРМ, однако следователь, будучи максимально погруженным в детали расследуемого им дела, может таким образом способствовать более результативному исполнению поручения. Кроме того, следователь обязан консультировать оперативных сотрудников в целях корректировки их действий, для того чтобы полученные результаты ОРД в дальнейшем отвечали предусмотренным законодательством требованиям и после проверки следственным путем могли быть использованы в качестве доказательств.

С другой стороны, действия следователя нередко вызывают трудности, связанные с несвоевременным направлением поручения или предоставлением дополнительной информации в рамках уже направленного поручения. В результате оказывается, что своевременный исчерпывающий перечень мер мог дать положительный результат в исполнении поручения и, соответственно, в исходе расследования.

Указанные выше элементы взаимодействия имеют обязательный элемент взаимодействия — взаимное информирование. В данном контексте следует отметить, что не только оперативные сотрудники должны представлять отчет о результатах проделанных ОРМ, но и следователю, в свою очередь, целесообразно информировать сотрудников оперативных подразделений о направлении использования этих результатов в производстве следственных действий, чтобы избежать расшифровки негласных источников, разглашения засекреченной информации и тем самым не создавать препятствий к проведению возможных последующих ОРМ.

В процессе взаимного информирования на практике существует проблема предоставления результатов ОРД оперативными подразделениями следователю. Несмотря на желательность максимальной полноты предоставляемой информации, не все сведения подлежат предоставлению следователю. Вопрос объема предоставления такой информации является дискуссионным.

С. Д. Долгинов считает, что «право следователя на ознакомление с оперативными материалами нельзя рассматривать как право на обязательное предоставление ему таких материалов. Только оперативный работник вправе решать этот вопрос» [4, с. 110]. Логично считать, что минималь-

ным объемом предоставляемой информации являются сведения, достаточные для возбуждения уголовного дела. Однако и этот вопрос не урегулирован законодательно, а понятие достаточности является субъективным. Оперативным сотрудникам следует максимально полно, насколько это позволяет закон и не нарушает интересы других лиц, знакомить следователя с результатами ОРД, ведь исключительно при таких условиях следователь имеет возможность всесторонне анализировать имеющиеся данные для дальнейшей выработки наиболее эффективного совместного плана расследования.

Еще одна проблема, касающаяся исполнения поручения, связана, с одной стороны, с неким ограничением начальником органа внутренних дел процессуальной самостоятельности следователя (особенно имеющего небольшой стаж работы), который в рамках решения профессиональных задач может оказать влияние на содержание поручения или ход расследования в целом. А с другой стороны, в правоприменительной деятельности нередко отмечается так называемое «покровительство» руководителей территориального органа над подчиненным оперативным составом, что может приводить к некачественному исполнению поручений, необоснованному затягиванию сроков и в итоге отрицательно сказывается на результатах предварительного расследования. Как представляется, выявленную проблему можно разрешить только с применением осознанного, справедливого подхода со стороны руководителя территориального органа по отношению ко всем участникам процесса взаимодействия в раскрытии и расследовании преступлений и в осуществлении должного контроля со стороны вышестоящего руководства.

Самостоятельной организационно-тактической формой ОРД является оперативно-разыскное обеспечение предварительного расследования. Результаты ОРД могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела. Изучая результаты сложившейся практики работы с материалами, используемыми в качестве доказательств по уголовному делу, предоставляемыми оперуполномоченными и следователями, было отмечено, что при взаимодействии нередко происходит «дублирование» документов, имеющих одинаковое познавательное содержание. Такая практика неизбежно приводит к значительным временным, организационным и финансовым затратам, связанным с многократными вызовами участников и повторами процедур производства следственных и оперативных мероприятий.

Для того чтобы результаты ОРД послужили в дальнейшем доказательствами, они должны быть приняты следственным подразделением с соблюдением надлежащей процедуры, преобразованы им и в новой форме закреплены в материалах уголовного дела. Полагаем, законодателю необходимо рассмотреть новый порядок использования материалов ОРД, который позволил бы уйти от «дуближа» и двойного удостоверения сведений, имеющих тождественное доказательственное значение.

Наконец, рассмотрим проблему планирования при взаимодействии следственных и оперативных подразделений ОВД. В данном случае сложно не согласиться с позицией М. С. Строговича, который отмечает, что «бесплановое следствие — это не следствие, а бесполезное блуждание по фактам и событиям, на которые следователь случайно наталкивается и которые он не может ни связать, ни объяснить» [5, с. 72]. Однако на практике взаимодействия в расследовании преступлений роль планирования значительно умалется. Уже на первых этапах расследования в соответствии с ведомственными нормативными правовыми актами руководители требуют от сотрудников разработку плана по расследованию соответствующего уголовного дела, невзирая на сложность и непредсказуемость его расследования. Неприятие сотрудниками необходимости планирования своей деятельности порождает формальный подход к исполнению данного обязательства. Особенно сложным представляется планирование многоэпизодных дел. Обстоятельства расследования постоянно меняются, появляются новые факты и сведения, что требует непрерывной корректировки и переоформления плана. Правоприменительная практика показывает, что сотрудники следственных и оперативных подразделений часто не видят рациональности в составлении совместных планов. Нередко составлением, последующей корректировкой и дополнением такого плана занимается только следователь, без участия оперативного сотрудника. Решением данной проблемы может стать разработка методических рекомендаций, в которых будут учтены типичные ошибки и трудности в реализации обоснованных на данном этапе расследования планируемых ОРМ, следственных и иных процессуальных действий.

Опрос следователей из различных территориальных органов Волгоградской области показал, что часто у сотрудников уголовного розыска отсутствует заинтересованность в раскрытии пре-

ступлений, если они были совершены в условиях неочевидности или не раскрыты по горячим следам, не вызвали общественный резонанс, если на месте преступления отсутствовали какие-либо следы или не получено значимой информации на первоначальном этапе раскрытия и расследования преступления. Безусловно, каждый случай взаимодействия следователя и оперативного сотрудника при раскрытии и расследовании преступлений уникален, зависит от многих субъективных условий. Анализ правоприменительной практики показывает, что заинтересованность, желание осуществлять свою профессиональную деятельность и стремление к взаимодействию выражается в равной степени как у следователя, так и у оперативного сотрудника. В настоящее время практически на всей территории страны ситуация осложнена достаточно высоким уровнем некомплекта личного состава при прежнем уровне нагрузки, что, к сожалению, не вызывает у сотрудников ОВД желания осуществлять свою профессиональную деятельность на высоком уровне.

Подводя итоги, следует отметить, что проблемы взаимодействия сотрудников оперативных и следственных подразделений ОВД — это дискуссионная тема, которая всегда будет актуальна, поскольку каждый участник такого взаимодействия будет искать ошибки в действиях своих коллег. Ошибки эти, к сожалению, не всегда устранимы, а кроме того, не все сотрудники готовы самокритично оценить их и исправить. Поэтому периодический анализ имеющихся сложностей в данной области будет способствовать их решению на всех уровнях: от личного стремления к повышению качества профессиональной деятельности, теоретического уровня подготовки и готовности к более эффективному взаимодействию до тщательного отбора личного состава и подбора руководителей на местах. Кроме того, необходимы внесение изменений в нормативные правовые акты, разработка соответствующих методических рекомендаций на государственном уровне, организация и регулярное проведение семинаров-тренингов для сотрудников оперативных и следственных подразделений ОВД по различным тематикам (например, таких, как «Комплексный инновационный тренинг по раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий», проходивший на базе Волгоградской академии МВД России в июле 2024 г.).

1. Карагодин В. Н. Следователь как руководитель процесса раскрытия преступления // Российский следователь. 2015. № 24. С. 6—9.

2. Артюхов А. В., Австрийсков А. В., Горных С. А. Проблемы взаимодействия сотрудников оперативных и следственных подразделений // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 1 (66). С. 56—61.

3. Тарасова М. Ю., Контемирова Ю. В. О некоторых проблемах взаимодействия следственных и оперативных подразделений органов внутренних дел при направлении и исполнении поручений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 2 (57). С. 146—153.

4. Долгинов С. Д. Некоторые проблемы взаимодействия следствия и оперативных подразделений при раскрытии и расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами // Актуальные проблемы теории и практики взаимодействия подразделений органов внутренних дел в борьбе с преступностью: материалы межвуз. науч.-практ. конф. Челябинск: Челяб. юрид. ин-т МВД России, 1998. С. 107—112.

5. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса: Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. Т. 2. Москва: Наука, 1970. 516 с.

Тарасова Мария Юрьевна,

доцент кафедры
оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
tarasovawo.mariya@yandex.ru

1. Karagodin V. N. Investigator as a leader in the process of solving a crime. Russian investigator, 6—9, 2015. (In Russ.).

2. Artyukhov A. V., Avstriiskov A. V., Gornyykh S. A. Problems of interaction among officers of detective and investigative departments. Society: politics, economics, law, 56—61, 2019. (In Russ.).

3. Tarasova M. Yu., Kontemirova Yu. V. On some problems of interaction among investigative and detective departments of the internal affairs bodies, when addressing and executing assignments. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 146—153, 2021. (In Russ.).

4. Dolginov S. D. Some problems of interaction among investigative and detective departments, while solving and investigating crimes committed by organized criminal groups. In: Topical problems of theory and practice of interaction between departments of the internal affairs bodies, while fighting against crime. Materials of interuniversity scientific-practical conference. Chelyabinsk: Chelyabinsky Law Institute of the Interior Ministry of Russia; 1998: 107—112. (In Russ.).

5. Strogovich M. S. Course of the Soviet criminal procedure: Procedure for criminal proceedings according to the Soviet criminal procedure law. Vol. 2. Moscow: Nauka; 1970: 516. (In Russ.).

Tarasova Maria Yurievna,

associate professor at the department
of detective activities and special equipment
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
tarasovawo.mariya@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 14.07.2024; одобрена после рецензирования 20.07.2024; принята к публикации 14.11.2024.

The article was submitted 14.07.2024; approved after reviewing 20.07.2024; accepted for publication 14.11.2024.

* * *

УДК 343.13

**СОВРЕМЕННОЕ УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ —
ПУТЬ ПЕРЕУСТРОЙСТВА ИЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ?**

Василий Герасимович Глебов

Волгоградская академия МВД России, Волгоградский институт управления —
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Россия, vasilygleb@yandex.ru

Аннотация. За период действия Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации претерпел значительные изменения, которые были направлены на устранение выявленных законодательных и правоприменительных проблем, а также на совершенствование системы и формы уголовного судопроизводства на его различных стадиях. Однако не все правовые новеллы дали ожидаемый положительный результат, что и отмечают многие юристы. Стоит при этом отметить, что возникающие проблемы практического характера в определенной мере связаны с недостатками правового регулирования некоторых уголовно-процессуальных институтов или отдельных положений. В связи с этим представляется важным в целом оценить произошедшие за двадцать с лишним лет изменения в уголовно-процессуальном законодательстве и дать им общую оценку, понять эффективность их реформирования, признав эту деятельность как кардинальное переустройство или модернизацию уголовного судопроизводства. Автор предпринял соответствующую попытку и пришел к выводу, что в целом заложенная в основу Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации концепция независимости суда, реализации конституционных принципов презумпции невиновности, состязательности, обеспечения прав и законных интересов участников процесса дала свои положительные результаты, однако способы их достижения носят скорее характер модернизации, нежели реформирования.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальный кодекс, суд присяжных, освидетельствование, возбуждение уголовного дела, апелляционное производство

Для цитирования: Глебов В. Г. Современное уголовное судопроизводство Российской Федерации — путь переустройства или модернизации? // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 4 (71). С. 139—146.

**MODERN CRIMINAL PROCEEDINGS
OF THE RUSSIAN FEDERATION —
THE PATH OF REDEVELOPMENT OR MODERNISATION?**

Vasily Gerasimovich Glebov

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
Volgograd Institute of Management — a branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia, vasilygleb@yandex.ru

Abstract. During the effective period of Criminal Code of the Russian Federation has undergone significant changes, which were aimed to correct the identified legislative and law enforcement problems, as well as to improve the system and form of criminal proceedings at its various stages. However, many lawyers establish that not all new laws have given the expected positive output. It is worthwhile noting that the emerging problems of a practical nature are somewhat related to the shortcomings of legal regulation of some criminal procedural institutes or individual provisions. Hence, it is important to assess the changes in the criminal procedural legislation that have occurred over twenty-odd years and to give them an overall assessment, to understand the effectiveness of their reform, recognising this activity as a fundamental redevelopment or modernisation of criminal proceedings. The author came to the conclusion that, the concept of independence of the court, implementation

of the constitutional principles of presumption of innocence, adversarial proceedings, ensuring the rights and legitimate interests of the participants in the process, laid in the basis of the Criminal Code of the Russian Federation, has given its positive results, but the ways to achieve them are more in the nature of modernisation rather than reforming.

Keywords: criminal proceedings, criminal code, jury, examination, initiation of criminal proceedings, appeal proceedings

For citation: Glebov V. G. Modern criminal proceedings of the Russian Federation — the path of redevelopment or modernisation? Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 139—146, 2024. (In Russ.).

Прошло более 20 лет с момента введения в действие 1 июля 2002 г. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, который заменил соответствующий кодекс РСФСР, применявшийся на территории нового государства фактически целое десятилетие. Это событие в сфере уголовного судопроизводства современной России затронуло интересы не только государства и его органов предварительного расследования, прокуратуры и судов, но и миллионов граждан нашей страны.

Многие ученые и юристы приурочивают оценку действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) к определенным вехам его действия и внесения в него существенных изменений. Автор данной статьи также предпринимал попытки осуществить подобный анализ [1]. В настоящий момент для подобной оценки опять появился очередной повод — внесение в Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) и УПК РФ в течение нескольких последних лет дополнений и изменений, связанных с проведением специальной военной операции, мобилизацией, призывом на воинскую службу (например, федеральные законы от 2 октября 2024 г. № 340-ФЗ и от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ, которые дополнили УПК РФ статьей 28.2, внесли изменения в статью 28.1 и ряд других норм, связанных с введением нового основания прекращения уголовного преследования «в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время»).

Принятие суверенного, первого для Российской Федерации Уголовно-процессуального кодекса было очень важным событием, замыкавшим, по сути, реформирование уголовно-правовой системы, начало которому было положено принятием в 1991 г. Верховным Советом РСФСР постановления

«О концепции судебной реформы»¹. Авторы этого документа понимали, что задуманная реформа это не только решение задачи становления самостоятельной судебной власти и создание соответствующей ей независимой судебной системы (хотя это и было краеугольным камнем всего реформирования), но также и совершенствование системы других правоохранительных органов, разработка необходимой законодательной базы и приведение всей правовой системы в соответствие с целями построения правового демократического государства.

Важно отметить, что процессуальному закону, определяющему полномочия и порядок деятельности суда, других органов, их должностных лиц и граждан в ходе осуществления правосудия и других правоохранительных функций, уже в концепции судебной реформы была предопределена ведущая роль в закреплении и обеспечении реализации демократических принципов судопроизводства, направленных на защиту и неуклонное соблюдение основных прав и свобод граждан. В полной мере это относилось и к нормам уголовно-процессуального кодекса, регламентирующего одну из наиболее значимых правоприменительных сфер, связанных с производством и осуществлением правосудия по уголовным делам.

Конечно, логически верной явилась разработка процессуальных законов после принятия материальных, но, как представляется, для этого потребовалось довольно много времени — 5 лет. Однако и этот срок не обеспечил возможности законодателю разработать и принять качественно-стабильный, эффективный с позиций правового регулирования и правоприменительной практики кодекс.

Так, уже первый год действия нового УПК РФ ознаменовался внесением значительного комплек-

¹ О Концепции судебной реформы в РСФСР: постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. 31 окт. Ст. 1435.

са поправок: изменения затронули более чем 100 из 473 статей фактически нового кодекса. Были также внесены изменения в главу 57 «Перечень бланков процессуальных документов», являвшуюся приложением к УПК РФ.

Дальнейшая деятельность законодателя по совершенствованию УПК РФ до настоящего времени является достаточно активной и плодотворной. Главная проблема нашего уголовно-процессуального закона в его нестабильности, связанной с постоянным внесением в него изменений и дополнений. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что, кроме многочисленных текущих «незначительных» изменений и дополнений, в действующий УПК РФ примерно каждые 5 лет вносятся довольно существенные кардинальные изменения, связанные, как правило, с реформированием в России судебных и правоохранительных органов. Так произошло, например, с образованием в системе органов прокуратуры России Следственного комитета и последующим выделением его в самостоятельное федеральное ведомство. Можно также отметить введение апелляционного производства по всем уголовным делам, введение досудебного соглашения о сотрудничестве, расширение участия присяжных заседателей и др.

Большое, можно сказать огромное, количество изменений, вносимых в действующий УПК РФ, заставило предложить ограничить такую законодательную активность хотя бы количественно. В октябре 2016 г. в Государственную Думу Российской Федерации поступил законопроект, запрещающий вносить изменения в УПК РФ чаще одного раза в год. Поразительно, что инициатором внесения такого предложения стала одна из ключевых участников разработки УПК РФ Е. Б. Мизулина.

В определенной мере можно согласиться с мнением, что «непрерывность совершенствования уголовно-процессуального законодательства в целях приведения его в соответствие с развитием общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства представляет внутреннюю закономерность эффективного функционирования рассматриваемой отрасли права» [2, с. 210]. Однако такое активное «совершенствование» одного из важнейших кодексов может расцениваться и как результат его серьезных недостатков, пробелов, допущенных его разработчиками.

В любом случае следует признать, что в итоге УПК РФ в действующей редакции значительно качественнее первоначального варианта, что и отмечают многие юристы. Разумеется, теперь его вряд ли можно назвать «бандитским», а именно

так его характеризовали и оценивали и специалисты, и общественность, как считалось, за чрезмерный крен в сторону обеспечения прав обвиняемых (подсудимых) и «бесправие» потерпевших. Теперь такие обвинения в сторону УПК РФ уже практически беспочвенны. Благодаря решениям Конституционного Суда РФ, принятым законам о внесении изменений в УПК РФ этот ранее достаточно отчетливо просматривавшийся дисбаланс можно считать устраненным.

В связи со сказанным возникает более общий вопрос: как расценивать происходящие изменения в уголовно-процессуальном законодательстве и в соответствующей области правоприменения? Традиционно говорят о реформировании той или иной сферы правового регулирования. Однако напрашивается возможность использовать для характеристики происходящих с УПК РФ изменений такие термины, как перестройка, переустройство и модернизация.

Наверное, правильным будет оценивать происходящее с учетом конкретного этапа правотворчества применительно к рассматриваемому закону. Так, на первоначальном этапе уверенно можно говорить о перестройке (в том числе как об отголоске перестройки в государственно-политическом смысле). Перестройка законодательства ближе по содержанию к его реформированию, так как оно подразумевает отмену устаревших норм права, а также обязательное устранение пробелов в праве, принятие новых нормативных правовых и законодательных актов, которые бы в полной мере соответствовали социально-экономическим и политическим условиям.

В свою очередь термину «переустройство» больше присуща строительная направленность, как и его синониму — реконструкции, т. е. изменению параметров объектов, но в существующих рамках. Представляется, что такое положение ближе к определению происшедшего при разработке УПК РФ, поскольку в его основу был положен УПК РСФСР, содержание которого практически было сохранено. Да, были использованы новые подходы принципиального характера к общему порядку и правилам уголовного судопроизводства, что проявилось в формулировке его назначения, закреплении в принципах некоторых элементов статуса участников процесса и др.

Но такие изменения в совокупности не позволяют говорить о преобразовании всего уголовного судопроизводства, т. е. о его реформировании как изменении его содержания и сути. Так, несмотря на провозглашение и закрепление принципа состяза-

тельности уголовного судопроизводства, содержательная сторона деятельности его участников, по существу, не претерпела изменений. Тем более что на завершающем этапе действия УПК РСФСР в него уже было внесено достаточно много изменений в целях реализации положений Конституции РФ.

Таким образом, реформа в данной сфере прошла как некардинальное, нефундаментальное изменение правил в уголовно-процессуальной сфере жизни общества, не затрагивающее ее функциональных основ, как преобразование, введенное законодательным путем. Другими словами, имело место изменение формы, а не содержания, что позволяет назвать произошедшее модернизацией, обновлением уголовного судопроизводства, приведением его в соответствие с новыми требованиями, международными и конституционными нормами.

Дальнейшая деятельность по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в основном сводилась к его модификации — текущему изменению с учетом соответствующих правок в Уголовном кодексе РФ, внесения некоторых изменений в правила производства процессуальных и следственных действий и т. п.

Вышеприведенные рассуждения можно проиллюстрировать примером проблемы необходимости стадии возбуждения уголовного дела. Несмотря на имеющийся зарубежный опыт, предложения отечественных ученых и практиков, законодатель упорно сохраняет, хотя и постоянно модифицирует, эту стадию со всеми ее спорными и проблемными моментами.

Наиболее ярко это проявилось в процессуальном регулировании проверки сообщений и заявлений о совершенных преступлениях. Так, в УПК РФ в редакции 2001 г. было закреплено право, кроме традиционного осмотра места происшествия, проводить еще и такое следственное действие, как освидетельствование, а также назначать судебную экспертизу. Тем не менее сделано это было своеобразно, не прямым указанием на такую возможность, а косвенно: ч. 4 ст. 146 УПК РФ содержала указание на то, что в случаях принятия следователем или дознавателем решения о возбуждении уголовного дела они были обязаны направить прокурору не только вынесенное постановление об этом, но и материалы проверки сообщения о преступлении. В то же время «в случае производства отдельных следственных действий по закреплению следов преступления и установлению лица, его совершившего (осмотр места происшествия, освидетельствование, назначение судебной экс-

пертизы (курсив наш. — В. Г.))» прокурору представлялись соответствующие протоколы и постановления.

Таким образом, из содержания цитируемой нормы закона вытекал косвенный вывод о возможности производства освидетельствования и назначения экспертизы до возбуждения уголовного дела. Вместе с тем прямого указания на это ни в ст. 179 УПК РФ, регламентирующей порядок проведения освидетельствования, ни в гл. 27 УПК РФ, устанавливающей правила производства судебной экспертизы, не было. Однако если в целом вопросов с возможностью именно *назначить* (как это следовало буквально из текста ч. 4 ст. 246 УПК РФ), а не обязательно провести какую-либо экспертизу не возникало, то при желании провести освидетельствование следователь или дознаватель сталкивались с другими проблемами.

Так, ст. 179 УПК РФ, непосредственно регулирующая правила производства освидетельствования, предусматривает возможность проведения данного следственного действия только в отношении конкретных лиц — участников уголовного судопроизводства: подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, а также (с некоторыми оговорками) свидетеля. Однако до возбуждения уголовного дела перечисленные участники процесса еще отсутствуют.

Такая несогласованность уголовно-процессуальных норм и привела к тому, что на практике до возбуждения уголовного дела освидетельствование как следственное действие фактически не проводилось, а следователи и дознаватели прибегали к направлению тех или иных лиц (как правило, пострадавших от преступления) в медицинские учреждения, в том числе в экспертные, для проведения судебно-медицинского освидетельствования.

Чтобы разрешить данную проблему, законодатель пошел по своеобразному и странному пути: в июне 2007 г. в УПК РФ был внесен ряд изменений, в том числе дана новая редакция рассматриваемой ч. 4 ст. 146, в которой вообще не упоминается возможности производства следственных действий до принятия решения о возбуждении уголовного дела. То есть законодатель вернулся к существовавшему в УПК РСФСР положению, в соответствии с которым в данной стадии уголовного процесса допускается в случаях, не терпящих отлагательства, только производство осмотра места происшествия, на что прямо указано в ч. 2 ст. 176 УПК РФ.

Естественно, такие изменения были оценены отрицательно и вызвали соответствующую критику. В итоге уже в декабре 2008 г. при внесении очередного пакета изменений в УПК РФ ч. 1 ст. 179 была дополнена предложением следующего содержания: «В случаях, не терпящих отлагательства, освидетельствование может быть произведено до возбуждения уголовного дела». Иначе говоря, учитывая прежнюю неудачную формулировку нормы, косвенно допускавшую возможность производства освидетельствования до возбуждения уголовного дела, новую норму внесли в статью кодекса, непосредственно регулирующую это следственное действие (по аналогии с осмотром места происшествия). Кстати, таким же образом этим законом был разрешен до возбуждения уголовного дела при необходимости и осмотр трупа (ч. 4 ст. 178 УПК РФ), а о назначении или производстве экспертизы в этой стадии ничего не указано.

Однако законодателю следовало сделать еще один шаг, устранив другой недостаток прежней редакции, — указать, что освидетельствованию могут быть подвергнуты и лица, не наделенные пока каким-либо процессуальным статусом участника процесса. Этого, к сожалению, сделано не было, и поэтому прежняя проблема проведения освидетельствования до возбуждения уголовного дела осталась.

Такой незавершенный подход к проведению в стадии возбуждения уголовного дела следственных действий, в частности освидетельствования, видится недопустимым и не способствующим решению задачи по принятию законных и обоснованных решений о возбуждении уголовного дела. Проведение освидетельствования должно являться одним из способов проверки в этой стадии поступивших сообщений и заявлений, а для этого надо законодательно расширить возможности производства следственных действий на данном этапе досудебного производства. Или же следует расширить возможности использования помощи специалистов, в первую очередь криминалиста и судебного медика, при проверке имеющихся сведений о совершенном деянии, как это предусмотрено, например, для производства документальных проверок и ревизий до возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 144 УПК РФ).

Очень значимым для российского уголовного судопроизводства следует признать реформаторское решение о восстановлении в Российской Федерации деятельности суда присяжных, отмененной формы осуществления правосудия еще в 1917 г. Конституция Российской Федерации

(принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020) в 1993 г. в ч. 2 ст. 47 закрепила право обвиняемого в совершении преступления «на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом». В УПК РФ соответствующие положения нашли свое закрепление в разделе XII «Особенности производства в суде с участием присяжных заседателей».

Тем не менее непосредственная практическая реализация участия присяжных заседателей в рассмотрении судами уголовных дел за период действия этого института в России выявила наличие разноречивых оценок и показателей, привела как к критической переоценке роли присяжных в обеспечении справедливого правосудия, так и в итоге к внесению изменений в законодательство. Наиболее существенными явились расширение в 2017 г. деятельности суда присяжных на уровень районных судов (с участием шести присяжных заседателей), а также уменьшение числа присяжных заседателей для судов уровня субъектов РФ с 12 до 8 человек. В целом эти меры повысили жизнеспособность и эффективность данной формы осуществления правосудия.

Но определение целесообразности именно такого количественного изменения числа присяжных заседателей конкретно не аргументировано. Имели место даже кардинальные предложения: уменьшить число присяжных до двух человек, т. е. практически вернуть институт советских народных заседателей [3]. Представляется, что большее количество присяжных заседателей обеспечивает выявление объективного мнения по рассматриваемым ими вопросам, их мнение будет более репрезентативным (по аналогии с выборами — чем больше граждан приняло участие в голосовании, тем точнее их выбор будет отражать мнение населения в целом).

Мнения юристов-практиков и ученых о месте суда присяжных в осуществлении правосудия по уголовным делам, а также рассматриваемых изменениях расходятся, иногда даже радикально. Об этом достаточно подробно пишет Т. В. Фарои: «данная модель принадлежит прошлому и ныне используется в ничтожном объеме в самом англосаксонском мире, не говоря уже о странах континентальной Европы. Законодательные новации 2016 г., по нашему мнению, не являются революцией и качественных перемен не внесли» [4, с. 177].

В определенной мере такие выводы можно обосновать статистической актуальностью востре-

быванности суда присяжных. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2023 г., областными и равными им судами с участием присяжных заседателей окончено производством 246 уголовных дел, что составило 14,0 % от общего числа окончанных производством областными и равными им судами уголовных дел (в 2022 г. – 253 дела, или 16,9 %). Соответствующий показатель по районным и равным им судам несколько выше — почти 340 уголовных дел¹.

На первый взгляд, число рассмотренных уголовных дел не представляется значительным. Но если учесть тяжесть и опасность категорий преступлений, по которым предусматривается возможность рассмотрения уголовных дел судом присяжных (ст. 30 УПК РФ), то возникает вопрос: насколько законным и обоснованным может быть приговор, базирующийся на вердикте присяжных?

В связи с этим видится проблемной оценка доказательств судьей и присяжными заседателями в ракурсе поставленных перед ними вопросов (ст. 339 УПК РФ). Вместе с тем ст. 17 УПК РФ предполагает руководствоваться в оценке доказательств «законом и совестью». Однако когда речь идет о присяжных заседателях, они могут реализовать данное правило только частично, оценивая доказательства только по совести. Соответственно, содержательный аспект оценки доказательств (ст. 88 УПК РФ), предусматривающий критерии (правила) этой деятельности, включающие требование об оценке доказательств с позиций их достоверности и достаточности, остается нереализованным. Представляется, что именно данные требования предполагают определенную степень понимания их сущности в конкретных случаях.

Примером может служить получившее широкий общественный резонанс уголовное дело по обвинению главы Раменского района Московской области Андрея Кулакова в убийстве замглавы местной Общественной палаты Елены Исаенковой. Суд присяжных вынес оправдательный вердикт, и судья постановил оправдательный приговор, который был отменен судом апелляционной инстанции. При новом рассмотрении дела присяжные

вынесли обвинительный вердикт. В деле в качестве одного из главных доказательств выступали заключения биологических и генетических экспертиз, которые присяжные при первом рассмотрении дела не посчитали достаточными и достоверными для подтверждения обвинения [5]. Неужели присяжные были более компетентны, чем эксперты?

Сохраняются и другие, главным образом организационно-правовые проблемы преобразований в обеспечении деятельности суда присяжных. В первую очередь они касаются порядка отбора кандидатов в присяжные заседатели. Надо признать, что «особого энтузиазма» в перспективе участия в качестве присяжного заседателя граждане не проявляют. Причин этого немало, но среди главных — отрыв от работы или обыденных занятий, причем нередко довольно длительный, недостаточные материальные стимулы, определенные опасения свою за жизнь и здоровье и т. п.

Важным шагом к решению этой проблемы стало внесение в 2022 г. изменений в ст. 11 Федерального закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ, предусматривающую компенсационное вознаграждение присяжным заседателям за участие в осуществлении правосудия. Были установлены более четкие правила о порядке и времени осуществления выплат присяжным заседателям в соответствии с подготовленным для этих целей специальным постановлением Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2022 г. № 783². Реализация положений данного акта позволила избежать лишней волокиты и сократить сроки компенсационных выплат.

Другим способом решения проблемы обеспечения необходимого количества присяжных заседателей видится устранение ограничения на их привлечение к участию в судебных заседаниях не более одного раза в течение года (при этом аргументированного обоснования такого ограничительного правила в литературе не имеется). Это позволит использовать в качестве присяжных заседателей активную часть граждан, имеющих

¹ Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2023 году // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Москва, 2024. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2023/Obzor_sudebnoy_statistiki_SOYU_2023.pdf (дата обращения: 25.08.2024).

² Об утверждении Правил выплаты присяжным заседателям федеральных судов общей юрисдикции, исполняющим обязанности по осуществлению правосудия, компенсационного вознаграждения: постановление Правительства РФ от 29 апреля 2022 г. № 783 // Гарант: информ.-правовой портал. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204300010?index=2> (дата обращения: 25.08.2024).

определенные возможности и желание, а значит, и снизить напряженность и проблемы формирования их состава для рассмотрения конкретных уголовных дел. Тем более что это связано и с расширением круга составов преступлений, по которым предусматривается рассмотрение уголовных дел с участием присяжных заседателей.

Затронутые аспекты представляются всего лишь частью многих проблем, существующих в сфере уголовного судопроизводства и связанных с его правовым регулированием в УПК РФ. В целом же следует отметить, что в канве общего реформи-

рования правовой системы России введение в действие в 2002 г. этого закона явилось важной вехой, ознаменовавшей осуществление одного из наиболее сложных этапов проводимой в стране судебной правовой реформы. Теперь, спустя определенный период действия кодекса, можно с уверенностью констатировать: заложенная в основу УПК РФ концепция независимости суда, реализации конституционных принципов презумпции невиновности, состязательности, обеспечения прав и законных интересов участников процесса дала свои положительные результаты.

1. Глебов В. Г. Уголовно-процессуальный кодекс и его роль в осуществлении судебной правовой реформы в России // Становление и развитие современного российского уголовного и уголовно-процессуального законодательства (к 10-летию УК РФ, 5-летию УПК РФ и 40-летию ВА МВД России): сб. науч. тр. Волгоград: ВА МВД России, 2008. С. 109—115.

2. Кашепов В. П. О концепции обновления уголовно-процессуального законодательства // Судебная реформа в России: проблемы совершенствования процессуального законодательства. Москва: Городец, 2001. 264 с.

3. Насонов А. И. О реформировании суда с участием присяжных заседателей // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 245—246.

4. Фарои Т. В. Суд присяжных в Российской Федерации: состояние и возможные альтернативы // Право и практика. 2020. № 3. С. 175—181.

5. Войницкая А. Тайная переписка экс-главы Раменского района с убитой любовницей // Комсомольская правда. 2021. 16 окт. URL: <https://www.kp.ru/daily/27042/4107373/> (дата обращения: 25.08.2024).

Глебов Василий Герасимович,

профессор кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор; vasilygleb@yandex.ru

1. Glebov V. G. Criminal Code and its role in the implementation of judicial and legal reform in Russia. In: Formation and development of modern Russian criminal and criminal procedural legislation (to the 10th anniversary of the Criminal Code of the RF, the 5th anniversary of the Criminal Code of the RF and the 40th anniversary of the Russian Ministry of Internal Affairs). Collection of scientific articles. Volgograd; Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia: 109—115. (In Russ.).

2. Kashepov V. P. On the concept of updating the criminal procedural legislation. In: Judicial reform in Russia: problems of improving procedural legislation. On the materials of the scientific-practical conference, Moscow, 28 May 2001. Moscow: Gorodets; 2001: 210. (In Russ.).

3. Nasonov A. I. On reforming the court with the participation of jurors. Judicial power and criminal process, 245—246, 2015. (In Russ.).

4. Faroi T. V. Jury in the Russian Federation: status and possible alternative. Law and Practice, 175—181, 2020. (In Russ.).

5. Voynitskaya A. Secret correspondence of the ex-head of the Ramensky district with the murdered mistress. Komsomolskaya Pravda. 2021. 16 October. Available from: <https://www.kp.ru/daily/27042/4107373/>. Accessed: 25 August 2024. (In Russ.).

Glebov Vasily Gerasimovich,

professor at the department of criminal procedure of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, the head of the department of criminal law, criminal procedure and criminalistics of the Volgograd Institute of Management — a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, candidate of juridical sciences, professor; vasilygleb@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 14.10.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.

The article was submitted 14.10.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 14.11.2024.

* * *

УДК 343.132(574)

**НЕГЛАСНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН:
ПОНЯТИЕ, ПРАВОВАЯ ПРИРОДА,
ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Серик Сайлауханулы Закен

адъюнкт адъюнктуры Волгоградской академии МВД России
zss.zss.zss.78@gmail.com

Аннотация. В статье на основе анализа доктринальных положений, конституционных норм, а также норм уголовного и уголовно-процессуального права Республики Казахстан рассмотрен вопрос о понятии, правовой природе и регулировании осуществления негласных следственных действий. Обращается внимание на дискуссию относительно обоснованности появления института негласных следственных действий в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан, раскрываются отдельные сходства и различия данного института с оперативно-разыскной деятельностью. Сделан вывод о том, что существующие отличия в правовой основе, в целях, задачах и субъектах осуществления, в сроках и порядке производства, в процессуальной форме и последствиях не позволяют отождествлять два самостоятельных правовых явления — негласные следственные действия и оперативно-разыскные мероприятия. Кроме того, в статье автор отмечает противоречия между нормами материального и процессуального права при регулировании института негласных следственных действий в части оснований и условий производства таких действий, ознакомления заинтересованных лиц с их материалами. В результате исследования обосновывается необходимость внесения изменений в отдельные законодательные акты, в частности в уголовно-процессуальный закон.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальный закон, негласные следственные действия, оперативно-разыскная деятельность, проблемы регулирования

Для цитирования: Закен С. С. Негласные следственные действия в уголовном процессе Республики Казахстан: понятие, правовая природа, проблемы регулирования // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 4 (71). С. 147—154.

**COVERT INVESTIGATIVE ACTIONS
IN THE CRIMINAL PROCEDURE
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN:
CONCEPT, LEGAL NATURE, PROBLEMS OF REGULATION**

Serik Sailaukhanuly Zaken

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, zss.zss.zss.78@gmail.com

Abstract. Taking into account the analysis of doctrinal statements, constitutional norms, as well as norms of criminal law and criminal and procedural law of the Republic of Kazakhstan, the author of the article examines the issue of the concept, legal nature and regulation of the implementation of covert investigative actions. The article deals with discussion related to the validity of appearing the institution of covert investigative actions in the criminal and procedural legislation of the Republic of Kazakhstan. The author of the article identifies certain similarities and differences between this institution and detective activities. The author also concludes that existing differences related to legal basis, goals, objectives and subjects of implementation, terms and procedure of production, procedural form and consequences do not allow identifying two independent legal phenomena — covert investigative actions and detective measures. Apart from that in the article the author points out the contradictions between the norms of substantive and procedural law when regulating the institute of covert investigative actions in terms of bases and proceedings conditions of such actions, familiarization of concerned persons with

their materials. As a result of the research the author substantiates the necessity to make changes into certain legislative acts, particularly in the criminal procedural law.

Keywords: criminal proceedings, criminal procedural law, covert investigative actions, detective activity, problems of regulation

For citation: Zaken S. S. Covert investigative actions in the criminal procedure of the Republic of Kazakhstan: concept, legal nature, problems of regulation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 147—154, 2024. (In Russ.).

Институт негласных следственных действий (далее — НСД) известен правовым системам не всех государств. Однако это понятие знакомо большинству исследователей, интересующихся проблемами досудебного уголовного производства. Изначально возникнув в Западной Европе во второй половине XX в., институт НСД стал привлекать внимание постсоветских ученых, а затем и законодателей. Положения об НСД содержатся в уголовно-процессуальных законах Грузии, Украины, Латвии, Литвы, Молдавии, Эстонии, Кыргызстана и Казахстана.

Как отмечает М. С. Колосович, внедрение института НСД в уголовно-процессуальное право стран постсоветского пространства началось не в Казахстане, а на Украине в 2012 г. Принятый в указанном периоде новый Уголовно-процессуальный кодекс Украины разделил следственные действия на гласные и негласные. Ко второй группе отнесены такие действия, сведения о факте и методах проведения которых не подлежат разглашению (ст. 246). И только спустя несколько лет институт НСД был реципирован правовой системой Казахстана [1].

С. Г. Коновалов пишет о том, что появление НСД обусловлено сразу несколькими причинами. С одной стороны, новые формы преступности стали создавать угрозу не только национальной, но и международной безопасности, что требовало новых механизмов своевременного выявления планируемых преступных деяний. С другой стороны, значительно улучшилось техническое оснащение правоохранительных органов большинства государств, что открыло им возможность собирать информацию о планируемых и совершенных преступных деяниях незаметно, не допуская нанесения излишнего вреда [2].

Понятие негласного следственного действия официально закреплено в п. 12 ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее — УПК РК). Под таковым понимается некоторое действие, которое проводится на стадии досудебного производства по основаниям и в порядке, предусмотренным уголовно-процессуальным законом, без предварительного информирования о том

лиц, чьи интересы затрагиваются этим действием. НСД — это мощный механизм противодействия преступности в руках государства, который был введен в уголовный процесс Казахстана с принятием нового УПК, вступившего в силу с 2015 г.

В актуальной редакции ст. 231 УПК РК предусматривает следующие виды НСД:

- 1) негласные аудио- и (или) видеоконтроль лица или места;
- 2) негласные контроль, перехват и снятие информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи;
- 3) негласное получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами;
- 4) негласное снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств, предназначенных для сбора, обработки, накопления и хранения информации;
- 5) негласный контроль почтовых и иных отправлений;
- 6) негласные проникновение и (или) обследование места;
- 7) негласное наблюдение за лицом или местом;
- 8) негласный контрольный закуп.

Как отмечается в научной литературе, необходимость введения в уголовный процесс института НСД обусловлена стремлением повысить эффективность раскрытия и расследования преступлений за счет включения в процессуальное законодательство отдельных элементов смежной отрасли права — оперативно-разыскной деятельности [3]. В свою очередь, В. А. Семенцов считает, что применение средств и методов оперативно-разыскной деятельности необходимо для раскрытия и расследования преступлений. Они позволяют проникнуть в преступную среду, контролировать деятельность участников преступных формирований, получать важную для следствия информацию. Включение НСД в новый УПК РК продиктовано стремлением прямого признания результатов оперативно-разыскной деятельности доказательствами в уголовном судопроизводстве [4].

В научном сообществе отношение к введению в уголовно-процессуальное право Казахстана ин-

ститута НСД различное. Одни теоретики и практики поддерживали такое нововведение, другие — резко осудили. Отдельно выделилась группа ученых, которые вовсе не признали появление нового правового института в законодательстве Казахстана и продолжают относить НСД к разновидности оперативно-разыскных мероприятий (далее — ОРМ) [5].

Так, заслуженный работник МВД СССР и МВД РК, кандидат юридических наук А. Гинзбург отозвался об институте НСД крайне негативно. По его мнению, два различных по форме и сущности вида деятельности (уголовно-процессуальная и оперативно-разыскная) искусственно сливаются в единое целое. Это недопустимо, поскольку разрушает процессы этих видов деятельности и их законодательные основы, приводя к хаосу [6]. Аналогичного мнения придерживаются А. Н. Ахпанов и А. Л. Хан, которые в слиянии двух названных видов деятельности усматривают парализацию производства ОРМ [7].

В противовес мнению большинства Р. А. Медиев пишет, что произошедшая модернизация правовой системы Казахстана, в том числе появление в уголовном процессе института НСД, имеет целью повышение эффективности борьбы с преступностью, обеспечение уверенности граждан в безопасности, защите их прав и интересов. Разыскная функция может осуществляться не только в рамках оперативно-разыскной, но и уголовно-процессуальной деятельности. В связи с этим их нельзя дистанцировать друг от друга. Два данных вида деятельности сблизились в НСД, что соответствует международной практике [8].

Следует обратить внимание, что сами по себе результаты НСД не являются доказательствами по делу. Лицо, осуществляющее досудебное производство, знакомится с результатами НСД в установленном процессуальным законом порядке, в том числе при необходимости с привлечением специалиста, о чем составляется протокол (ст. 238 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее — УПК РК)). Доказательством по делу может выступать такой протокол ознакомления (ч. 2 ст. 239 УПК РК). Между тем, если произведенное НСД не позволит установить данные, которые в последующем подтвердят или опровергнут отдельные факты, имеющие значение для дела, то оно может «подсказать» следователю направление поиска информации об обстоятельствах случившегося. Тем самым производство НСД позволяет не допускать преждевременное вовлечение гражданских лиц в сферу уголовного судопроизводства без достаточных к тому оснований.

А. Н. Алиев и И. М. Искаков пишут о том, что название следственных действий негласными является неудачным. По мнению указанных авторов, термин «негласный» тождественен по своему значению термину «тайный». Это, в свою очередь, не соответствует целям и задачам уголовного судопроизводства. Поэтому целесообразно НСД переименовать в «специальные следственные действия» [9, с. 13].

С подобным мнением сложно согласиться. Переходя к толкованию термина «гласность», следует обратиться к толковым словарям. В них указывается несколько значений, в соответствии с которыми гласность — это: публичность; открытость общественно значимых процедур и процессов; открытость работы органов государственного и общественного управления, доступность их деятельности для общественного ознакомления; открытость и доступность информации для общественного ознакомления и обсуждения¹.

Следовательно, «негласный» не означает тайный, но предполагает распространение информации внутри достаточно узкого круга субъектов, являющихся уполномоченными и не относящихся к общественности. Таким образом, можно сделать вывод, что указание на негласность следственных действий дает достаточно четкую их характеристику и не требует использования иной терминологии.

Вместе с тем, обращаясь к законодательству других постсоветских республик, можно заметить, что аналог негласных следственных действий называется в них по-разному. В Уголовно-процессуальном кодексе Грузии такие действия именуются тайными (глава XVI.1), а в уголовно-процессуальных законах Латвии и Кыргызстана (гл. 31) — специальными. Как бы ни лавировал терминологически законодатель, сущность не меняется. Негласные, тайные, специальные следственные действия в обозначенных странах проводятся в рамках уголовного судопроизводства на досудебной стадии в целях собирания доказательств без оповещения об этом заинтересованных субъектов (участников процесса).

А. Ф. Кабидуллаев в рамках проведения сравнительного исследования понятий «следственные действия», «негласные следственные действия» и «оперативно-разыскные мероприятия» отмечает следующее. Сходство этих трех понятий в том, что каждое из них предполагает действия уполномо-

¹ Значение слова гласность. URL: <https://znachenie-slova.ru/гласность> (дата обращения: 06.10.2024).

ченных субъектов. Сходство НСД с ОРМ в негласном характере осуществления, что отличает их от следственных действий, а также в целях, которые ставятся перед уполномоченными субъектами (выяснение обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, без вовлечения в уголовный процесс лиц, интересы которых могут быть затронуты). Различие НСД и ОРМ в моменте их проведения. НСД проводятся только в рамках досудебного производства по уголовному делу, а ОРМ могут проводиться и до указанной стадии процесса [10].

Инициатором проведения большинства НСД, перечисленных в ст. 231 УПК РК, является орган досудебного расследования (ч. 2 ст. 232). Следует отметить, что НСД по своей сути похожи на ОРМ, в связи с чем некоторые практические работники не понимают грани между двумя указанными категориями [11]. Действительно перечень НСД, установленный ст. 231 УПК РК, в некоторой степени схож с перечнем ОРМ, содержащимся в ст. 11 Закона РК «Об оперативно-розыскной деятельности». Однако их полного совпадения не происходит.

В связи с непониманием правовой природы НСД на практике возникают сложности в их отграничении от ОРМ. Однако, как указывают А. Н. Ахпанов и А. Л. Хан, в рамках производства по одному и тому же уголовному делу допустимо использовать и НСД, и ОРМ параллельно по инициативе самих оперативных работников. По мнению названных авторов, это обусловлено тем, что ОРМ и НСД имеют существенное различие по своему предназначению. Производство ОРМ не ограничивается рамками конкретного уголовного дела и имеет своей целью отыскание информации о любом возможном, совершающемся или совершенном преступлении. В свою очередь производство НСД имеет локальное значение и ограничивается пределами доказывания по конкретному уголовному делу. Данный фактор сближает НСД с типичными следственными действиями, которые также производятся для сбора информации об обстоятельствах конкретного уголовного правонарушения. Следовательно, не должно существовать никаких правовых препятствий к осуществлению ОРМ наряду с НСД. Решение о применении процессуальных или непроцессуальных способов сбора информации и ее фиксации должно приниматься уполномоченными субъектами исходя из анализа сложившейся следственной ситуации [12].

Между тем, согласно одной из существующих в науке точек зрения, НСД хоть и называются следственными действиями, но таковыми факти-

чески не являются. Это обусловлено тем, что сбор доказательственной базы в ходе проведения следственных действий осуществляется за счет непосредственного восприятия следователем (дознавателем) источников доказательств. При проведении НСД такое восприятие отсутствует, следователь (дознаватель) выдает поручение, а затем составляет протокол по результатам исследования полученных другими уполномоченными лицами данных [13].

Как пишут Е. Е. Колбасина, А. С. Мельникова и Л. В. Кокорева, с введением в УПК РК института НСД произошло фактически дублирование ОРМ, но только с приданием им значения средства доказывания в уголовном процессе [14].

Согласно другому мнению, НСД тесно связаны с оперативно-розыскной деятельностью по своей правовой природе. Они, безусловно, схожи своим негласным характером, а также методами и формой осуществления. В то же время два названных процессуальных института отличаются между собой по инициаторам их проведения; субъектам санкционирования; стадиям уголовного процесса, на которых они могут осуществляться; основаниям проведения. Однако существующая оперативно-следственная модель доказывания позволила приблизить уголовно-процессуальное право Республики Казахстан к европейским стандартам уголовного судопроизводства [15].

М. С. Колосович пишет, что предоставление органам предварительного расследования преступлений права на осуществление действий, схожих по правовой природе с ОРМ, является основой правовой регламентации негласной деятельности по уголовному делу. Тем не менее ученые и правоприменители отмечают высокую эффективность НСД и стабильный рост результативности деятельности полиции в формировании доказательственной базы по уголовным делам. В связи с этим М. С. Колосович подчеркивает существование возможности в недалеком будущем закрепления принципа тайны наравне с принципом гласности в уголовном судопроизводстве отдельных государств, в том числе Казахстана [16].

Правовое регулирование НСД в Республике Казахстан базируется на нормах Конституции РК, УПК РК, Законе РК «Об оперативно-розыскной деятельности» и принятых в их продолжение подзаконных актах. Проведение НСД не только затрагивает, но и может ограничивать ряд конституционных прав граждан. Например, в ходе НСД ограничивается право на неприкосновенность

частной жизни, неприкосновенность жилища [17] и др. В связи с этим необходимо соблюдать условия правомерности осуществления НСД.

УПК РК предусматривает два альтернативных основания проведения НСД (ч. 4 ст. 232):

1) совершено преступление, максимальное уголовное наказание за которое превышает один год лишения свободы;

2) преступление подготавливается или совершено преступной группой.

Следует отметить, что в научных кругах высказываются идеи относительно необходимости корректирования указанных оснований. Уголовный кодекс Республики Казахстан (далее — УК РК) содержит немало составов преступлений, максимальное наказание за которые превышает один год лишения свободы. Среди них, например, истязание (ст. 110), уклонение от уплаты алиментов (ст. 139), нарушение трудового законодательства в отношении несовершеннолетнего (ст. 153), все виды кражи, в том числе кража неквалифицированная (ст. 188), хищение скота (ст. 188.1) и пр. По мнению некоторых авторов, вмешательство в частную жизнь при расследовании подобных преступлений является чрезмерным. В связи с этим ими предлагается внести изменения в УПК РК, допустив проведение НСД только при раскрытии и расследовании тяжких и особо тяжких преступлений [9].

Такое предложение видится рациональным и обоснованным, поскольку позволит соблюсти баланс между государственным вмешательством в частную жизнь и соблюдением публичных интересов — осуществлением борьбы с преступностью, восстановлением социальной справедливости.

Другие условия правомерности НСД содержатся в ст. 35 УК РК. Среди них можно выделить следующие:

— круг субъектов, уполномоченных на проведение НСД, строго ограничен и включает в себя сотрудников правоохранительных и специальных государственных органов, а также лиц, сотрудничающих с этими органами и действующих по их поручению;

— целью проведения НСД в каждом случае должно являться предотвращение, выявление, раскрытие или расследование преступления.

В 2022 г. в МВД РК поступило представление Генеральной прокуратуры РК об устранении нарушений законодательства, допущенных при производстве НСД. В этом представлении отмечались следующие факты. Сотрудники МВД РК для произ-

водства НСД вместо ОРМ допускали необоснованную регистрацию в едином реестре досудебного расследования фактов, не содержащих признаков преступления. В поручениях о производстве НСД отсутствовало надлежащее обоснование. Некоторые из законных и обоснованных поручений следователей о производстве НСД оставались неисполненными со стороны уполномоченных подразделений. В отдельных случаях НСД проводились в отсутствие поручений следователей, а также по прекращенным уголовным делам. За допущенные нарушения 26 сотрудников полиции были привлечены к дисциплинарной ответственности, а 25 сотрудникам удалось такой ответственности избежать в связи с истечением сроков наложения дисциплинарного взыскания со дня совершения проступка.

Приведенные сведения свидетельствуют о том, что сотрудниками полиции не в полной мере понимается правомерность, основания и порядок производства НСД, а значит, и не понимается правовая сущность данного института. Для устранения недостатков в работе правоохранителей на указанном направлении руководство МВД РК потребовало организовать в системе МВД РК строгий учет поручений о производстве НСД, уделив особое внимание их качеству и срокам исполнения, а также организовать дополнительное обучение личного состава заинтересованных служб по изучению требований гл. 30 УПК РК, Правил проведения негласных следственных действий.

Рассматривая вопрос о разграничении НСД и ОРМ, необходимо обратить внимание на возможность их производства до начала досудебного производства. До регистрации сообщения о преступлении в Едином реестре досудебных расследований производство НСД невозможно, но допускается проведение ОРМ в соответствии с Законом РК «Об оперативно-розыскной деятельности» в целях поиска и проверки необходимой информации для принятия решения о возбуждении досудебного производства. Правовыми актами ведомственного и межведомственного характера, регулирующими производство ОРМ, на этом этапе руководствуются подразделения полиции и при взаимодействии между собой. В случае установления данных, свидетельствующих о наличии признаков преступления, сведения вносятся в Единый реестр досудебных расследований в виде рапорта сотрудника полиции с приобщенными к нему результатами ОРМ (в объеме и форме, определенных самим сотрудником и его руководителем).

После начала досудебного расследования могут проводиться и ОРМ, и НСД. Исходя из того что НСД могут проводиться только в рамках предварительного расследования, они в процессуальном плане должны рассматриваться наравне с типичными следственными действиями [18].

Следует отметить некоторые противоречия, имеющиеся между нормами материального и процессуального права, регулирующими основания и условия осуществления НСД. Так, неприкосновенность частной жизни относится к числу благ, охраняемых уголовным законом (ст. 147 УК РК). Причинение вреда указанному благу в силу ст. 35 УК РК не будет являться преступлением, если деяние совершено при проведении НСД в рамках раскрытия или расследования групповой преступности, разведывательных или подрывных акций. Таким образом, осуществление НСД по преступлениям, совершенным индивидуальным субъектом, не является обстоятельством, исключающим преступность деяния. В свою очередь, ч. 4 ст. 232 УПК РК допускает проведение НСД не только по групповым, но и по индивидуальным уголовным правонарушениям.

Уголовный закон при этом продолжает перечень условий правомерности НСД следующим образом: 1) причиненный охраняемым законом интересам вред меньше предотвращенного; 2) раскрытие, расследование преступления и изобличение виновного иным способом не представлялось возможным. Однако названные условия должны наличествовать одновременно с предотвращением групповой преступности, на что указывают используемые законодателем союзы «а также», «и».

Для устранения существующего противоречия необходимо из ст. 35 УК РК исключить слова «совершенных группой лиц», «группой лиц по предварительному сговору», «преступной группой», «предупреждения, вскрытия и пресечения разведывательных и (или) подрывных акций». В таком случае останется указание на то, что НСД осуществляются в рамках раскрытия и расследования уголовных преступлений, предотвращенный вред больше причиненного вреда и иных способов раскрытия преступления не существовало. В совокупности же с нормами уголовно-процессуального законодательства правоприменитель сможет однозначно определить, при расследовании каких конкретно преступлений допустимо проведение НСД (их круг закреплён в ч. 4 ст. 232 УПК РК).

Важно обратить внимание и на существующее противоречие в проведении НСД конституционным нормам. Так, согласно ч. 3 ст. 18 Конституции РК,

на государственные органы возлагается обязанность ознакомить лицо не только с решениями, затрагивающими его права и интересы, но и с иными документами, а также с источниками соответствующей информации. Вместе с тем частью 1-1 статьи 240 УПК РК, пунктом 20 Правил проведения негласных действий, утвержденных в декабре 2014 г., предусмотрено, что после вынесения итогового решения по уголовному делу заинтересованные лица уведомляются о проведении в отношении них НСД, но не подлежат ознакомлению с их результатами.

В то же время Конституционный Совет Республики Казахстан в 2008 г. в одном из своих нормативных постановлений разъяснял, что при принятии законов и подзаконных актов, регулирующих ограничение прав и свобод человека и гражданина, законодатель не должен вводить ограничения, не согласующиеся с конституционными положениями¹.

Из этого следует, что необходимо либо привести в соответствие с нормами Конституции РК положения уголовно-процессуального законодательства, либо предусмотреть в ч. 3 ст. 18 Конституции РК исключения из общего правила.

Подводя итог изложенному, необходимо отметить следующее. Понятие НСД закреплено в нормах УПК РК. Оно сформулировано лаконично и четко. Вместе с тем данное понятие не позволяет однозначно определить правовую природу НСД. В связи с этим ряд теоретиков и практиков делают выводы о тождественности НСД с ОРМ. Проведенный в настоящей статье анализ позволяет говорить о наличии определенного сходства между двумя названными институтами, но при этом о сохранении ими самостоятельности (по правовым основам, целям, задачам и субъектам осуществления, по сроку и порядку производства). Между тем правовое регулирование осуществления НСД в уголовном судопроизводстве Казахстана не является совершенным в части определения оснований и условий осуществления НСД, ознакомления заинтересованных лиц с материалами их производства, в связи с чем требуется внесение изменений в нормы не только УПК РК, но и других отраслей права (например, уголовного и конституционного).

¹ Нормативное постановление Конституционного Совета от 27 февраля 2008 г. № 2. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/S080000002_#z0 (дата обращения: 06.10.2024).

1. Колосович М. С. Производство негласных следственных действий по УПК России, Украины, Казахстана и Киргизии // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (33). С. 139—146.

2. Коновалов С. Г. Негласные следственные действия в уголовном процессе Германии: проблемы концептуализации // Уголовное судопроизводство. 2018. № 1. С. 41—48.

3. Нургалиев Б. М., Лакбаев К. С., Кусаинова А. К. Проблемы правоприменительной практики негласных следственных действий в Казахстане // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2019. № 3. С. 577—585.

4. Семенцов В. А. Досудебное производство по новому Уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан // Российский юридический журнал. 2015. № 4. С. 20—25.

5. Татаринова Л. Ф., Иванова Ж. Б. Проблемы определения правовой природы негласных следственных действий // Education. Quality assurance. 2023. № 4 (33). С. 38—48.

6. Гинзбург А. О так называемых «негласных следственных действиях». URL: <https://journal.zakon.kz/4568011-o-tak-nazyvaemykh-neglasnykh.html> (дата обращения: 06.10.2024).

7. Ахпанов А. Н., Хан А. Л. Негласные следственные действия в контексте оперативно-розыскных мероприятий // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXIV междунар. науч.-практ. конф. (Красноярск, 8—9 апреля 2021 г.). Ч. 1. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2021. С. 150—153.

8. Медиев Р. А. Уголовно-процессуальный синтез следственных и оперативно-розыскных полномочий следователя в условиях реформирования правовой системы Республики Казахстан: дис. ... д-ра философии PhD. Караганда, 2015. 188 с.

9. Алиев А. Н., Исаков И. М. Негласные следственные действия в новом УПК РК: практика применения международных стандартов // Вестник Карагандинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан им. Баримбека Бейсенова. 2016. № 3. С. 12—15.

10. Кабидуллаев А. Ф. Сравнительный анализ негласных следственных действий, следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий // Научные исследования XXI века. 2021. № 2 (10). С. 240—246.

11. Шамуратов Д. Е., Жолумбаев М. К. Институт негласных следственных действий в уголов-

1. Kolosovich M. S. Production of covert investigative actions provided for the Criminal Procedure Code of Russia, Ukraine, Kazakhstan and Kyrgyzstan. Law science and law enforcement practice, 139—146. 2015. (In Russ.).

2. Konovalov S. G. Covert investigative actions in the criminal proceedings in Germany: problems of conceptualization. Criminal proceedings, 41—48, 2018. (In Russ.).

3. Nurgaliyev B. M., Lakbayev K. S., Kusaionova A. K. Problems of law enforcement practice of covert investigative actions in Kazakhstan. Journal of Saint Petersburg University, 577—585, 2019. (In Russ.).

4. Semyenov V. A. Pre-trial proceedings provided for the new Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan. Russian law journal, 20—25, 2015. (In Russ.).

5. Tatarinova L. F., Ivanova Zh. B. Problems of determining the legal nature of covert investigative actions. Education. Quality assurance, 38—48, 2023. (In Russ.).

6. Ginzburg A. On the so-called "covert investigative actions". Available from: <https://journal.zakon.kz/4568011-o-tak-nazyvaemykh-neglasnykh.html>. Accessed: 6 October 2024. (In Russ.).

7. Akhpanov A. N., Khan A. L. Covert investigative actions in the context of detective actions. In: Topical problems of fighting crime: issues of theory and practice. Materials of the XXIV international, scientific and practical conference (Krasnoyarsk, 8—9 April 2021). Part 1. Krasnoyarsk: Siberian law institute of the Ministry of the Interior of Russia, 150—153, 2021. (In Russ.).

8. Mediyev R. A. Criminal and procedural synthesis of investigative and detective powers of the investigator in the context of reforming the legal system of the Republic of Kazakhstan. Dissertation of doctor of philosophical sciences. Karaganda; 2015: 188. (In Russ.).

9. Aliev A. N., Isakov I. M. Covert investigative actions in the new CPC RK: practice of application of international standards. Journal of the Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Barimbek Beisenov, 12—15, 2016. (In Russ.).

10. Kابدullayev A. F. Comparative analysis of covert investigative actions, investigative actions and detective activities. Scientific research of XXI century, 240—246, 2021. (In Russ.).

11. Shamuratov D. Ye., Zholumbaev M. K. Institute of covert investigative actions in the criminal

ном процессе Казахстана // Новое слово в науке: перспективы развития. 2016. № 2 (8). С. 302—303.

12. Ахпанов А. Н., Хан А. Л. О правовой природе и разграничении оперативно-розыскных мероприятий и негласных следственных действий // Вестник Института законодательства РК. 2018. № 3 (52). С. 45—53.

13. Толеубекова Б. Х., Хведелидзе Т. Б. Негласные следственные действия в условиях внедрения трехзвенной модели уголовного судопроизводства (по законодательству Республики Казахстан) // Путь науки. 2021. № 9 (91). С. 29—32.

14. Колбасина Е. Е., Мельникова А. С., Кокорева Л. В. Негласные следственные действия в УПК Республики Казахстан: элемент уголовного судопроизводства или оперативно-розыскной деятельности? // Юрист-Правоведъ. 2021. № 1 (96). С. 154—158.

15. Краснова В. Ю. К вопросу о негласных следственных действиях в свете разъяснений Верховного Суда Республики Казахстан // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 2 (32). С. 130—133.

16. Колосович М. С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2019. 51 с.

17. Юдаков К. И. Правовое регулирование проведения негласных следственных действий в Республике Казахстан // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2015. № 2 (4). С. 105—110.

18. Халиков А. Н. Институт негласных следственных действий в уголовно-процессуальном законе России и стран ближнего зарубежья (сравнительно-правовое исследование) // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 1 (75). С. 142—150.

Закен Серик Сайлауханулы,

адъюнкт адъюнктуры

Волгоградской академии МВД России;

zss.zss.zss.78@gmail.com

process of Kazakhstan. A new word in science: prospects of development, 302—303, 2016. (In Russ.).

12. Akhpanov A. N., Khan A. L. On the legal nature and differentiation of detective activities and covert investigative actions. Journal of the institute of legislation of the Republic of Kazakhstan, 45—53, 2018. (In Russ.).

13. Tolyeubekova B. H., Khvedelidze T. B. Covert investigative actions in the conditions of implementation of the three-link model of criminal proceedings (due to the legislation of the Republic of Kazakhstan). The way of science, 29—32, 2021. (In Russ.).

14. Kolbasina Ye. Ye., Melnikova A. S., Kokoreva L. V. Covert investigative actions in the CPC of the Republic of Kazakhstan: an element of criminal proceedings or operative-search activities? Jurist-Pravoved, 154—158, 2021. (In Russ.).

15. Krasnova V. Yu. To the issue of covert investigative actions in the context of clarifications of the supreme court of the Republic of Kazakhstan. Investigation of crimes: problems and ways of their solution, 130—133, 2021. (In Russ.).

16. Kolosovich M. S. Procedural means of ensuring transparency and secrecy in criminal proceedings: conceptual foundations. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Volgograd; 2019: 51. (In Russ.).

17. Yudakov K. I. Legal regulation of conducting covert investigative actions in the Republic of Kazakhstan. Penitentiary law: legal theory and law enforcement practice, 105—110, 2015. (In Russ.).

18. Khalikov A. N. The Institute of covert investigative actions in the criminal procedural law of Russia and the neighboring countries (comparative legal research). Legal state: theory and practice, 142—150, 2024. (In Russ.).

Zaken Serik Sailaukhanuly,

associate adjunct of the Volgograd Academy

of the Ministry of the Interior of Russia;

zss.zss.zss.78@gmail.com

Статья поступила в редакцию 15.10.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.

The article was submitted 15.10.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 14.11.2024.

* * *

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ
В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA»**

Требования к техническому оформлению

Научно-методический журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» является периодическим печатным изданием Волгоградской академии МВД России.

Журнал основан в 2006 г. Выходит 4 раза в год тиражом 250 экземпляров. ISSN 2074-8183.

Регистрационный номер в Роскомнадзоре — ПИ № ФС77-75804 от 23 мая 2019 г.

Журнал свободно распространяется на территории Российской Федерации и за ее пределами путем подписки по каталогу «Пресса России». Подписной индекс в каталоге «Пресса России» — 22761.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Полнотекстовые версии статей и пристатейные библиографические списки помещаются на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию.

Приоритетными задачами издания являются:

— представление продуктивных идей и современных научных точек зрения специалистов из разных областей знания по вопросам эффективного развития высшей школы и высшего юридического образования;

— представление результатов проектной деятельности и научных исследований, выполненных в научно-исследовательских и образовательных учреждениях МВД России;

— информирование о внедрении результатов научных исследований в практику органов внутренних дел;

— обмен педагогическим опытом преподавателей родственных специальностей различных образовательных организаций;

— аналитические обзоры научно-методической и юридической литературы.

В журнале представлены следующие рубрики:

1. Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право.

2. Уголовный процесс.

3. Криминалистика.

4. Оперативно-разыскная деятельность.

5. Трибуна молодого ученого.

Представляемая к изданию рукопись должна:

— по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала;

— содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать ее в названии работы;

— предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для образовательного процесса, научных разработок, деятельности правоохранительных органов.

Преимущественное право на публикацию имеют подписчики журнала.

Объем статьи не должен быть менее 12 машинописных страниц. Рукописи представляются в виде распечатки текста (2 экз.), подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифт Times New Roman, размер 14. Поля на странице: слева и снизу 25 мм, сверху 20 мм, справа 10 мм.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат TIFF или JPEG, режим градиент серого или битовый, разрешение 300 dpi). Обязательно наличие подрисуночных подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Каждая статья должна содержать:

- заголовок на русском и английском языке;
- аннотацию¹ на русском и английском языке (рекомендуется не менее 120 слов);
- ключевые слова² на русском и английском языке;
- сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты — данные сведения будут опубликованы);
- пристатейный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТ Р 7.0.5-2008, на русском и английском языке;
- код универсальной десятичной классификации (УДК).

Перевод на английский язык обязательно должен быть заверен в бюро переводов или руководителем кафедры иностранных языков образовательной организации высшего образования.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее — дата, ФИО руководителя, его подпись.

К статье прилагаются:

- копия подписной квитанции;
- заявка (бланк на сайте);
- идентичный вариант статьи и заявки на электронном носителе. Дополнительно электронные варианты статьи и заявки необходимо выслать по электронной почте mkolosovich@mvd.ru;
- отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов, соискателей).

Все документы можно представить лично либо отправить в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) на адрес редакции:

400075, Волгоград, ул. Историческая, д. 130.

Волгоградская академия МВД России, редакционно-издательский отдел,
журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России».

E-mail: mkolosovich@mvd.ru

Тел.: (8442) 24-83-55, +7 (902) 380-00-88.

¹ **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

² **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям, сличаются печатный и электронный вариант. Если все документы оформлены правильно, рукописи присваивается регистрационный номер. В случае неправильного оформления документов автор получает извещение об этом.

Рецензирование и опубликование статьи

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку и рецензирование членами редакционного совета научно-методического журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» по следующим критериям:

- актуальность;
- научная новизна;
- теоретическая и прикладная значимость;
- исследовательский характер;
- логичность и последовательность изложения;
- аргументированность основных положений;
- достоверность и обоснованность выводов.

На этапе рецензирования каждая статья, представляемая к публикации, рецензируется одним из членов редакционного совета журнала. При отказе в направлении на рецензирование представленной автором рукописи редакция направляет автору мотивированный ответ. Статья, рекомендованная к опубликованию после доработки, устранения замечаний, проходит повторное рецензирование у того же члена редакционного совета, который осуществлял первичное рецензирование данной статьи. В этом случае датой поступления статьи в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Если в результате повторного рецензирования получен отрицательный отзыв рецензента, редакция журнала отказывает автору в публикации статьи.

В случае отказа в публикации статьи редакционно-издательский отдел направляет ее автору мотивированное уведомление о принятом решении. По требованию автора ему представляется копия рецензии.

В зависимости от результатов рецензирования принимается окончательное решение об опубликовании или отказе в публикации статьи.

Принимаются к рассмотрению работы объемом до двух машинописных страниц, содержащие краткие отзывы и рецензии на уже опубликованные в журнале статьи (рецензия члена редакционного совета не обязательна).

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Не принимаются статьи, имеющие менее 70 % оригинального текста.

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

ЗАЯВКА¹
на публикацию статьи в научно-методическом журнале
«Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia»

Я (мы), _____
фамилия, имя, отчество полностью
прошу (просим) опубликовать мою (нашу) статью «_____»
_____»
название статьи

в научно-методическом журнале «Вестник Волгоградской академии МВД России».

Данной заявкой я (мы) также:

1. Подтверждаю(ем), что статья создана мной (нами) лично и публикуется впервые.
2. Даю(ем) согласие на осуществление редактирования моей (нашей) статьи, которое не должно повлечь за собой изменения ее смысла, включения дополнений к ней без моего (нашего) согласия.
3. Даю(ем) согласие на совершение издателем журнала любых действий, направленных на доведение моей (нашей) статьи до всеобщего сведения: размещение в сети Интернет, включение в электронные базы данных, — а также на безвозмездную передачу исключительных прав третьим лицам, при условии соблюдения моих (наших) неимущественных авторских прав (права авторства, права на имя, права на неприкосновенность произведения).
4. Даю(ем) согласие на извлечение из моей (нашей) статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя (имена) автора(ов) (правообладателя(ей)), аннотация, ключевые слова, список библиографических ссылок) в целях их включения в базу данных РИНЦ — Российский индекс научного цитирования, — содержащую библиографическую информацию (библиографические описания статей и пристатейные ссылки).
5. Гарантирую(ем), что при подготовке материалов рукописи научной статьи не использовались сведения, попадающие под действие перечня сведений, составляющих государственную тайну (статья 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»). Сведения, содержащиеся в рукописи статьи, не относятся к перечню сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203, а также п. 2 Инструкции по организации деятельности по обращению со служебной информацией ограниченного распространения в системе МВД России, утвержденной приказом МВД России от 9 ноября 2018 г. № 755. Рукопись предназначена для опубликования без грифа секретности, а также без пометки «для служебного пользования».
6. Даю(ем) согласие на хранение и обработку моих (наших) персональных данных, указанных в анкете автора, без ограничения по сроку.
7. О себе сообщаю(ем) следующие сведения²:

1. ФИО полностью	
2. Ученая степень	
3. Ученое звание	
4. Место работы	
5. Должность	
6. Адрес электронной почты	
7. Номер телефона	
8. Контактная информация для размещения в журнале	

¹ Статьи, поступившие в редакцию журнала без заявки, рассматриваться не будут.

² Таблица заполняется на каждого автора.

8. О статье сообщаю(ем) следующую информацию:

1. Название статьи	
2. Аннотация (рекомендуется не менее 120 слов)	
3. Ключевые слова	
4. Рубрика	

«__» _____ 20__

подпись

фамилия, инициалы¹

¹ Заявка подписывается каждым автором.

ДЛЯ ЗАМЕТОК